

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
300
ЛЕТ
ВОССОЕДИНЕНИЯ
УКРАИНЫ
С РОССИЕЙ
Р.С.Ф.С.Р.
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
УКРАЇНСЬКА РСР
СЛАВЬСЯ, ОТЕЧЕСТВО НАШЕ СВОБОДНОЕ,
ДРУЖБЫ НАРОДОВ НАДЁЖНЫЙ ОПЛОТ!

Герои Советского Союза шахтеры А. Черкасов (слева) и П. Болото. (См. в номере «Друзья-шахтеры».) Фото Е. Умнова.

На первой странице обложки: Плакат работы художников В. Корецкого, К. Иванова, О. Савостюка и Б. Успенского. Из серии, выпущенной Изогизом к 300-летию воссоединения Украины с Россией.

На последней странице обложки: Киев. Площадь имени М. И. Калинина. Фото Ф. Лукаша.

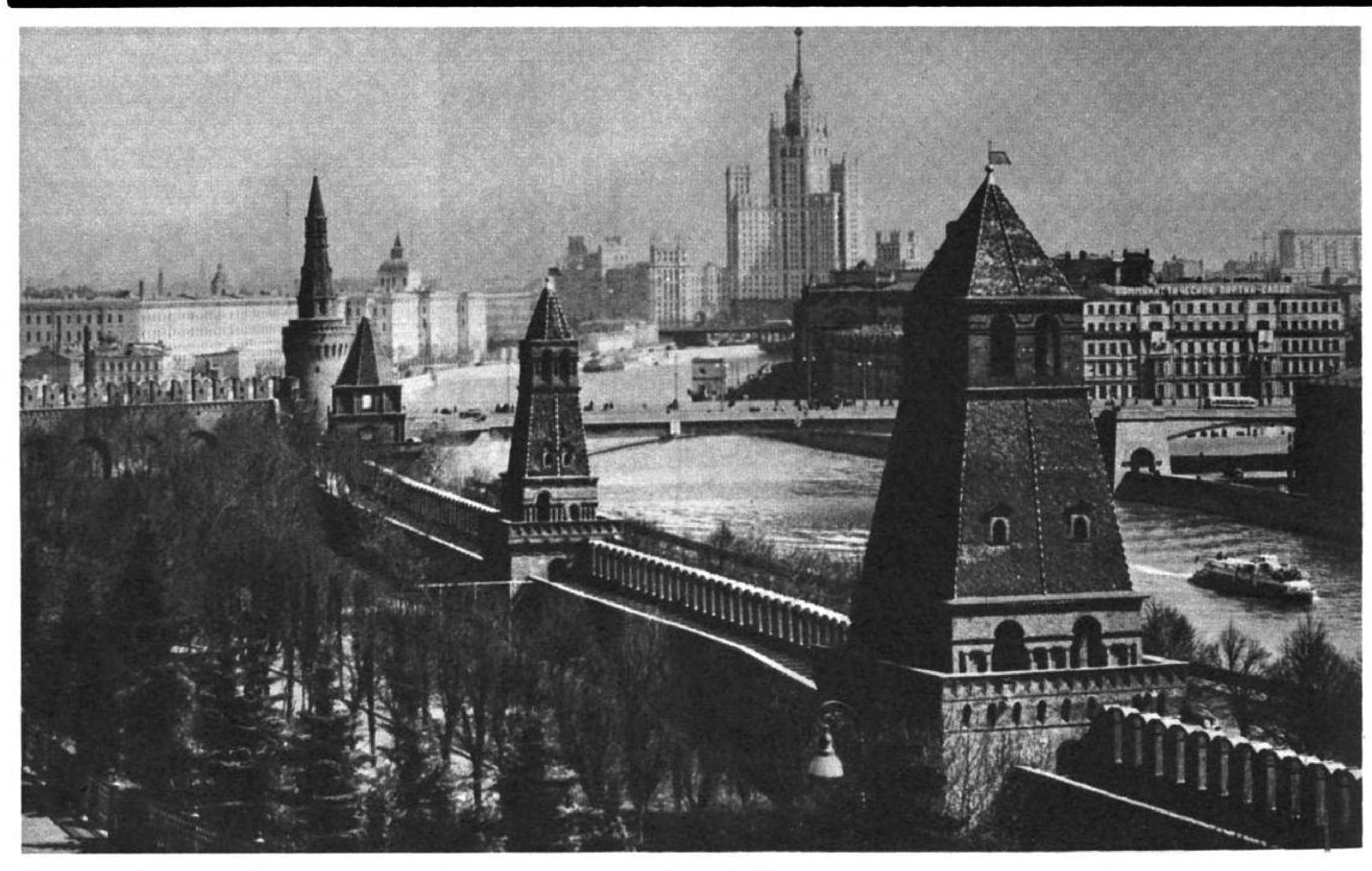

ОГОНЁК № 20 (1405) 16 МАЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, май 1954 года. Фото А. Гостева.

Великий праздник

Александр КОРНЕЙЧУК

В истории народов были отдельные случаи взаимной помощи в беде. Но не знает история такой величественной, такой бескорыстной помощи, какую оказывал на протяжении веков русский народ Украине в ее героической борьбе за свою честь и свободу.

В дни великого национального праздника — 300-летия воссоединения Украины с Россией — обращаешься к славному прошлому наших народов-братьев и видишь, какие жесточайшие испытания пришлось вынести на своих плечах украинцам, какую борьбу довелось вести против угнетателей. Кто только не терзал Украину: польская шляхта, турецкие султаны, крымские ханы. Ватикан провозглашал против нее крестовые походы и плел через иезуитов кровавые заговоры. Авантюристы и наемные разбойники многих европейских государств за золото польских и украинских феодалов, за подачки Ватикана стекались в шляхетское войско, чтобы истребить украинский народ.

Нечеловеческие страдания обрушились на Украину в те годы, когда под водительством великого государственного деятеля и полководца гетмана Богдана Хмельницкого и его славных сподвижников Кривоноса, Богуна, Нечая украинский народ вел священную освободительную войну. В течение нескольких лет подряд саранча нападала на посевы и уничтожала их. Голод свирепствовал на Украине. Вспыхнула чума. От полного разорения, от национальной катастрофы спасла тогда украинский народ Переяславская Рада.

Приняв решение о воссоединении на вечные времена с братским русским народом, Рада проявила великую мудрость, глубокое понимание национальных интересов. К Москве, к великому русскому народу обращали взоры наши предки и прежде, до воссоединения, на протяжении всей своей истории. И всегда получали они братскую помощь в борьбе за землю, честь, свободу. Воссоединение двух великих славянских народов спасло Украину, укрепило Русское государство, сделало его еще более могучей силой, которая на протяжении последующих трех столетий победоносно и сокрушительно отражала все нашествия врагов.

Как ни ярки и славны страницы древней истории нашего народа, но подлинной свободы, социального и национального освобождения, создания могучего суверенного украинского государства, объединения всех своих исконных земель, расцвета национальной культуры, развития своих несчетных богатств украинцы достигли только спустя века после Переяславской Рады. Вместе со своим старшим братом — русским народом украинский народ проделал огромный исторический путь к Октябрю. Вместе со всеми народами нашей многонациональной Родины, под руководством великой Коммунистической партии украинский народ построил социализм и воздвигает сейчас светлое здание коммунизма.

Коммунистическая партия впервые в истории убрала все препятствия на пути к дружбе народов. Она раскрыла источник всепобеждающей силы, имя которой — дружба социалистических наций.

С братской помощью русского народа и других народов Страны Советов, под руководством партии Советская Украина стала могучим индустриальным государством, передовой республикой СССР. Сейчас, окрыленный решениями Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, украинский народ, как и все народы Советского Союза, еще шире расправляет свои крылья. Он готов на новые подвиги во имя счастья советского человека, во имя могущества и процветания нашей Родины, во имя укрепления мира во всем мире.

В дни празднеств, в апреле, Москва по-братски встречала посланцев украинского народа. Ныне Киев, праздничный, в майском весеннем убранстве расцветших каштанов, встречает дорогих гостей.

Низкий поклон вам, дорогие товарищи, братья, самые близкие наши друзья!

Спасибо вам за все доброе, что сделали вы для братской Украины!

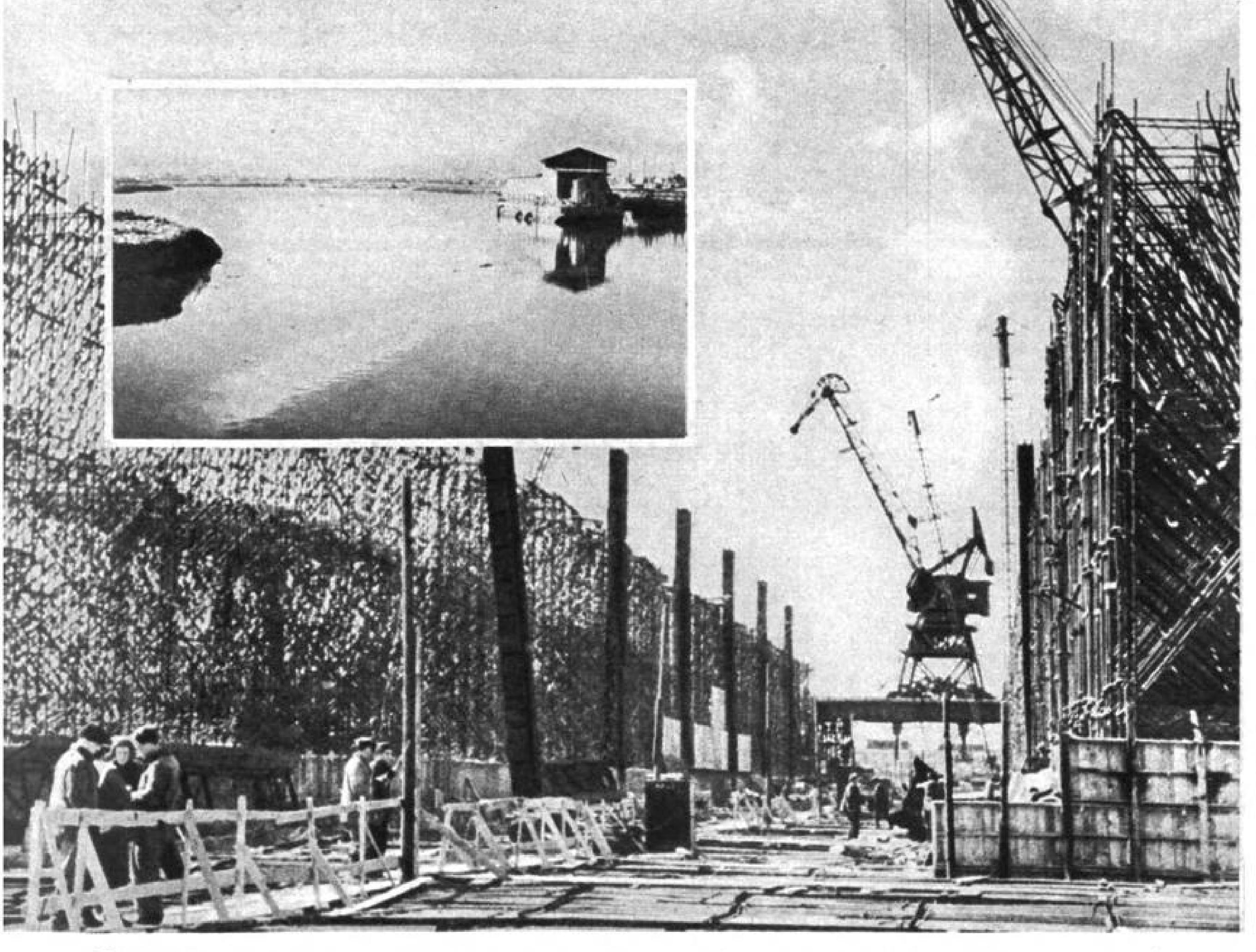
Спасибо всем дорогим народам-братьям, которые помогают Украине!

Спасибо великому русскому народу, который всегда помогал родной сестре — Украине!

Хай живе наше велике свято!

Да здравствует наш прекрасный национальный праздник — праздник дружбы народов!

На год раньше срока ввести в эксплуатацию Каховскую гидроэлектростанцию — за это борются сейчас коллективы строительных участков. В адрес строительства ежедневно по железной дороге и реке прибывает свыше 10 тысяч тонн строительных материалов, металла, оборудования.

Полным ходом идет сооружение судоходного шлюза. Сейчас уже явственно вырисовываются его контуры, а немногим более года назад здесь плескалась вода.

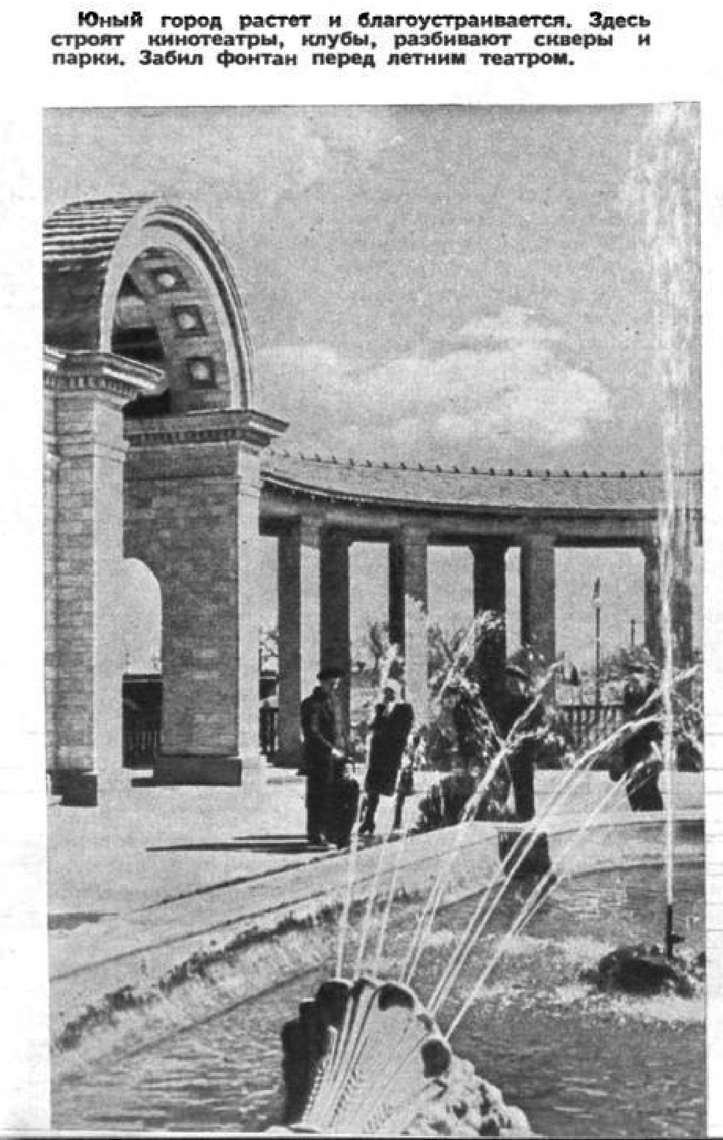

Почетна профессия бульдозериста! Коммунист Иван Мастеров обучил своего сына комсомольца Егора вождению бульдозера. Ныне они работают на одной машине.

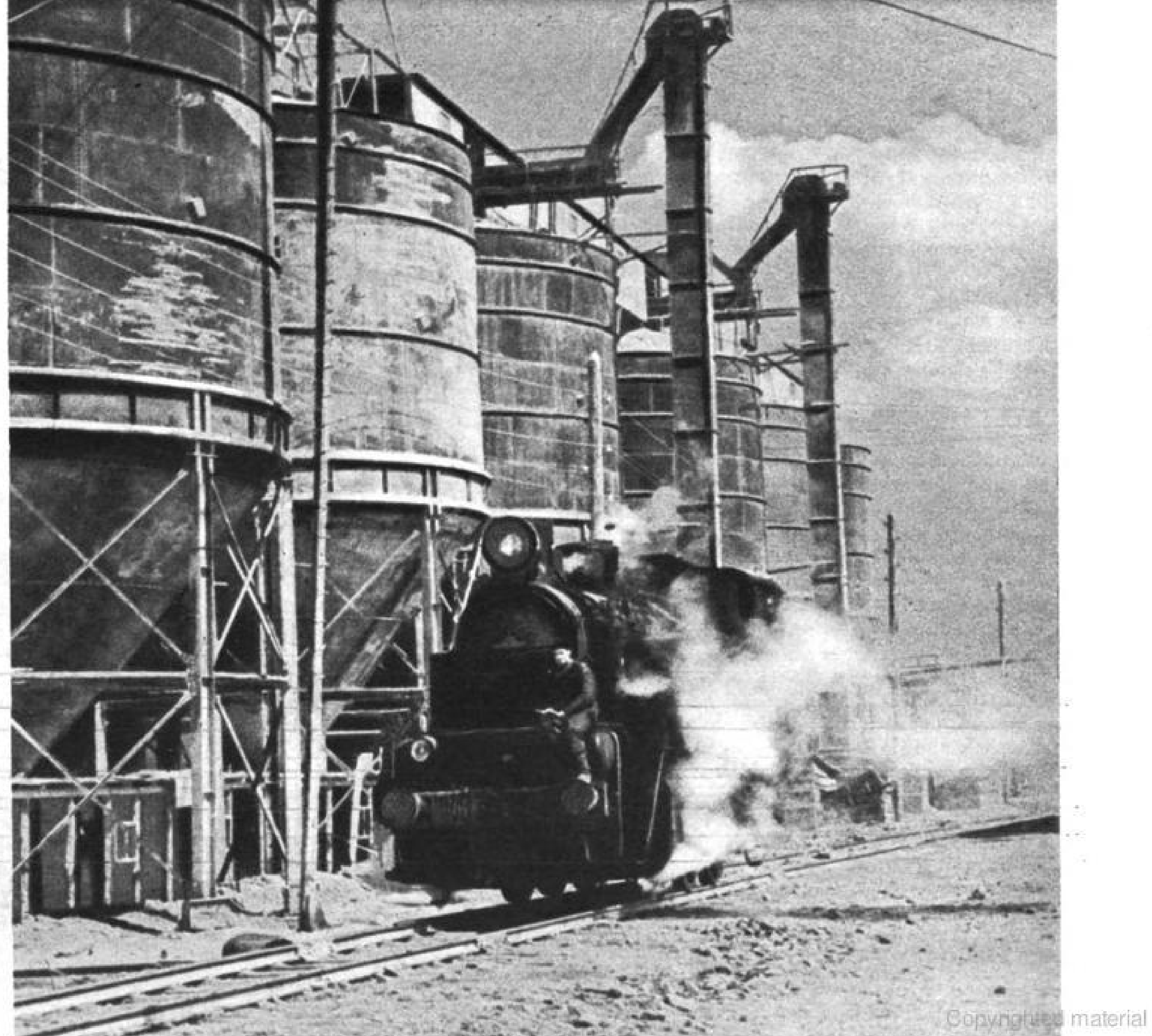
СЕГОДНЯ В КАХОВКЕ

Фото П. Бернштейна.

Юный город растет и благоустраивается. Здесь строят кинотеатры, клубы, разбивают скверы и парки. Забил фонтан перед летним театром.

Недавно введена в действие третья секция автоматизированного бетонного завода. Только в апреле бригады, занятые на основных объектах гидроузла, уложили около 60 тысяч кубометров бетона.

ДРУЗЬЯ — ШАХТЕРЫ

— Каковы успехи?
Петро Болото с дочкой Галей.

В дни Сталинградской битвы, в самом ее начале, всю советскую печать обошел рассказ о геройском подвиге четырех бронебойщиков — донецкого шахтера Петра Болото и его товарищей. В донской, выжженной июльским солнцем и исклеванной снарядами степи, вступив в жаркую схватку с тридцатью немецкими танками, четыре воина подбили пятнадцать танков, а остальные вынуждены были повернуть вспять.

Всю битву под Сталинградом не расставался Петро Болото, теперь уже Герой Советского Союза, со своим противотанковым ружьем, не расставался с ним и на обратном пути — от Волги к Дону, от Дона к Северному Донцу, к отчим местам... Шахтерская дивизия освободила не один шахтерский поселок.

...Листовка с описанием подвига Петра Болото и его товарищей попала в один из саперных батальонов и была передана командиру взвода инженерной разведки старшему сержанту Алексею Черкасову, для того чтобы он прочитал ее бойцам. Во взводе оказался сапер, который знал Петра Болото, забойщика с шахты «1-2 Горская». И он так часто рассказывал про Петра, что Черкасов надолго запомнил эту фамилию: Болото.

Саперы шли по украинской земле, наводя временные мосты, прокладывая пехоте путь сквозь минные поля, подрывая доты. Вышли к Днепру чуть повыше Киева.

Выполняя приказ, взвод Черкасова форсировал реку, закрепился на правом берегу и прикрыл переправу всего батальона.

Об этом подвиге, за который москвич Алексей Черкасов был удостоен Золотой Звезды, также было рассказано в листовках.

Два воина — сапер и бронебойщик, русский и украинец — шли фронтовыми дорогами, лежавшими в разных направлениях: у первого — за Днепр, за Днестр, в Румынию, Венгрию, Чехословакию; у второго — севернее, через Белоруссию, на Кенигсберг, к побережью Балтийского моря.

А где же им предстояло встретиться?

В Горском, там, где до войны работал Болото.

Черкасов оказался в Горском случайно: демобилизовавшись, познакомился в Москве с шахтером из Донбасса, и тот уговорил его ехать вместе с собой.

Новая, горняцкая профессия Черкасова определилась сразу же. Начальник шахты спросил:

— Значит, сапер? Разведчик?

— Сапер и разведчик,— сказал Черкасов.

— Ну что ж, тогда мы пошлем вас в бригаду проходчиков. Проходка — это та же разведка. И к саперному делу близко стоит... Не возражаете?

— Не возражаю,— сказал Черкасов.

В городе мало кто знал, что Черкасов — Герой Советского Союза. Он не носил боевых наград и впервые надел их, когда горнякам, отличившимся на восстановлении шахты, вручали в клубе ордена и медали. Орден Трудового Красного Знамени, прикрепленный Алексеем рядом с орденом Ленина, оказался как раз под Золотой Звездой.

Шахтеры частенько вспоминали Петра Болото. Говорили, что он демобилизовался, где-то лечится после тяжелых ранений и, наверное, скоро вернется на шахту. Черкасову, который много слышал о нем еще на фронте, казалось, что он уже знаком с этим человеком и тут же узнает его при встрече. Так и случилось. Алексей вошел однажды в нарядную, увидел окруженного людьми пожилого шахтера в новенькой брезентовой робе, которая была ему явно мала, с лампой-надзоркой в руке, и сразу понял: Петро Болото приехал.

В шахту они спустились вдвоем — Болото и Черкасов. Они шли по штрекам, заглядывали в забои, и Петро Осипович, восстанавливавший «Горскую» после гражданской войны, проведший на «Горской» без малого двадцать лет, ничего не узнавал тут. Ни одной врубовой машины не осталось — только комбайны! Лампы дневного света... Мощные электровозы, которые мчат вагонетки со скоростью поездов метро... Болото был поражен, и ему хотелось скорее в забой, скорее за дело!

...Первая смена собирается в нарядной к семи часам утра. Горный мастер Петро Осипович Болото выходит из дому в половине седьмого.

Дорога на шахту лежит мимо дома, в котором живет с семьей — женой и двумя ребятами — Алексей Иванович Черкасов, крепко осевший на украинской земле. Как только Петро Осипович показывается из-за поворота, Черкасов, завидев его в окно, выходит на крыльцо, и дальше они продолжают путь вдвоем. Шахта уже близко, но приятели успевают о многом поговорить.

Сначала решаются дела сугубо личные: садовые и рыболовные.

Во-первых, необходимо достать новые, очень удобные опрыскиватели.

А во-вторых, не пора ли на первую рыбалку? Пора, пожалуй. Не опередил бы кто! Надо бы собраться в ночь на воскресенье...

Вчера они не виделись после смены. Поэтому Болото интересуется, как работал «ШБМ». Что такое «ШБМ»? Это штрековая буровая машина, проходческий комбайн, новинка советской техники. На «Горскую» прислали опытный образец, испытания его поручили Черкасову, бригадиру проходчиков. За первый месяц его бригада прошла с помощью «ШБМ» 60 метров, за второй — 105, а за две недели апреля — 70.

— Осипович,— говорит Черкасов,— вчера была задержка с транспортом. Порода осталась. Давай вывози сегодня.

— Ну, брат, за тобой не поспеешь. Придется выделить еще один электровоз.

Эти слова Болото произносит, уже входя в нарядную.

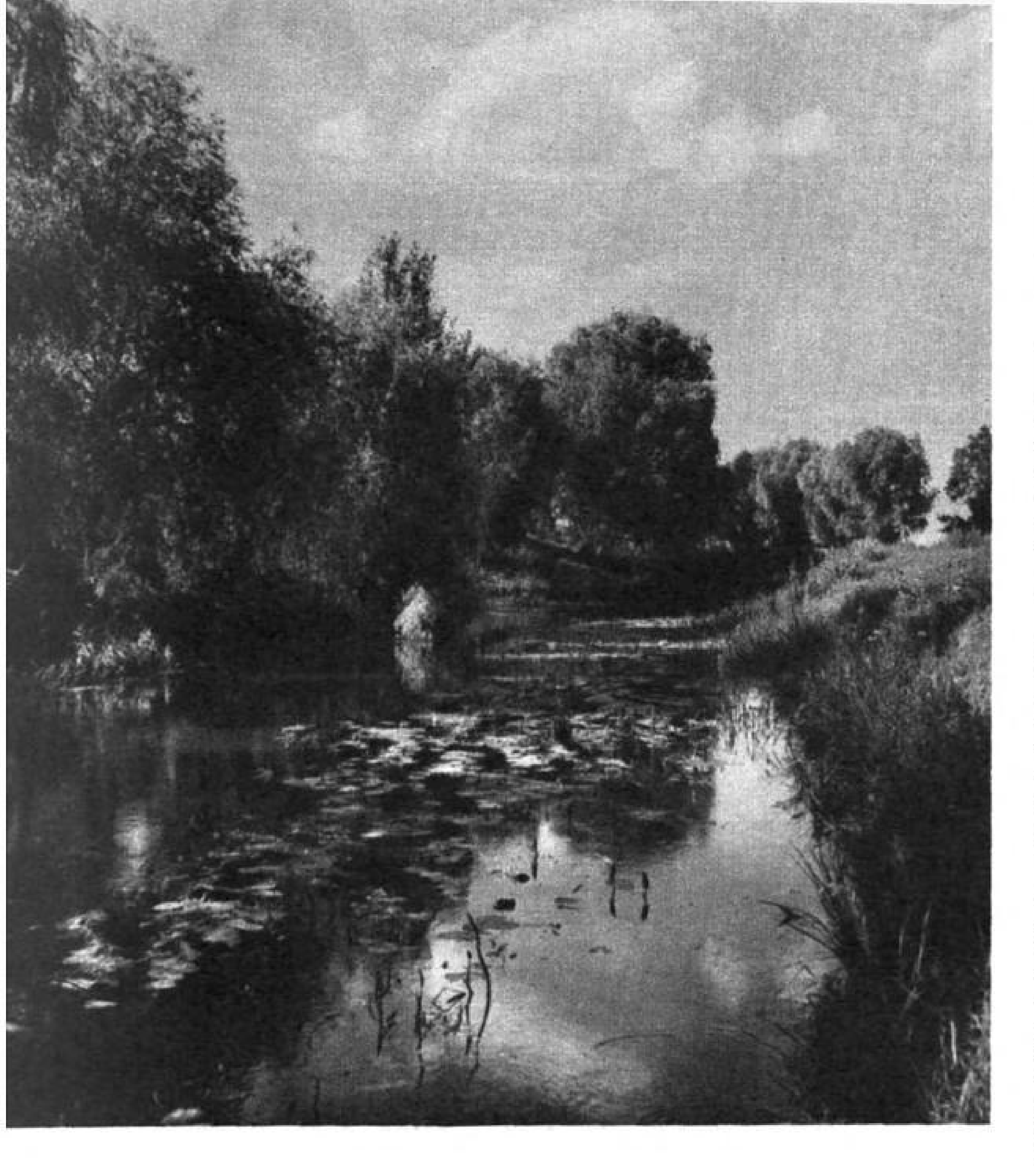
Через несколько минут друзья-горняки вместе со всей шахтой начнут свой трудовой день.

А. СТАРКОВ

Фото Е. УМНОВА.

Всей семьей...
Дома у Алексея Черкасова.

НА СТАРОМ ТРУБЕЖЕ

Василий ТИТОВ

Фото Н. Козловского.

Пятнадцать речек, ленивых, давно успокоившихся, едва бегущих через заросли ольшаника и лозы ивняка, поят неглубокий, древний, овеянный сказаниями днепровский Трубеж.

Вот, кажется, Карань-реку можно перемахнуть с шестом, Недру-реку можно перейти вброд по колени, Супой-река — сосед Трубежа, но и ее можно перескочить, хорошо разбежавшись. Но не пытайтесь делать этого. Речки они особенные, из тех, что давно отжили свое время, затянулись илом, заплыли глинами, залегли в топких, зыбучих берегах, и на дне их лежит могучим слоем такая черная, вязкая болотная грязь, что выбраться из нее и сил не станет.

Когда-то эти реки, должно быть, были бурливы и просторны, бежали по широким долинам, по самым древним староречьям и протокам Днепра, под увалами и обрывами, навстречу новым, молодым, полным водам его. Но то когда было! Человек времен тех не помнит, не на его веках текли свободно эти реки. Сейчас только геоморфолог да геолог угадывают древнюю историю Супоя, Карани, Недры, Альты, а настоящее их такое, что только руками разведи. Широкие долины рек давно стали раздольем для уток, журавлей, черногузов[1] и крикливой болотной живности — голосистых лягушек. Острые осоки, тростники, ива да ольшаник растеклись по долинам так, что ни пролазу и ни проплыву в них не сыскать. Идешь по этим поймам и не знаешь порою, где и как тебе доведется благополучно выбраться из трясин и топей на сухое береговое место. А под топями и зыбунами лежит мощным пластом торф, и уходит он вниз метров на пять. По торфу и бегут речки в древний Трубеж. А он и сам стал уже не тот: давно Трубеж не хозяин своей долины, давно обмелел и заболотил ее и не может забрать воду своих притоков. Подпирает Трубеж своей ленивой, тихой водою ленивые, тихие воды торфяных болот, и не в силах он уже вместить их скопища и сбросить в синий Днепр. Оттого здесь, на старой пойме его, и зыби зыбучие и топи великие. Иногда тут, на скрытой рытвине, и воз ломается и лошадь вязнет в трясине топкой, и тогда колхозный ездовой, везущий на корм скоту молодую осоку, такое крепкое, соленое слово посылает «тому самому поганому чертяке Трубежу», что старому совсем-совсем бы не слышать!

А между тем и на Недре, и на Карани, и на Супое, и в одном уголке на самом Трубеже есть такие места, где болота отступили, осохли, легли через них осушительные каналы — «стрелки», — прошнуровал их «крот-дренаж», и вот там сейчас берут неслыханные урожаи сена, картофеля, свеклы, овощей.

Вот побывайте на Супое, в селе Соснова, побродите там по бывшему болоту,— что вы скажете? Супой тут на большом расстоянии выпрямился, бежит глубок и чист; к нему через бывшие болота прямо от самого села устремились полные бегучей воды «стрелки», все между ними зелено или черно от распаханной земли, и нога мягко ступает по этой плодоносной, еще недавно болотной, бросовой почве.

Тут, в селе, до недавних времен было пятьдесят челнов. Так и стояли эти челны чуть ли не посредине села на «проточках» на всякий нужный случай, чтобы, скажем, подъехать, коли бугай где в болоте увяз, или очерету на крышу нарезать, или осохшую в болотах «гривку» на сено окосить. Теперь сухо, и только старая, ставшая ненужной горбатая гать, что была вместо дороги, да еще не совсем высохший «ставок» — прудок — напоминают о том, что здесь было зыбкое болото — «дрыгва».

Бродя по долине Супоя, долго продираясь наугад через лозы ивняка и ольшаника, вышел я к берегу реки и тут на поле, еще не тронутом весенним плугом, встретил Ивана Ильковича Гвоздика, бригадира кормовой бригады колхоза. У нас завязалась беседа. Пробуя на ощупь готовность земли к пахоте, растирая ее между пальцами и нюхая, как хорошо и вкусно она пахнет, Иван Илькович рассказал мне об урожаях, которые он со своей бригадой берет с этих земель. Запомнились 850 центнеров кормовой свеклы с каждого гектара, а их было в минувшем году 21; запомнились 350 центнеров сахарной свеклы с каждого гектара, а их в минувшем году на этом прежнем болоте было 120; запомнились и небывалые урожаи сена и добротных кормовых трав. Иван Илькович, оглядев тогда все пространство поймы, вытянувшейся вдоль высокого, холмистого увала, сказал:

— Вот бы поднять всю эту «Колхиду» нашу,— что бы тогда можно сделать!

В добрый полуденный час по топкой пойме Карани вышел я к селу Девички. Село это стоит на том же месте, что и много лет назад. Но казалось, будто оно перебралось на новое место,— так вкруг него все осветлело; лоза, кустарник, осинник и тростник, подступавшие к самым хатам, отодвинулись на правый берег, а перед селом, на пойме, лежала черная просторная пахота. Карань тут тоже спрямили, почистили, провели к ней через трясины «стрелки», кустарник и лозу выкорчевали, и как ни подпирает Трубеж реку снизу, все же вода с поймы пошла вниз быстрее, и болото исчезло.

В селе Девички живет звеньевая Катерина Роман. Брала она на пойменных этих новых землях по 415 центнеров сахарной свеклы с гектара, а кормовой больше чем по 900 центнеров. А теперь мечтает взять небывалые урожаи картофеля. И тут, на скотном дворе, мы впервые увидали «продукцию» ее звена. Сочные, похожие на бронзовые болванки, или, вернее, на поросят с тугими завитыми хвостами, летели тут с арбы из рук в руки скотников эти могучие корнеплоды, без слов рассказывая о силе плодородия пойменных почв.

А если вам, бродя по Трубежу, доведется выйти к селу Гланышев, что близ Переяслав-Хмельницкого, то заверните «на огонек» к старой звеньевой колхоза имени Шевченко, Герою Социалистического Труда Елене Семеновне Хобте, замечательному мастеру высоких урожаев. Она так умеет выращивать овощи, картофель, свеклу, кукурузу, технические культуры, что слава о ее умении идет далеко за Киев. Елена Семеновна примет вас в своей маленькой хате. От хаты до поймы рукой подать. Вот тут заговорите о пойме, и Елена Семеновна расцветет. Она возлагает на нее великие надежды.

— Золотая долина! — скажет она и тут же, не откладывая, обязательно поведет вас на пойму — показать, что там сделано колхозом. Сделано еще немного: подняты первые десятки гектаров болотных почв. Плугами вспахали там, где сама по себе почва както осохла. Трубеж плохо забирает влагу со своих берегов. Тут Елена Семеновна обязательно напомнит о Катерине Роман, позавидует ей и скажет:

— Счастливая она! У них 670 гектаров поднято. Ей можно уже развернуться.

И вот в тот час, когда мы с Еленой Семеновной бродили по вспаханному болоту на берегу Трубежа под Гланышевым и глядели на огромные пространства поймы, занятые еще тростником, бочагами да жалким живучим кустарником, пришли к нам люди и сказали, что в Березани, на Недре, собираются сегодня все покорители болот и с Трубежа и со всех пятнадцати притоков его. Мы поехали в Березань. И здесь мы услышали, что болотам Трубежа приходит конец.

В маленьком зале райсовета было полным-полно. Съехались тут директора МТС и лугомелиораторы, гидротехники и механизаторы, агрономы и инженеры — люди службы земли и воды. На стене висела карта Трубежа, и все пятнадцать болотистых рек сбегали по ней к этой древней, овеянной былями далеких времен реке. В зале сидел бывалый народ, бывшие солдаты и командиры, участники минувших боев за нашу прекрасную землю. У многих были шрамы на лицах, иные потирали колени: мозжило. Весна с неустойчивой, меняющейся погодой

[1] Черногуз — по-украински аист.

шла по Трубежу. Так вот, может быть, в старину здесь, на Трубеже, собирались ратные люди со всех его пятнадцати притоков, вдруг по зову курганных костров оставлявшие пашню, чтобы решить, где в степи ударить врага, чтобы неповадно было ему вторгаться на переяславскую землю. Хорошо служил этот болотистый и лесистый край когда-то как рубеж обороны.

Только вот пришло время, что болот этих стало не нужно. Но было схоже: люди и сейчас собрались тут, как по зову, и слушали большую весть как весть боевую.

Только все это были люди иного оружия, иной славы. Вот подошел к карте Иван Кузьмич Марютин, начальник областного управления водного хозяйства. Энергичным жестом очертив поймы рек, он повел рассказ о Трубеже, о чистых и глубоких водоемах. Когда надо, влагу возьмут отсюда, и так всегда поймы будут достаточно увлажненными, всегда готовыми отдавать пахарям щедрые дары за их труд. Поймы не будут знать засух. На осушенные просторы выйдут лугомелиоративные отряды.

Что же принесет эта осушенная и распаханная болотная сторонка? Многое! Овощи, корнеплоды, картофель, доброкачественное сено, фуражное зерно, молоко, мясо, мед. Уже через два года поймы смогут дать несколько миллионов центнеров картофеля, овощей, кормовых корнеплодов. Пойма обеспечит скот зелеными кормами, сеном, фуражным зерном. Над болотами, где только роился всякий мелкий водяной гнус — комар, разные потыкушки, овод, — деды сядут за доброе дело, на пасеках, над цветочным лугом ковром зазвенит тяжело груженная луговой данью пчела. Сытые коровы дадут обильный удой молока. Да и коров станет неизмеримо больше. Были бы корма — коровы будут, так говорят здесь колхозники.

Потом Иван Кузьмич заговорил о «малой индустриализации» — о техническом оснащении огромного хозяйства, оснащении, которое во многом решит успех дела. Уже создается «Трубежстрой», и на стройку прибывают первые грузы. Главный узел ее будет здесь, в Березани, где близко проходит железная дорога.

Марютин кончил доклад о наступлении на древние поймы. Но еще долго в зале было тихо. Крепко задумались люди о том, что предстояло им. Не одна голова уже прикинула, какое боевое место доведется ей занять в этом строю. Да, это — наступление, это борьба, и время дано — два года! Но вот взял слово один, другой, третий... И полились думы — простые, нужные, расчетливые. И как-то все они сложились в одну общую большую думу, что ее можно было выразить так: а что же пойменные земли могут дать Киеву сейчас, нынешней осенью? Директора МТС сообщали, где, сколько, чего запашут, посеют, посадят на колхозных пойменных, уже взметанных землях.

Последним выступил главный агроном Переяслав-Хмельницкой лугомелиоративной станции Григорий Дмитриевич Писанко. Он скромно сообщил:

— Через два дня все сто наших мелиораторов, механизаторов, гидротехников, инженеров со всей своей техникой выходят на пойму.

Мы уезжали в Гланышев поздно вечером. Теплая, темная, хоть глаз выколи, украинская ночь. А звезды все же были. Они не светили в сыром воздухе, а только слабо мигали. По неведомым воздушным дорогам летели гуси. Они разговаривали и неслись на север.

— Вот стара немного стала, — говорила Елена Семеновна сокрушенно, — хоть немного бы и мне потрудиться на той благодатной пойме, порадовать людей высокими урожаями.

И вдруг спросила:

— Слушайте, правда ли, что там, под Москвой, тоже есть река Трубеж и город Переяслав?

— Есть там река Трубеж, Елена Семеновна, а город зовется Переславль-Залесский.

— Никогда не была я там. Но значит, товарищ, и в этом мы искони единые.

И, улыбнувшись, добродушно хлопнув по плечу спутника, сказала, задумавшись:

— Хорошая у нас на свете есть родная земля, и стоим мы на ней, товарищ, как хорошие родственники. Вы впервые на переяславской земле? А на Трубеже нашем?

А через два дня, рано утром, когда еще черногузы не слетали со своих гнездовищ, устроенных на очеретяных крышах, Елена Семеновна уже трудилась в поле, а меня сельский возок вез к старинному городу. Он открылся сквозь марево пыли, поднявшейся от просохшей уже дороги, и пыль та была прозрачна и все поднималась к небу. Рокот моторов летел оттуда. Что-то большое двигалось, отделяясь от нового кирпичного здания, вставшего близ города, на краю поля. Так может двигаться только армейская техника. Но движение это было замедленно. И еще издали сквозь тонкую завесу пыли было видно, как, поблескивая гусеницами, шли нам навстречу тракторы. Они волочили за собой плуги, катки, кусторезы, корчеватели. Воздевши к небу стрелы, шли по мягким обочинам дороги экскаваторы. Старый крепкий возница дядя Охрим, остановив возок и став во весь рост на грядушках, не выпуская из рук

Один за другим пошли по пойме тракторы. Справа: трактористы Переяслав-Хмельницкой лугомелиоративной станции прибыли на Недру. Перед началом работ они беседуют с инженером-мелиоратором Березанского района И. З. Пархоменко (стоит крайний слева).

плодородии пойменных почв, о близости Киева, о нужде города в овощах, молоке, мясе. А Трубеж бежит не только по Киевской области: вначале он проходит через Черниговщину. Пятьдесят девять колхозов расположены по его берегам один за другим, и владения их смыкаются. Но из всех земельных пойменных богатств подняты и используются только четыре с небольшим тысячи гектаров, а предстоит осушить, поднять, освоить в течение двух лет десятки тысяч гектаров плодороднейших торфяных и наносных черноземных почв. Что для этого нужно?

Спрямить, углубить и расчистить реки, каналами и осушительными дренами прорезать болота пойм, построить немало железобетонных сооружений. И только тогда исчезнет эта древняя «дрыгва», и воды ее сольются в седой Днепр. Воды сольются, но чтобы почва не пересыхала даже в самый засушливый год, система плотин и водоспусков сохранит ее надежно в

вожжей, глядел из-под ладони на это полное гула и мощи движение и приговаривал:

— Ось то так, ось то так! Пошли, значит! Ось, глядите, то Виталий Сахно на Недру, в Березань, ведет свой ковш. А то Москаленко, Федор Романович, «сталинец» ведет, за ним Иван Левченко. Ось, да тут вся наша механизация едет! Э, а то ж вот сама 4-я бригада! И сам Корж, Степан Трофимович, здесь, и Репа Иван тож, и Слюсарь Иван едет. Хлопцы, куда?

— На Студеники, дядько.

— В Леляках будем работать.

— На Ерковцы двигаемся.

Дядько Охрим, седой, чубатый, стоя во весь рост на подводе, махал колонне рукою.

Так вышла этой весною на покорение болот Переяслав-Хмельницкая лугомелиоративная станция. И так, не покрыв головы шапкой, дядько Охрим вкатил в город возок и остановился на площади Богдана Хмельницкого.

Переяслав-Хмельницкий.

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Дворец Наций, где происходит совещание министров иностранных дел.

Заметки польского журналиста.

Эдмунд ОСМАНЧИК

...Уже за полночь, а я только сажусь сводить воедино впечатления дня. Их много. Оживленные разговоры на встрече в отеле «Метрополь», устроенной советскими журналистами для всех журналистов, присутствующих на Женевской конференции... Рев моторов на Женевском аэродроме в пасмурный полдень, когда улетал за океан столь же хмурый государственный секретарь США... Сдержанный шум толпы журналистов и фоторепортеров, когда к подъезду Дворца Наций подъехал сменивший Даллеса Беделл Смит...

Прежде всего хочется рассказать о встрече журналистов в отеле «Метрополь», оставившей самое лучшее впечатление у меня и у моих коллег.

Когда я вошел в зал «Метрополя», он был забит до отказа — масса корреспондентов откликнулась на приглашение. Стоял многоголосый шум разговоров на всех языках мира. Советские журналисты были поистине радушными и предупредительными хозяевами.

Со мной заговорил знакомый американский журналист. Вперив свой взор в рюмку со «столичной», он меланхолично произнес вместо приветствия:

— Даже в организации приемов инициативу полностью захватили русские!.. Черт побери, разве это не так?..

Я спросил его:

— А почему бы и вам, господа американцы, не устроить подобную встречу? Что вам мешает?

Мой собеседник махнул рукой и поспешно переменил неприятную для него тему разговора...

Как известно, в Женеве американские представители с упорством, достойным лучшего применения, продолжают «не замечать» делегацию Китайской Народной Республики. Поэтому американцы так и не устроили до сих пор ни одного приема для остальных участников конференции или для журналистов.

За одним из столиков известная французская журналистка Женевьева Табуи, представляющая в Женеве буржуазную французскую газету «Энформасьон», делилась с китайскими и корейскими журналистами своими впечатлениями о Ханое и Сайгоне, откуда она вернулась несколько месяцев назад.

— Ужасная война! — издали услышал я ее голос.— Давно пора поскорее окончить ее. Пусть это произойдет здесь, в Женеве!

К нашей группе подходит австрийский писатель Фриц Иенсен. Он долго жил в Китае, а в самое последнее время побывал во Вьетнаме.

— Во Вьетнаме мне довелось идти по следам двух ваших польских журналистов,— сказал он, поздоровавшись со мной.— Это были писатель Жукровский и художник Кобздэй. У меня для них куча приветов и лучших пожеланий от вьетнамских друзей.

Тут я не мог удержаться, чтобы не рассказать собравшимся забавную историю. Ее поведал мне в Женеве корреспондент одной мюнхенской газеты. Некоторое время тому назад к ним в редакцию заявились трое американских джентльменов и торжественно положили на стол фотографию двух неизвестных мужчин, снятых на фоне вьетнамских джунглей. «Мы предлагаем вам сенсационный снимок! — объявили посетители.— Он обойдется вам в триста долларов, но он стоит этой суммы. Знаете, кто здесь снят? Это китайские генералы во Вьетнаме!»

«Я, разумеется, не мог удержаться от смеха,— продолжал мюнхенский корреспондент,— и сказал этим американцам, что на снимке явно видны не китайцы, а европейцы. Если мы опубликуем этот снимок, то начисто скомпрометируем нашу газету!»

Присутствовавший на приеме коллега мюнхенского журналиста, представитель одной из газет Гамбурга, стал просить меня, чтобы я по буквам записал ему фамилии этих двух «китайских генералов», которые, как догадывается читатель, оказались все теми же нашими друзьями Войцехом Жукровским и Александром Кобздэем.

Наклонившись ко мне, гамбургский журналист доверительно шепнул:

— У меня есть срочный заказ на несколько анекдотов о спотыкающейся на женев-

Флаг Китайской Народной Республики на здании гостиницы в Женеве.

← Приезд в Женеву заместителя премьер-министра Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донга. Среди встречающих — министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай и заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко.

ских ухабах американской дипломатии...

...Когда мы выходили из отеля «Метрополь», огни Женевы отражались на глади озера. Была тихая звездная ночь. Швейцарскую тишь нарушал только гул летевшего высоко в небе пассажирского самолета.

* * *

Сегодня мы, журналисты, долго и сердечно пожимали руки делегатам Демократической Республики Вьетнам, прибывшим в Женеву. Значение того факта, что в Женеве присутствует делегация вьетнамского народа, трудно переоценить. Воистину новый свежий ветер повеял над Азией, и никому не удастся больше заставить миллионы людей вернуться в душную колониальную тюрьму!

Приятно было видеть, что при встрече делегатов Вьетнама французские журналисты тоже не остались в стороне. Они дружески хлопали по плечу вьетнамцев, называя их посланцами «страны Хо Ши Мина». И примечательно, что среди французских наших коллег, так тепло приветствовавших Фам Ван Донга и его сотрудников, были представители не только прогрессивной печати, но и буржуазных парижских газет. Это говорит о том, насколько широкие круги французской общественности жаждут скорейшего окончания несправедливой войны во Вьетнаме.

Только американские журналисты, понаблюдав с минуту эту сцену, поспешно пробрались сквозь толпу и ушли, стараясь не глядеть в глаза французам и вьетнамцам.

...И вот по Женеве пронеслась весть: пала крепость колонизаторов во Вьетнаме Дьен Бьен Фу — крепость, которую американская «политика силы» хотела превратить в знамя новой военной авантюры в юго-восточной Азии. На французскую пресс-конференцию собралось невиданно большое число журналистов, фоторепортеров и радиокомментаторов. Разнесся слух, что министр Бидо выступит с каким-то сенсационным сообщением по вопросу о падении Дьен Бьен Фу. Но господин Бидо... не пришел. Сообщение зачитал пресс-атташе.

Сидевший рядом со мной английский журналист неожиданно хлопнул меня по колену и, подмигнув, сказал:

— В Дьен Бьен Фу среди пленных взято немало бывших гитлеровских эсэсовцев! Дельные парни эти вьетнамцы!

Представитель французской делегации, избегая вопросов, поспешно протискался сквозь толпу и направился к выходу. Французские журналисты тесно обступили своего вьетнамского коллегу. Все мы, журналисты лагеря мира, чувствовали, что бесславное поражение колонизаторов под Дьен Бьен Фу одновременно означает моральную победу двух народов: народов Франции и Вьетнама!

...На совещании началось обсуждение вопроса о восстановлении мира в Индо-Китае.

На рассмотрение совещания внесены предложения делегации Демократической Республики Вьетнам. Эти ясные реальные предложения открывают Франции дорогу к почетному миру. Заявление о готовности правительства Демократической Республики Вьетнам разрешить эвакуацию тяжело раненных, взятых в плен под Дьен Бьен Фу, независимо от их национальности, произвело глубокое впечатление на журналистов, находящихся в Женеве. Оно продемонстрировало перед всем миром гуманность и благородство вьетнамского народа, борющегося за свою свободу и независимость. Справедливой, прогрессивной позиции, которую защищают в вопросе об Индо-Китае Советский Союз, Китайская Народная Республика и делегация Демократической Республики Вьетнам, противостоит устаревшая колонизаторская точка зрения, которую отстаивают «рассудку вопреки» Соединенные Штаты Америки. Суровые уроки истории ничему не научили тех, кто воображает, что мы все еще живем в XIX веке. Но жизнь берет свое!

Женева, 10 мая.

Фоторепортеры натолкнулись на «сюжет»: обитающий у Дворца Наций павлин — символ счастья, по народным китайским традициям,— взобрался на машину китайской делегации.

В СТОЛИЦЕ УКРАИНЫ

Никогда еще столица Советской Украины не принимала столько дорогих гостей из братских республик, сколько теперь. Древний Киев чарует всех ярким весенним убранством. Весна позаботилась, чтобы город выглядел еще краше и нарядней.

Выдающимся событием явилась открывшаяся в Киеве декада русской литературы и искусства. В ней приняли участие большая группа русских писателей, коллектив Большого театра Союза ССР, русский народный хор имени Пятницкого, Краснознаменный имени Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии, большая группа молодых исполнителей Московской и Ленинградской консерваторий и Московского хореографического училища.

Впервые приехавший на Украину Большой театр Союза ССР начал декаду оперой Юрия Шапорина «Декабристы». Помещение Киевского театра оперы и балета не вместило, разумеется, всех желающих. Оперу слушали по радио. Тысячи киевлян и жителей окрестных мест смотрели ее на экранах телевизоров.

Русские писатели и артисты провели десятки творческих встреч с киевлянами. Спектакли, концерты, выступления транслируются по радио, передаются киевским телецентром.

Декада русской литературы и искусства в Киеве проходит как большой праздник нерушимой дружбы советских народов.

В. ШУМОВ

На снимках: открытие декады русской литературы и искусства в помещении Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки. Вверху — в зрительном зале; внизу — выступление русского народного хора имени Пятницкого.

Фото Н. Козловского.

Казацкая дорога

Пимен **ПАНЧЕНКО**

«Розпрягайте, хлопці, коні
Та лягайте спочивать...»
Только нас ко сну не клонит,
Только нам не время спать.

Хлопцы с песней запрягают
Быстроногих лошадей.
Украина дорогая,
Принимай своих гостей!

Вот дорога на Чернигов,
У обочин — тополя.
Как страницы светлой книги,
Расстилаются поля.

Ну, а где ж она, граница,
Та глухая полоса,
Что делила бы криницы,
Реки наши и леса!

Нет нигде такой границы
И не будет... Наш народ
С украинским породниться
Порешил в далекий год.

В незабвенный год, когда нам
В гуще гомельских лесов
Помогли полки Богдана
Разгромить шляхетских псов,

Тех, что шли зимой и летом
Беларусь пытать огнем...
Оттого дорогу эту
Мы казацкою зовем.

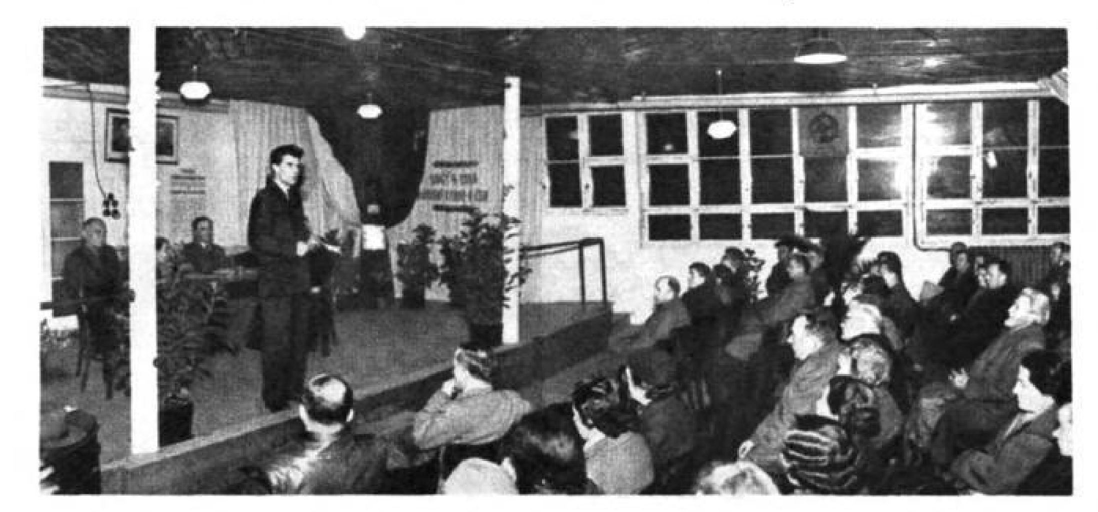
Солнце. Ветер. Даль сквозная.
На дороге звон и гром.
И любой себя считает
Хоть немножко казаком.

И въезжаем спозаранку
Мы в соседские края.
Ожидают нас в Добрянке
Украинские друзья,

Чтя обычай древний свято,
У села встречая нас,
Каравай из первой хаты
Нам выносят в добрый час.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

В Чехословакии—выборы

Сегодня в Чехословакии народ выбирает своих представителей в городские, сельские, районные и областные органы власти — национальные комитеты. Для управления страной граждане республики наметили кандидатами в члены национальных комитетов 170 тысяч человек.

На снимке — встреча бывшего рабочего, ныне директора завода, Иозефа Грдина со своими избирателями в Праге-Страшницах.

Совещание железнодорожников в Кремле

В Большом Кремлевском дворце состоялось Всесоюзное совещание актива работников железнодорожного транспорта. В совещании принимали участие 2 200 человек. 8 мая с большой речью на совещании выступил первый заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР товарищ Л. М. Каганович.

На снимке: участники совещания в перерыве между заседаниями на балконе Большого Кремлевского дворца. Слева направо: Герои Социалистического Труда машинист А. Г. Смирнов, инженер А. И. Покусай, машинист А. В. Гострый, старший машинист И. П. Блинов, заместитель начальника дистанции пути А. И. Новиков, машинист-инструктор С. И. Голубицкий.

Фото А. Гостева.

Дома на колесах

На заводском дворе маляры красят дом. Широкие кисти скользят по стене, залитой весенним солнцем. Когда смотришь на стену, кажется, что солнце тоже малярничает невидимой кистью: то оставит блестящую полосу, то высветит пятно.

Дом выглядит не совсем обычно. Крытая жестью крыша выгнута полукругом, а вместо фундамента — колеса. Ободья на колесах широченные — с такими хоть на край света кати по целине, бездорожью. В доме двадцать четыре квадратных метра жилой площади — две изолированные комнаты, обставленные необходимой мебелью.

Когда дом на колесах остановится где-нибудь в безлюдной степи, будет работать водопровод — вода хранится в специальных баках. Можно даже принять горячий душ: в домике есть душевая. А в холодную погоду включается паровое отопление.

Дом на колесах — это передвижной полевой вагончик конструкции Алма-Атинского литейно-механического завода Министерства совхозов Казахской ССР. Несколько десятков таких вагончиков уже отправлено на целину, в адрес новых совхозов. В них живут теперь механизаторы и хлеборобы, ведущие сев на новых землях.

На завод приходят письма. Их посылают новоселы из Акмолинской, Павлодарской, Кустанайской областей. Они пишут, что в безбрежной степи живут, как в благоустроенных городских квартирах. Письма идут также из Ростова, Арзамаса, с заводов, которые намерены освоить выпуск вагончиков такого же типа и просят выслать рабочие чертежи.

Недавно алмаатинцы спроектировали и изготовили первые опытные образцы передвижной бани. Ее заправляют 1500 литрами воды. В бане есть даже парное отделение.

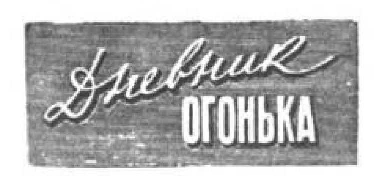
...Все чаще распахиваются ворота на заводском дворе — это выходят в далекий путь полевые вагончики.

В. ЛАВРОВА

Строительство жилых вагончиков для новоселов целинных земель.

Фото А. Бахвалова.

Бандуристы в Москве

Выступление Государственной заслуженной капеллы бандуристов УССР. На первом плане, справа, солист П. Колесник.

На концертах работников искусств Украины, проходивших в Москве в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией, с большим успехом выступала Государственная заслуженная капелла бандуристов УССР под руководством заслуженного деятеля искусств УССР А. Миньковского.

Под аккомпанемент бандур, на которых играют сами певцы, проникновенно звучит вдохновенный «Заповіт» великого украинского кобзаря Т. Г. Шевченко. Замечательно исполнение протяжной «Взял бы я бандуру», шуточной «От Киева до Лубен» и других народных песен.

В репертуаре капеллы — около полутораста песен, в большинстве украинских. Бандуристы исполняют и русские, белорусские, молдавские, чешские, польские песни на языках братских народов.

Ряды талантливых мастеров капеллы пополняются не только даровитыми участниками художественной самодеятельности — в Киевской консерватории имеется класс бандуры.

Виднейшие певцы — народные артисты СССР И. Козловский, Б. Гмыря, народный артист УССР П. Белинник и другие — охотно выступают с заслуженной капеллой бандуристов.

Т. ОСИПОВА

Студенты-переводчики

Слева направо: переводчики М. Легков, Н. Сокоргина и А. Алотов.

Фото Н. Суровцева.

По просторам Камчатки от одной оленеводческой бригады к другой кочуют работники красной яранги — киномеханик, врач, учитель. На одной из стоянок, недалеко от села Суданка-Кочевая, к заведующему ярангой обратился старик-коряк. Он попросил рассказы Б. Полевого «Мы — советские люди». Колхозник оказался земляком известного в Тигильском районе Анька Алотова, который недавно перевел эту книгу Полевого на корякский язык.

Сейчас Алотов — студент Хабаровского педагогического института. Здесь, на отделении народов Севера, учится группа переводчиков, которой руководит старший преподаватель Нина Алексеевна Богданова. Студенты переводят труды классиков марксизма-ленинизма, художественные произведения, лекции, научные работы.

Эвен Павел Ниннани перевел «Русский характер» А. Толстого, чукча Май Легков — книгу «Оленеводство на Чукотке»... Успешно работают над переводами студенты: нанаец Ермиш Самар, эвен Григорий Долган, коряк Илья Кавав и другие.

В. ШУСТИКОВ

М. И. Хмелько. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ. 1953 год.

А. А. Хмельницкий. НАВЕКИ ВМЕСТЕ. 1953 год.

«Огонек» отвечает

Почему была холодная зима?

Н. КОЛОБКОВ

Читатель Л. Г. Паращук из города Славуты, Хмельницкой области, просит рассказать, почему была холодной зима 1953—1954 года, чем были вызваны снежные заносы на юге Европы и обильные весенние наводнения в разных странах.

Прошедшая зима принесла большие бедствия народам стран Западной и Южной Европы. Над океанами и морями проносились неистовые бури. Гибли пароходы. Валы необычайной высоты обрушивались, как и зимой 1952—1953 года, на берега Дании, Бельгии, Голландии и Норвегии. Разрушались береговые дамбы, прорывались плотины.

Снежные бураны небывалой силы пронеслись зимой над Францией, Италией, Германией, Югославией, над Румынией, Албанией и Венгрией.

Сильные снегопады наблюдались даже в Северной Африке — в Алжире. После снегопадов отмечались морозы, доходившие во Франции до 25°, в Югославии до 30°. Очень низкие температуры наблюдались и в Италии.

От сильных морозов Черное море в районе Бургаса (Болгария) замерзло на 12—15 километров от берега. Движение судов тогда прекратилось на 20 дней.

Скорость ветра при ураганах превышала местами 120 километров в час. В Стокгольме за несколько часов жестокой бури было повалено около миллиона деревьев.

Во многих странах прерывалось шоссейное и железнодорожное сообщение, нарушалась телеграфная и телефонная связь. Из-за повреждения электрической сети целые районы погружались в темноту.

Метели и бураны наблюдались и на юге нашей страны, захватив Украину и Северный Кавказ.

Что же вызвало такую суровую зиму?

С начала 1954 года в течение двух с лишним месяцев над Восточной Европой устойчиво держались массы холодного воздуха, непрерывно поступавшие из Арктики. Преобладала ясная погода с сильными морозами. Такой мощный барьер плотного холодного воздуха не давал доступа воздушным массам с Атлантики. В обычную зиму тепло Атлантики приносится на нашу территорию циклонами, то есть вихрями с пониженным давлением воздуха в центре. Циклоны сопровождаются у нас снегопадами, метелями и оттепелями.

Этой зимой циклоны с Атлантики, встретив мощный барьер холодного арктического воздуха, не смогли прорваться на восток и задерживались в Западной Европе. Некоторым циклонам удавалось огибать этот барьер и пройти по крайнему северу Европы. Тогда на севере устанавливалась теплая погода, и, например, в Архангельске было теплее, чем в Крыму. Другая часть циклонов, натолкнувшись на барьер, прорвалась к югу, пересекла страны Западной Европы, достигнув Северной Африки. Стремление циклонов прорваться к востоку, их борьба с устойчивыми холодными массами барьера вызывали ураганные ветры в Западной и Южной Европе. Холодный воздух сталкивался там с массами теплого воздуха Атлантики. Столкновение и дальнейшая борьба воздушных масс протекали очень бурно.

Водяной пар, находившийся в теплом воздухе циклона, охлаждался и, сгущаясь, давал весьма обильные осадки в виде снега.

На Украине и на Северном Кавказе бушевали циклоны, прорвавшиеся со Средиземного моря. В этих районах их задерживал барьер холодного воздуха, и циклоны застаивались на несколько суток подряд.

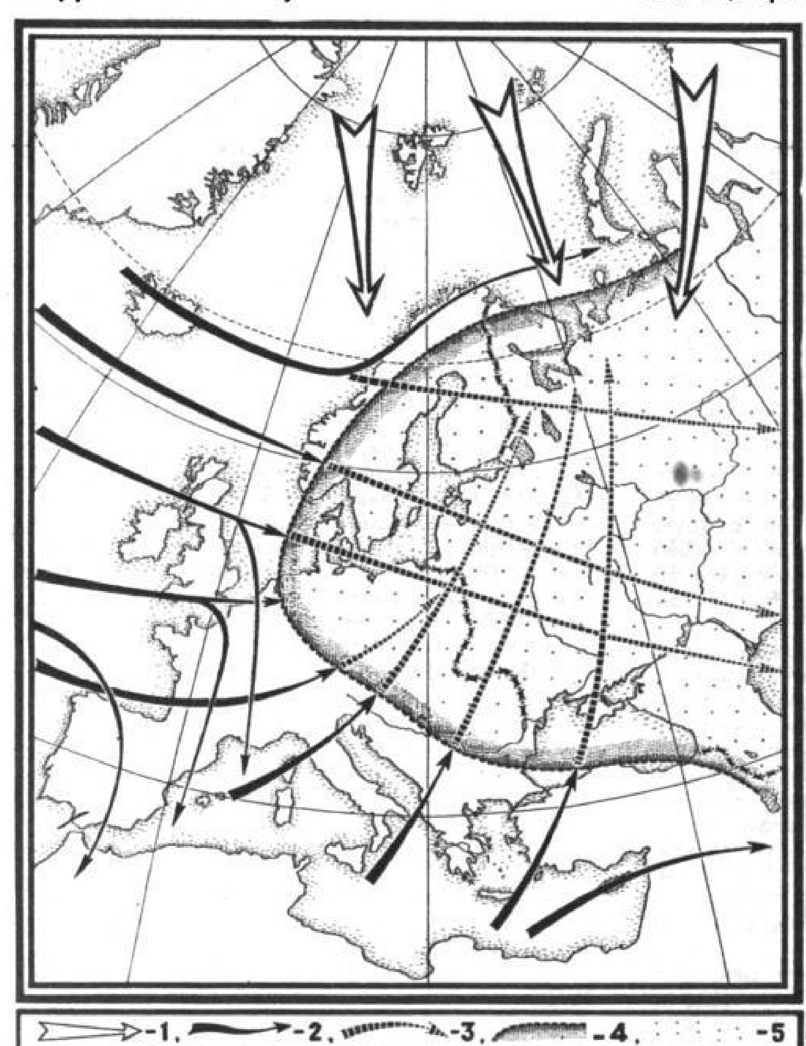
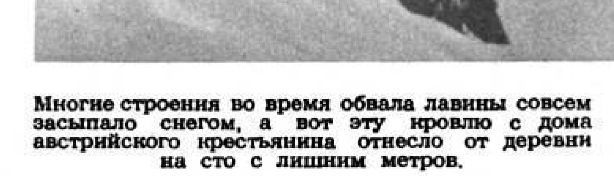

Схема распределения воздушных масс и пути циклонов в январе — марте 1954 года. 1. Арктический воздух; 2. Пути циклонов истекшей зимой; 3. Обычные «дороги» циклонов; 4. Барьер холодного воздуха; 5. Холодный (прежний арктический) воздух.

Что же является первопричиной этих бурных процессов в атмосфере истекшей зимой? Возможно ли повторение таких явлений в ближайшие годы?

Наука не дает пока полных ответов на эти вопросы. Однако работы советских ученых, исследовавших случаи катастрофических ураганов, ливней, гроз и наводнений за истекшую половину XX столетия, позволяют предположить, что эти явления зависят от активности Солнца и, в частности, от его пятнообразовательной деятельности.

Солнечные пятна, как известно, представляют собой огромные вихри, возникающие на видимой поверхности раскаленного светила и сопровождаемые выбросами мощных облаков раскаленного водорода и кальция. По своим размерам пятна превосходят диаметр Земли.

Многие строения во время обвала лавины совсем засыпало снегом, а вот эту кровлю с дома австрийского крестьянина отнесло от деревни на сто с лишним метров.

Выявлены два вида циклов солнечных пятен — одиннадцатилетний и столетний. В одиннадцатилетнем цикле количество пятен и выбросов возрастает в первые 4—5 лет до максимума, после чего 6—7 лет убывает до минимума, а потом все повторяется снова. В годы максимума солнечной активности чрезвычайно усиливается циркуляция воздушных масс земной атмосферы. Борьба теплых и холодных течений воздуха резко обостряется. А это сопровождается увеличением и усилением циклонов.

Максимум последнего одиннадцатилетнего цикла пятен Солнца наблюдался в 1948 году. Он оказался очень высоким, так как совпал по времени с максимумом столетнего цикла. Бурные процессы на Солнце всколыхнули, очевидно, всю атмосферу земного шара. Начали проноситься чудовищные циклоны, вызывая ураганы, ливни, бураны, наводнения. Достаточно вспомнить наводнения в Индии, Китае, США, в Италии, прошлогодний ураган над Северным морем.

В истекшую зиму, видимо, никак еще не успокаивалась атмосфера, которую так всколыхнул прошедший максимум солнечной активности. Подобно тому, как по окончании шторма еще некоторое время бушует океан, катя громады волн, так и теперь продолжаются бурные процессы в атмосфере. И нет никакой гарантии в том, что эти процессы в ближайшие год — два не принесут каких-либо новых неприятностей.

Как часто встречаются подобные явления в атмосфере? История метеорологии говорит, что случаи такой интенсивности повторяются не чаще двух — трех раз в столетие.

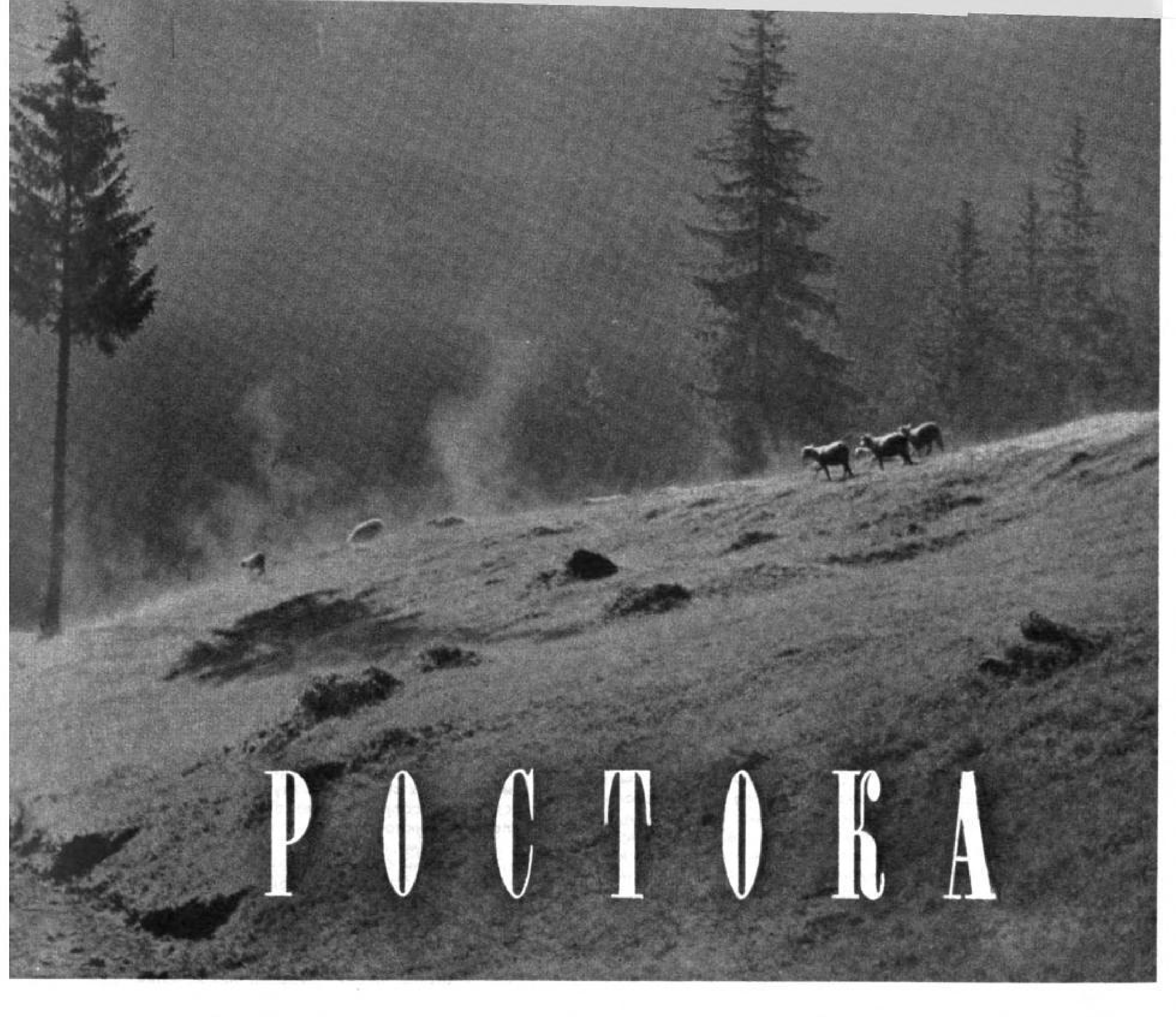
* * *

Громадные массы снега, выпавшие этой зимой по всей Южной Европе, задержали развитие весны. Например, у нас на Украине весна запоздала почти на месяц. Это связано с тем, что на таяние снега потребовалось очень много тепла, которое в нормальную весну идет обычно на нагрев воздуха и почвы.

Когда наконец весна переборола холод и снега, переполненные талой водой реки вышли из берегов. Газеты сообщали о небывалом наводнении в Ираке, где широко разлились Тигр и Евфрат. В верховьях рек, берущих начало в горах Турции, зимой было много буранов. Дружное снеготаяние вызвало наводнение. Значительная часть урожая в Ираке погибла, испорчены железнодорожные мосты и шоссейные дороги.

В нашей стране поздняя весна на юге затормозила ее развитие и в центральных областях европейской части СССР. Солнечного нагрева хватило лишь на несколько ясных и теплых дней в апреле. А холодные массы воздуха, снова вторгшиеся из Арктики, принесли даже снег.

Набухшие почки деревьев застыли, казалось, в своем пробуждении. Но тем ярче и пышнее зазеленели сады, парки и леса после майских теплых дождей.

РОСТОКА

М. ТЕВЕЛЕВ

Фото А. Ендрика.

Я хочу рассказать только об одном закарпатском селе Ростоке и его колхозе имени Ленина.

Люди, знающие Закарпатье, могут мне возразить: «А не лучше ли было бы праздника ради вспомнить о каком-нибудь другом селе, другом колхозе? Ведь есть в области колхозы с миллионными доходами, разносторонне развитым хозяйством, своими Героями Социалистического Труда, отличными клубами, электростанциями и даже легковыми автомобилями «ЗИМ» в колхозных гаражах».

Да, есть, отвечу, есть в Закарпатье действительно выдающиеся колхозы. Используя многолетний опыт колхозного строительства восточных областей Советской Украины, они с удивительной, можно сказать, сказочной быстротой высоко подняли свое хозяйство, культуру и благосостояние колхозников. Есть такие колхозы.

Но я избрал Ростоку потому, что это — высокогорное, далекое от центра село на трудной и, как прежде говорили, забытой богом земле.

...На перевале глухо и ветрено. Далеко слева виднеются полонины. Хвойные леса внизу кажутся аспидно-черными. Они словно остановились на полпути, не смея переступить намеченную для них природой границу. Только отдельные молодые елочки, как не считающиеся ни с какими запретами любопытные дети, взобрались повыше, к самому перевалу, и топчутся теперь на месте, не зная, как им быть дальше: оставаться ли здесь, на этом поднебесном, чуть жутковатом просторе, откуда видно так далеко вокруг, или бежать вниз, под защиту родителей.

Метрах в пятидесяти от тропы высится башенка, сложенная из плитчатого камня; широкая у основания, она сужается кверху, как обелиск, и ее венчает металлическая пятиконечная звезда.

Я не раз бывал тут, а потому уже знаю, что башенку эту воздвигли селяне из ближайших к перевалу сел. Они возвели ее над могилой четырех советских солдат, сложивших свои головы осенью 1944 года в бою за освобождение Закарпатской Украины.

Никто не знает, откуда родом эти солдаты, но русские их фамилии значатся на небольшом плоском камне.

Даже зимой, поровнявшись с могилой, увидите вы тут среди холодной, ослепительной снежной белизны цветы. Пунцовые, голубые, оранжевые, они пробиваются из-под снега возле памятника.

Цветы бумажные, бесхитростные.

— Як было бы где достать живые средь зимы,— сказал мне один мой приятель,— так сюда бы и живые принесли.

— А кто их принес, не знаете?

— Мало ли людей,— ответил он, отводя взгляд куда-то в сторону,— мало ли людей пе́ред теми солдатами в долгу за добрую свою жизнь! — И добавил в раздумье: — Без русских людей и Украине нашей не стоять бы собранной, вон как нынче она перед миром стоит.

Я хорошо знал этот край по первым годам становления Советской власти на Закарпатье. Помню, как народный комитет делил в Ростоке между батраками и измученными малоземельем селянами помещичью и кулацкую землю. Помню, как люди по ночам с фонарями в руках, не до конца веря своему счастью, добирались до полученных участков, чтобы еще и еще раз взглянуть на них и убедиться, что все это не сон, а явь.

На моей памяти и первые шаги только что организовавшегося в селе колхоза имени Ленина.

Четыре идущих рядом человека занимают всю ширину улицы. Улица вьется по узкому межгорью вдоль обсаженного вербой и ясенем потока. Справа и слева к самым горам лепятся бревенчатые хаты с галерейками по фасаду и высокими крышами. В хатах темно, только кое-где светятся поздние огоньки.

Последний раз был я здесь четыре года назад и теперь шел по сельской улице, присматриваясь к попадавшимся навстречу хатам и не без волнения прислушиваясь к оживленным голосам знакомых людей, вызвавшихся провожать нас от клуба к месту ночлега.

Это и была Ростока, горное село в сто двадцать дворов.

До недавних пор, и об этом помнят не только старые, но и комсомольского возраста люди, здесь была вотчина голода, безысходной нищеты, пройдошливых корчмарей и жестокого волка Верховины — Матлаха. Это Матлах завел такой порядок, что всякий должник или проситель должен был входить в его, матлаховскую хату на коленях. Шестьдесят из ста хоронимых на ростокском кладбище были жатвой голодной смерти. На все село было от силы шесть мало-мальски грамотных. До сорок шестого года в сельраде на столе тарелка с сажей стояла: придет человек, расписаться ему надо, обмакнет большой палец в ту сажу и приложит палец к бумаге вместо подписи. А теперь ни одного неграмотного не найти. Семилетняя школа в Ростоке да десятилетка в Пилипце. Почтарь в старое время в неделю только раз приходил, люди на него со страхом смотрели: или повестку в суд принесет или повестку по недоимкам...

В годы Советской власти, когда передовые люди Ростоки — старый коммунист Андрей Юрьевич Беца, рассудительные братья Вощепенцы, молодые, горячие Ильницкие и другие — принялись за организацию колхоза, было немало раздумий.

— Я не про то гадаю, товарищу,— говорил мне тогда Михайло Матвеевич Вощепенец, человек средних лет, с пытливыми глазами.— Я не про то гадаю, хорошо ли колхоз або плохо. Я коммунист и знаю, что партия на худое народ не позовет, да это и все у нас знают. А вот земля наша... Что она нам даст? И может ли она стать кормилицей? Вон приезжают к нам уполномоченные из округа, даже из области, и все в один голос: «Виноград на Верховине разведем, вместо овса и картошки все пшеницей засеем, чуть ли не пальмы будут на Верховине расти». Да что там уполномоченные,— и газеты наши закарпатские про то пишут!

— А вам что, не нравится это? — спросил я.

— Не нравится,— подтвердил Вощепенец.— Не вздумайте только, что я в науку не верю. Я вон про Мичурина книгу прочитал... Виноград — дело хорошее, и пшеница хороша. Но почему бы нам с наукой о нашем скоте не подумать, о картофеле? С этого бы нам и начать. Говорят, что скот наш малоудойный. И в самом деле, пять — шесть литров в день, какой же это удой? С козы больше можно взять. А почему чехи, да венгры, да немцы увозили карпатский скот к себе на фермы и называли его «гумовым» — резиновым? Да потому, что от доброго корма карпатская бурая коровка столько молока начинает давать, что другой породе и не угнаться. А корм у нас худой, да еще и не хватает его. Вот куда бы науку направить.

— Говорили вы об этом? — спросил я.

— Как же, говорил! И против винограда с этими пальмами говорил. Так меня, знаете, один уполномоченный невером назвал.— И, помолчав немного, Вощепенец добавил: — А может, и в самом деле я чего-то не понимаю?

Все это: и разговор с Вощепенцем и прошлое Ростоки — вспомнилось мне в Пилипце, соседнем с Ростокой селе, где размещалось теперь правление объединенного колхоза.

Попали мы туда уже затемно. В большой комнате правления было многолюдно и шумно. Керосиновая лампа горела слабо и освещала только угол комнаты, стол, на котором лежали счеты, и человека, ловко подсчитывающего на этих счетах.

Время от времени человек поднимался из-за стола и умоляюще выкрикивал:

— Люди добрые, ну успокойтесь вы, бога ради! Я ведь гроши выплачиваю, а от такого шума и просчитаться можно!

Но лицо его говорило совсем о другом. Оно говорило, что ему приятен и шум, и возбужденное состояние людей, и то, что собралось много народу. А что касается призывов к тишине, так это только порядка ради.

— А ты спроси, спроси,— шептала сухощавая крепкая женщина, подталкивая в бок своего мужа, рослого мужчину в шляпе с еловой веточкой за лентой,— может, на всех не хватит?

— Не хватит, так завтра достанем, чего спрашивать.

— Завтра? — поджала губы женщина.— А как завтра да что-нибудь и передумается?..

— Помолчала бы ты, Марие,— зашептал в ответ мужчина.— Сколько тебе и получать? Перед людьми стыдно...

Женщина всхлипнула:

— Как бы я знала...

— Знала. Я ж тебе говорил, и не раз говорил. Другие работали, а у тебя на неделе пять праздников.

— Худан Калина! — вызвал тем временем человек за столом.

— Я.— И к столу, поправляя на ходу головной платок, стала пробираться девушка с комсомольским значком на жакете. На широком, обветренном девичьем лице то появлялась, то исчезала улыбка.

— Худан Калина. Девятьсот сорок трудодней! — не без задора выкрикнул кассир и щелкнул на счетах.— Девятьсот сорок на два десять... Тысяча девятьсот семьдесят четыре да три тысячи премии... Всего четыре тысячи девятьсот семьдесят четыре рубля!

— Без малого пять тысяч,— проговорил, что-то подсчитывая в уме, рослый мужчина в шляпе с еловой веточкой за лентой,— да по пять кило картофеля на трудодень, это... четыре и три четверти тонны, ну и зерна выйдет центнеров на семь.

— Пойдем, Петре,— опять шепнула мужу Мария,— уж завтра свое получим.

— Нет, ты стой,— сердито и громко ответил муж,— стой да слухай! Э, мало я тебя учил, жинка...

Пока Калина Худан получала то, что ей причиталось на трудодни, я заметил двух мужчин. Они стояли у стены, неподалеку от стола, оба невысокого роста: один — блондин с продолговатым лицом, другой — крепко сбитый, собою чернявый, с умными, быстрыми, небольшими глазами. С удовлетворением, так и написанным на их лицах, и не без гордости следили они за тем, что происходило перед столом.

Когда расчет с Калиной Худан был окончен, девушка подошла к этим двоим.

— Ну что, Калино? — ласково спросил ее чернявый.

— Спасибо вам, товарищ голова, и вам, товарищ агроном, спасибо,— и на глазах у Худан блеснули слезы.

— Да что ты, что ты,— растерянно проговорил председатель колхоза,— это нам тебя надо благодарить за добрую работу на ферме. А плакать-то к чему?

— Я и сама не знаю, отчего плачется,— улыбнулась сквозь слезы Калина и стала вытирать глаза кончиком головного платка.

Вспомнил я тут, как Калина недавно рассказывала мне о небольшом происшествии на ферме.

— За удоями наших коров,— начала она издалека,— следят у нас все. Хоть бюллетень вывешивай. Правда, правда! Идет человек мимо фермы и обязательно спросит: «Ну как Черна нынче?» Да не только колхозники, вон и в районе следят, заботятся.

Как-то зимой приезжает к нам на ферму секретарь райкома партии. Глазастый он у нас, хозяйственный...

— Выкладывайте, что у вас тут случилось!

— А ничего особенного не случилось,— отвечаем мы.

— Как же так? А удой почему снизился?

— Снизился, да ведь не намного, всего на пятьдесят литров.

— Вот оно как, а я-то думал, вы о каждом литре заботитесь...

Стыдно нам стало, так стыдно, что лучше бы сквозь землю провалиться.

— Давайте вместе искать причину,— сказал секретарь. И что же, причину нашли.

На ферме у нас установлены автопоилки, и коровы привыкли уже пить воду, когда им захочется. Но как ударили морозы, вода в желобках позамерзала, пришлось таскать воду из речки. Ясно, задержка получилась. Достали мы пожарный насос, приспособили движок, и опять вода по желобкам побежала.

К тому я про все это вспомнила, что нам это хорошая наука, никто уж теперь не скажет, что пятьдесят литров молока — пустяк. За каждый литр болеем, капли молока не упускаем...

* * *

— Для нас сегодня праздник,— сказал мне несколько часов спустя председатель колхоза, агроном по образованию, Юрий Федорович Штеля.

Несмотря на позднее ночное время, он прикатил из Пилипца в Ростоку и остановил коней перед хатой Юрия Ильницкого, у которого мы расположились на ночлег.

Хозяйки, мать Ильницкого и его красивая, со строгим лицом жена, растопили печь и готовили ужин. За столом, помимо нас, хозяина, приехавшего Штели, сидели братья Вощепенцы, Михайло и Василий.

— Да, то, что вы видели сегодня в правлении колхоза,— продолжал Штеля,— это праздник. Конечно, нам могут сказать: «Экая невидаль, два рубля десять копеек, пять килограммов картофеля и семьсот пятьдесят граммов зерновых на трудодень!..» Но ведь мы — Верховина! У нас своего хлеба только до рождества и хватало. Да и хлеб-то какой — ощипок, лепешки из овса! Да разве только в хлебе дело? Вот вы сегодня лучшую нашу доярку Калину Худан видели. Я так глядел на нее и думал: ей ведь прежде, как Штефаковой Олене из вашей книги «Свет ты наш, Верховина...», в батрачках у Матлаха ходить было уготовлено. Может, и она, как Олена, с корочкой в руке по Ростокской улице бы бежала. Страшно мне стало только от того, что так подумалось. А на какую дорогу теперь Калина выходит?!

— Дай ей боже! — произнесла старуха, мать Ильницкого, подавая на стол ужин.

— Запишите себе малость,— предложил мне Штеля, — в 1952 году Калина надоила от каждой коровы по 1 129 литров молока, а в 1953— уже 3 140 литров, а корова Черна, про которую тут вам сказали, дала 4 тысячи литров молока.

— Что, невелики, скажете, цифры? — уставив на меня испытующий взгляд, спросил Штеля.

— А вы как думаете сами? — поинтересовался я.

— Невелики, даже очень малы! Но ведь мы только начали.

— Как же вы только начали? — удивился я.— Колхозу вашему пошел седьмой год.

— И все равно по-настоящему мы только начали, — настойчиво повторил Штеля.— Прожектерства немало было у нас: то на виноград тянули, то на другое, а от скота, хлеба нашего насущного, от скота, картофеля не то что открещивались, а как бы вам это получше сказать, ну, считали делом второстепенным, вроде даже мало интересным... Чего греха таить, и я сам, когда в районе работал, так считал...

— Если бы не тот виноград,— подхватил Вощепенец,— мы бы сейчас уже в миллионерах ходили!

— Что тебе сдался тот виноград? — рассмеялся Ильницкий.

В поезде

Лина КОСТЕНКО

Рассказывал соседям небылицы,
лежал на полке, в тамбуре курил
и озабоченную проводницу
за чай остывший весело корил.

И вдруг притих, одернул гимнастерку,
поднял стекло и целых два часа
стоял, смотрел он пристально и горько,
стоял, смотрел на Брянские леса.

Казалось, тихо раздвигая ветки
(в лицо пахнул густой еловый дух),
увидел все — до почерневшей метки
на той березе, где схоронен друг.

Еще увидел: свежие побеги,
на черном корне желтоватый мох,
и нет воды, оставшейся навеки
в следах солдатских кованых сапог.

А поезд шел, кидая дыма клубы
и оставляя где-то далеко
следы веселых хлопцев-лесорубов
и на деревьях метки лесников...

Перевод с украинского.

— Он нам поперек дороги стоял,— сердито ответил Вощепенец.— Да не в винограде дело, человече, я его только для примера беру.

— Не знаю,— сказал Штеля,— будет ли у нас виноград, но сады будут, это доказано. И пшеница уже есть, это тоже доказано. Беда наша была в том, что мы за все брались, но только не за главное в наших условиях, только не за животноводство. А как поняли это, так дело веселее пошло.

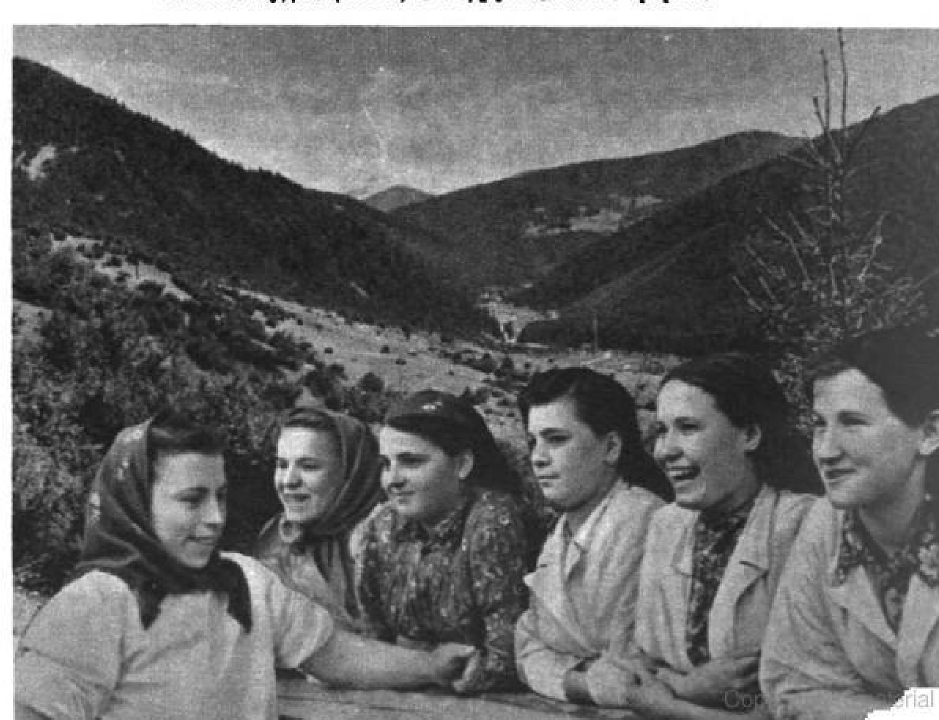
Разговор заходит о льготах, предоставленных правительством горным колхозам, о том, что доход колхоза в пятьдесят четвертом году будет равняться миллиону, что колхозникам планируется выдать на трудодень пять килограммов картофеля, пять рублей деньгами, по килограмму зерновых, не считая сена и других продуктов.

— Не подумайте,— обращается ко мне Штеля,— что колхоз наш набирает силу по какому-то особому секрету. Секрет простой и доступный любому горному колхозу. Заключается он пока что в самых азах земледелия. Скажем, земля наша требует удобрений, и мы их даем. Навоз, золу собираем, минеральное удобрение возим. А ведь это минеральное удобрение многие наши колхозы-соседи по косности или бесхозяйственности не выбирают с железнодорожной станции. Посмотрели бы, сколько его там лежит и портится!..

Время за беседой проходит незаметно. Должно быть, скоро петухи запоют.

— Гони ты нас из хаты, человече,— обращается к Ильницкому Михайло Вощепенец,— мы ж так и до солнца проговорим!

Калина Худан (слева) с подружками по ферме.

ОГНИ КОВЫЛЬНОЙ

Е. РЯБЧИКОВ **Фото А. ГОСТЕВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Чайки летят над степью. Шофер следит за их полетом и говорит:

— Скоро Большое Шкло. Тут, в степи, по чайкам только и определишь дорогу.

Из фургона агитмашины видна Кулундинская степь, дымчато-серая от ковыля, то алая, то синяя от цветов, то серебряная от зыбкого марева. Неоглядна равнина. Черная точка коршуна в жарком небе, белая эскадрилья чаек, летящая за нами, как за пароходом, суслик, стоящий «столбиком» в обгорающей траве... И озера, изумрудно-синие, цвета морской воды озера. Круглые, будто очерченные циркулем, лежат они в сверкающих ожерельях соли.

Слепящей синевой открывается спокойное, словно отяжелевшее от соляных кристаллов, озеро. Машина объезжает его припудренные солью низкие берега и напрямик идет на восток — в ковыльную степь.

Под колесами — плотный, чем-то похожий на серый войлок мясистый дерн. Торчат из него перья ковыля и ломкая горькая полынь. Никнут на солнцепеке травы. Это и есть целина. Только соль погубила ее приозерные участки; на гладких берегах так и не ходят тракторы.

Стороной объезжаем плоские крыши и тополя Богодуховки. Без дорог и путевых знаков устремляемся в бесконечную даль. Кажется, здесь нужны компас и карты. Но степные шоферы по каким-то, лишь им известным приметам находят дорогу там, где нет дорог.

Доносится далекий тракторный гул: машины поднимают целину. Где-то лает собака, бренчат цинковые ведра, звучит радио.

— Перед нами — тринадцатая тракторная бригада! — деловито объявляет шофер. Он затягивается тоненькой папироской-«гвоздиком», усаживается поудобнее за руль и дает полный газ.

На горизонте показывается полевой стан. Сколько их сейчас на Алтае! Из сел и деревень, из аулов, с усадеб МТС и совхозов перебрались в такие станы тысячи людей. Здесь они живут, работают, учатся, отдыхают.

Мы подъезжаем к голубому тракторному вагончику с антенной над тесовой крышей. Рядом сверкает свежей зеленью «летучка» — походная мастерская. Сейчас в поле работают новые тракторы, и «летучка» бездействует.

Секретарь партийной организации Кулундинской МТС Александр Иванович Слащев выходит из агитмашины, идет к тракторному вагончику. Матерчатый полог защищает вход от мух и слепней. За пологом — ряды коек, кабинка бригадира, радиоустановка учетчика, кухонные столы. Повариха Надежда Новосельцева с помощницей комсомолкой Людой Стась готовят обед. Водовоз Мария Андрющенко, только что приехавшая из Богодуховки, сообщает новости: из сельпо едет ларек, будет агитмашина.

— Устарели новости, товарищ Андрющенко! — смеется Слащев.— Мы уже здесь.

Он здоровается, садится за стол, спрашивает женщин о делах. А через несколько минут секретарь седлает коня и уезжает к трактористам. Приехавшие из МТС артисты ставят агитмашину рядом с «летучкой», делают сцену, вешают занавес. Тем временем из агитмашины выносят походную библиотеку, комнатный бильярд; вскоре включают радиолу. До приезда дневной смены трактористов нужно успеть еще провести репетицию одноактного спектакля, разложить книги, очертить танцевальную площадку.

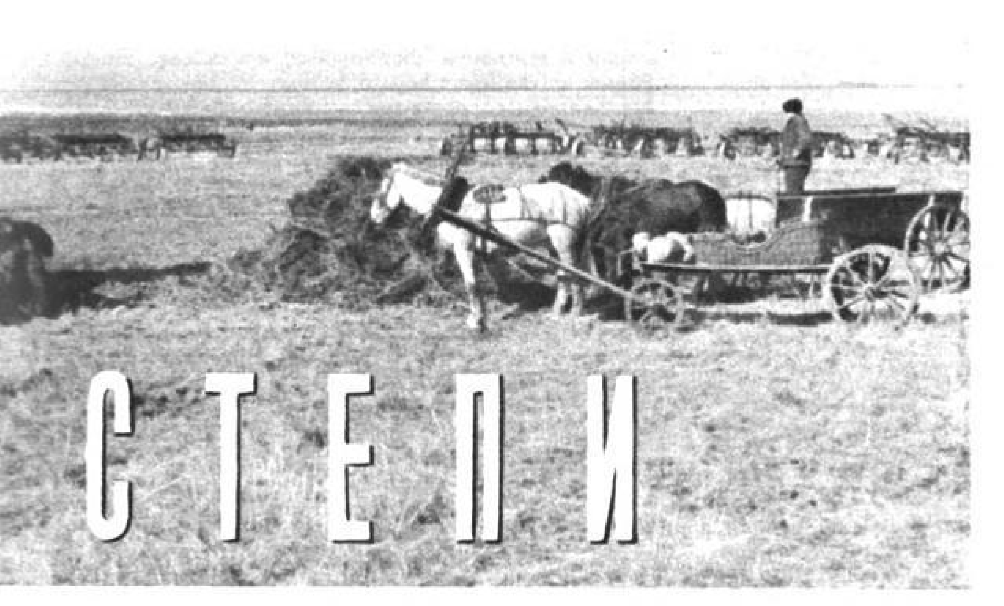
Перекинуться на досуге!

Пока идут приготовления к концерту, поедем в степь. Гул тракторов становится громче. Жаворонкам уже трудно перепеть их басовитый, низкий рокот. Александра Ивановича Слащева находим в тринадцатой тракторной бригаде, у Ильи Сергеевича Болдырева. Они стоят среди бочек с водой, заправочных тележек и продолжают разговор. Болдырев невысок ростом, костист, лицо у него темное от загара, ветра и ма-

Илья Сергеевич Болдырев беседует с трактористами.

Торговая точка открыта...

шинного масла. Болдырев трижды горел в броневых машинах, трижды лежал в госпитале и в своей жизни трижды ходил на войну — дрался с белофиннами, на Халхин-Голе, с гитлеровцами в Отечественную...

— Так как же дела у Ивана Ивановича Перепелицы? — с опаской в голосе спрашивает Слащева Болдырев.— А как работает наш дорогой друг-новосел Алексей Андреевич Пименов?

Болдырев соревнуется с бригадами Перепелицы и Пименова, занятых севом на целине, живущих, как и он, вдали от сел — прямо в степи.

Слащев говорит об успехах бригад Перепелицы и Пименова, Федорова и Жилина. Иван Жилин первым начал пахоту целины в колхозе «Знамя коммунизма» и выиграл несколько дней. Вчера он был еще впереди всех.

— А вот эту цыдулку побачьте, дорогой секретарь.— Болдырев протягивает листок сводки и, хитро щурясь, любуется произведенным впечатлением.

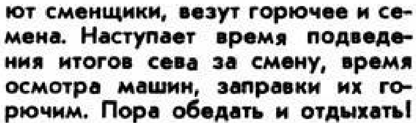
Слащев улыбается, глубоко вдыхает чуть горьковатый нефтяной дымок тракторов и долго смотрит на машины, движущиеся по целине.

— Мы так и знали, что к тебе первому с агитмашиной нужно ехать.

Потом Слащев садится на коня и уезжает. Ему нужно побывать до вечера у Пименова, съездить к Перепелице, работающим в той же степи за Большим Шкло. Остаемся с Болдыревым. Еще в Кулундинском райкоме партии мы слыхали, что Илья Сергеевич принял в свою тринадцатую бригаду группу новоселов, а троих парней взял в семью, привел в свой дом, отвел им постели и место за столом.

— Вон они, сыны мои новые: Егор Кучуков — на «ДТ-54», Иван Шевелев да Микола Фортов — на «С-80»,— говорит Болдырев.— Добрые хлопцы, белгородские, с одной Тавровской МТС, дружки-трактористы. Посадил на машины, проверку сделал — крепко работают. У них так получилось: у себя, в Тавровской МТС, тракторы выключили, а здесь, на Алтае, включили. Там и тут народ советский, дружный, и они везде как дома.

Забираемся в кабину мощного трактора «С-80», который ведет комсомолец Николай Фортов.

Много таких полевых станов на Алтае.

Дверцы кабины распахнуты: жарко. Паренек с веселыми глазами ведет машину и охотно рассказывает о себе. Ему здесь очень нравится: просторы небывалые, есть где размахнуться, и машины все новенькие. Алтайские механизаторы — опытные, бывалые — уже многому научили его.

Трактор подходит к вехе, увенчанной пучком колючек. Сюда же подводит с другой стороны машину Егор Кучуков. Он взмахивает рукой, салютуя товарищу. Под мерный гул моторов завязывается деловая перекличка друзей. Перебираемся к Кучукову и с ним отправляемся по многокилометровому гону туда, где дрожит и льется зыбкое марево.

Солнце медленно опускается к горизонту. К тракторам приезжают сменщики, везут горючее и семена. Наступает время подведения итогов сева за смену, время осмотра машин, заправки их горючим. Пора обедать и отдыхать!

В полевом стане — музыка, песни. Около голубого вагончика белеет халат приехавшей из воздвиженского сельмага продавщицы Прасковьи Камеровой. «Ленты, кружева, ботинки—что угодно для души»,— шутят механизаторы, обступившие ларек. А за обеденными столами хлопочут поварихи. Слышится плеск воды, ржание коней, звон посуды. Стан полон жизни. Загорелый Егор Кучуков, только что водивший трактор, с наслаждением ест борщ. Николай Фортов торопит его: давай-ка сыграем в настольный бильярд! Болдырев собирает после обеда трактористов; в «летучей беседе» он страстно доказывает, что нужно еще поднять выработку на каждый трактор и сделать так, чтобы занять первенство в соревновании механизаторов всего Алтая.

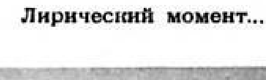

По целине!

Слова бригадира заглушают звуки вальса. Кружатся пары. Умолкает музыка. Начинается концерт художественной самодеятельности. Партером является сама степь, и зрители усаживаются прямо на землю. Медленно раздвигается легкий занавес. Шофер Вася Кривенко выходит на дощатые подмостки. Сегодня он конферансье и артист, он же аккомпанирует на баяне. Звучит веселая песня, ее подхватывает весь театр — трактористы, прицепщики, шоферы...

...Уже звезды серебрятся в черном небе. Из глубины степи, как сонный вздох, доносится теплый и мягкий всплеск ветра. Он чуть колышет театральный занавес. Кончился концерт. Пора послушать последние известия. В полевом стане оживление: диктор передает о достижениях тринадцатой бригады Болдырева.

Умолк радиорепродуктор. Гаснут огни. В ночи, тускло освещенной мириадами звезд, блуждают огоньки тракторных фар. Словно весенний гром, катится тяжелый стальной грохот. И куда ни посмотришь, в ковыльной ночной степи волшебными светлячками мигают, движутся и вот уже разгораются электрические созвездия большой весны Алтая.

...Агитмашина покидает полевой стан. Впереди еще встречи с другими тракторными бригадами Кулундинской МТС. Прощай, Большое Шкло! Мы едем к северу, за новые озера, в новые степи, где мигают огни тракторов и ширится сев на целинной земле.

Лирический момент...

ШАРОВВАНКА

Рассказ

Александр СИЗОНЕНКО

Рисунки В. Высоцкого.

В этом году отпуск выпал на осень, и я провожу его у родителей.

Немало лет прошло с той поры, когда в последний раз переступил я порог отчего дома и пошел в мир. И теперь я стою около нашей небольшой хаты, счастливый, как в детстве, и чувствую, как охватывает меня спокойствие и тишина полей.

Во все стороны от села раскинулась степь, и нет ей ни конца, ни краю. Синеет, на сколько глазом охватишь, точно такая же, какой помню ее с детства, и зовет меня, неодолимо манит синяя даль.

Иду в хату, надеваю стеганку, подпоясываюсь патронташем. Ружье за плечо, на пояс баклажку, а в отцовскую зеленую сумку от противогаза (он с ней ходит сторожить тракторный парк) — еду.

Мать встречает меня у ворот. В переднике у нее тяжелые гроздья винограда, верно, последние в этом сезоне, в руках кувшин со сливками.

— Вот... для тебя,— раскрывает она передник.— А ты уже собрался?

Она смотрит на меня ласковыми глазами.

— Да я не надолго, мам. Поброжу малость...

Выхожу в поле. Оно вспахано на зиму, чистое, убрано, как хата у опрятной хозяйки. Желтеют, словно золотые, скирды соломы на вороном разливе зяби, буреют лесополосы, а я смотрю на необозримые поля и думаю, сколько труда, сколько забот вложено в это поле, и с уважением оглядываюсь на село.

Сейчас село кажется мне маленьким, низеньким. Его затопили поля, затерялось оно в степи, как в море челнок.

Иду по пашне, вдыхаю запах земли, смешанной с запахом полыни, а навстречу мне катится перекати-поле, будто убегает от ветра.

Древний шлях, которым ездили когда-то чумаки... Я выхожу на него и направляюсь дальше, в низину, где всегда находят себе приют зайцы и лисицы, отдыхают во время перелета стаи журавлей и дроф.

В низине пусто и тоскливо. Давно опустевший ток выметен ветром, и на том месте, где недавно стояла молотилка, густо растет озимь. Меж скирдами гуляет ветер.

Шагах в двухстах от тока я замечаю стаю дроф и быстро падаю на землю. Огромные серые птицы, вытянув длинные шеи, пристально всматриваются в мою сторону. Их пугают и одновременно манят скирды, где наверняка можно чем-нибудь поживиться.

Я незаметно отползаю за скирду и обдумываю, как бы сделать так, чтобы дрофы не заметили меня.

С большим трудом надергав из скирды ворох соломы, я осторожно, потихоньку передвигаю его в сторону, просовываю сквозь солому дуло ружья. Теперь мне видны лишь серые головки на длинных шеях. Дрофы приближаются. Вот они уже в ста метрах, вот еще ближе...

Но только я было приготовился к выстрелу, дрофы с клекотом бросаются врассыпную. Тяжело и неуклюже махая крыльями, они несутся по полю, быстро набирая скорость, и взлетают против ветра.

В это же мгновение краем глаза замечаю, как рыжей молнией мелькнула в бурьяне лиса. Пробежав несколько метров за стаей, взлетевшей в воздух, останавливается, с тоской глядя на упущенную добычу.

Потом, опустив голову и распушив хвост, бредет в мою сторону, держась немного левее тока.

Я прицеливаюсь, задерживаю дыхание и нажимаю спуск курка. Лиса подпрыгивает, падает на землю. Я кидаюсь к ней, на ходу загоняя новый патрон, забыв, что второй ствол заряжен.

Лиса не подпускает меня близко. Она бежит прочь, прихрамывая.

Я теряю счет времени, вхожу в азарт в погоне за лисой. Расстояние между нами уменьшается. Наконец я все-таки пристреливаю ее.

Пашне не видно конца, раскинулась она во все стороны, черная, под серым, набухшим небом. Наступает вечер. Поблизости ни одного села.

Неподалеку в косых полосах дождя замаячил курган. У подножия его прилепилась тракторная будка.

Шаровванка? Далеко же я забрел! Связав лису ремнем, перекинул ее через плечо и направился к будке. Подходя к ней, заметил неподалеку два трактора. Эти веселые и работящие «натики» кажутся мне осиротелыми и ненужными в осенней пустой степи. Их третий брат стоит поодаль, в борозде. Поднимаюсь по узенькой лестнице и стучу в двери будки.

— Кто там? — кричат из-за дверей. — Входите!

Керосиновая лампа тускло освещает это степное убежище. Мне бросаются в глаза коекак застланные нары, занавески на окнах, темные стены и на одной из них плакат «Сдавай нормы на значок ГТО!» с изображением девушки и юноши в спортивных костюмах. По обеим сторонам плаката торчат пучки сухих васильков и веселых бессмертников.

В углу на стене играют отблески пламени, потрескивает огонь в печурке, и хотя в будке жарко, у человека, подкладывающего дрова, на плечи наброшена шинель. На печке что-то шипит, пахнет жареным. За небольшим столом два тракториста в засаленных спецовках играют в шашки, третий, как водится,— болельщик.

Все трое, сидевшие за столом, удивленно взглянули на меня, а тот, кто подкладывал в печурку дрова, не оборачиваясь, бросил:

— Стучишь, будто в кабинет к начальству. Сразу видать, городской.

— Переночевать пустите?

— Проходи, раздевайся.

— Ого! Да у него лиса, Матвеич.

— Охотника бог послал? — повернулся от печки тот, в шинели, и я встретился с его суровыми, пытливыми глазами. Седая борода, пожелтевшие, верно, от махорки, усы, сухой, хрящеватый нос. Он чуть-чуть улыбнулся, смерил меня ободряющим взглядом.

— Добрая лиса! А все же придется ее оставить на дворе: запах не того... Ты ее, хлопец, под будку положи, чтобы не намокла от дождя.

— Наш Матвеич приволок из дому жареную курицу,— сказал один из игроков, сероглазый, с пышной шапкой белокурых волос,— боится, чтобы лиса не стащила, когда уснем.

Его товарищи засмеялись. Усмехнулся и дед, блеснув в отсвете огня желтыми крепкими зубами.

Я примостил свою добычу в сухом месте и уже смелее зашел в будку. Игроки оставили игру, не спеша закуривают. Перехватив мой взгляд, белокурый усмехается:

— Что, не нравится обстановка? Не так живем, как в книжках пишут?

— Немного не так,— соглашаюсь я.— А почему это вы пашете до сих пор? Одни на все поле.

— Думаете, работаем плохо? — прищуриваясь, спрашивает лобастый, похожий на цыгана, тракторист.— По полторы — две нормы вырабатывали в сезон, а вот приходится,— он махнул рукой и отвернулся, как будто я был виновником случившегося.— Пусть вот Фролов скажет.

— Тут такое дело,— со спокойной усмешкой начал сероглазый симпатичный парень,— в этом году в нашей тракторной бригаде вышли из строя два трактора. Как раз осенью это было... Дедушка,— обращается он к сторожу,— когда поломались Рыжик и Рябошапка?

— Рябошапка,— помолчав, не оборачиваясь, бурчит Матвеич,— двадцать восьмого августа, ну, а Рыжик дней на десять позже, выходит — седьмого или восьмого сентября.

— Ходячий справочник нашей бригады,— тихо говорит, кивнув в его сторону, Фролов.— Так вот поломались они, а директор МТС старик Охрименко, тот, который до Пленума был у нас, только руками развел: нет тракторов. Поднимать зябь тремя, говорит, а освободится какая-либо бригада, сразу к вам пошлю. Ну, а после Пленума сняли его.

— Образования не имел,— блеснув зубами, насмешливо поясняет тот, что похож на цыгана.

— Дело не только в образовании,— откликается Фролов,— было за что снять. И вот прислали к нам инженера из заводских. Ничего человек, культурный, внимательный к людям, не то, что наш Охрименко. А вот не ладится что-то и у него.

— Опыта, наверное, не хватает? — спрашиваю с тревогой.

Фролов усмехается.

— Да нет,— тянет чернявый тракторист, которого зовут Николаем.— Написали в «Правде» передовую о своевременном ремонте тракторов, так он сам из бригады в бригаду ездил, гнал тракторы с полей в МТС на ремонт, чтобы первому в районе отчет подать, с наибольшими процентами. А на этих трак-

торах надо было поработать еще каких-нибудь пять суток, и с зябью было бы покончено.

Николай неожиданно смолкает и, достав из-за уха сигаретку, тянется к лампе прикуривать.

— Только что же вам, городскому человеку, рассказывать. Вам это не интересно.

— Да не совсем так! Ново-александровский я. В летние каникулы, бывало, работал прицепщиком. Так что...

— Эй ты, просветитель,— кричит от печки на Николая Матвеич,— погоди прикуривать: ужинать будем!

Он делает два поспешных шага, стукнув, накрывает огромной сковородой чуть ли не весь стол. На сковороде шипят картошка и кусочки сала.

Николай засовывает за ухо сигаретку, сгоняет нас со скамьи и придвигает ее к столу. Все четверо приглашают меня. Я не отказываюсь. Отстегнув от пояса флягу, кладу ее рядом с отцовской сумкой, набитой провизией.

Выпив, все оживляются, только Матвеич остается таким же важным и непроницаемым. Он хозяйничает за столом и следит, чтобы не погас огонь в печке. А Николай перегибается через стол ко мне:

— Вы спрашиваете, почему мы до сих пор в степи? Думаете, небось, плохо работаем? А мы по девятьсот гектаров вырабатывали в переводе на мягкую пахоту. Петрович даже тысячу с гаком! Больше всех в районе...

Слышно, как за окном шумит дождь, как сердито стучит в нашу будку ветер. От его мощных порывов лампа начинает мигать и на стенах колеблются тени. Гудит рассекаемая дождем темень, затопив собой бескрайнее поле и со всех сторон обступив нашу будку. А у нас тихо и тепло.

Сковородку очистили, и Матвеич убрал ее. Потом он расстелил газету, выложил из моего мешка пироги и ветчину, принес свою жареную курицу, а Фролов откуда-то из-под топчана достал черную литровую бутылку, заткнутую кукурузной кочерыжкой. Налив полную кружку, Фролов протянул ее мне.

— Нате, выпейте вишневки. Жена моя приготовила.

— Зина плохой не сделает,— подмигнул Матвеич.

— Что, хороша жена у Фролова? — спрашиваю я, принимая из его рук кружку с наливкой.

— О, такая молодица! — Петрович сосредоточенно смотрит в темное окно и качает головой.— И первая звеньевая в районе, и хозяйка добрая, да и собой хороша.

— Зина его и привязала тут,— подмигивает Николай.— Про Дон свой и думать забыл.

— Ну, если так, пью за ее здоровье!

Фролов смущенно улыбается.

— А где вы с ней встретились?

— Да вот какая история. В сорок четвертом был я ранен в бою за Шаровванку. Ну, она нашла меня в роще, перетащила домой, перевязала. Пока санбат подошел, выходила. А когда дали мне отпуск для поправки, я остался у них. За месяц хату отремонтировал, потому что хозяина у них не было. Зинин отец тоже был на фронте. А уж после войны я никуда больше не мог ехать, к ней прилетел.

Было уже поздно, мы начали собираться ко сну. Погасили лампу, и теперь только в углу бились о стену отблески огня из печки. Громче стал шум дождя за окном, слышнее — потрескивание дров.

Все молчат.

Я лежу рядом с Фроловым, закинув руки за голову.

— Ну, и как же вы, скучаете по Дону? — тихо спрашиваю я Фролова.

— Как вам сказать? — Он оперся на локти, внимательно посмотрел в угол, на игривое пламя.— Сначала скучал: мать там осталась, сестры. Потом привык. Тут такие же люди, и степь совсем такая, как у нас на Дону. Утром выйду из хаты, втяну в себя воздух,— честное слово, Доном пахнет в этих степях! Ну, и Зина здесь, — сказал он, доверчиво понизив голос.

Матвеич крякнул.

— Говоришь, Доном наша степь пахнет? Может, и так. Я вот думал: приезжали к нам этим летом какие-то ученые, с книгами, фотоаппаратами. Расспрашивали про историю села. Со мной тоже беседовали. И вот рассказал мне один из них такую историю.

Это еще при Хмельницком было. Богдан выслал в нашу степь — она в ту пору Диким полем называлась — несколько полков. Вышел тогда у гетмана с поляками мир. Богдан вел переговоры с царем Алексеем о присоединении Украины к России, а полки эти под началом Богуна выслал стеречь крымских татар. Через ту балку, где стоит наше село, хотела татарская орда пройти вглубь Украины.

Так вот, значит, Богун, чтобы подстеречь их, раскинул лагерь в другой балке — теперь она Белозеркой называется, отсюда километров пятнадцать будет,— а сюда выслал дозор. В дозор он назначил трех лучших казаков на быстрых конях, чтобы татары не могли их догнать. Погоди, как же их звали?.. Одного — Иван Задорожный, другого, кажется,— Корж, а третий был из донских казаков, что примкнули тогда к Богуну.

Богун вышел из шатра, а мимо донские казаки ведут с водопоя коней. Залюбовался конями атаман. Особенно приглянулся ему один, высокий, крупный жеребец рыжей масти, копыта белые.

«Где, казак, такого коня достал?» — спросил Богун.

«С Дону мы, пане полковник,— скинул перед Богуном шапку казак.— Так что скакун наш — дончак».

«На таком коне и арабский царь, верно, не ездил»,— улыбнулся атаман и погладил жеребца.

— Да, у нас на Дону скакуны добрые! — вставил слово Фролов.

— Вот из-за этого коня Богун и послал казака в дозор,— продолжал Матвеич.— «Ты,— говорит — от ветра на нем убежишь, не то что от татар».

А дозор этот был особенный. Один из трех казаков должен был, как только появится орда, немедля что есть духу мчаться к лагерю и предупредить Богуна. А остальным следовало увести разведку по ложному пути, подпустить поближе и заманить в противоположную от лагеря сторону.

Ну, поехали хлопцы. Вот на этом самом кургане разместились сами, а коней в долину пустили. Глядят, хутор неподалеку. В Диком поле — это удивительно! Поехали дальше, спрашивают, что за хутор. Никто не знает названия, потому что появился хуторок недавно. Жили в нем несколько семей беглых крестьян. Ну, хлопцев приняли гостеприимно.

Ждут они день, ждут другой. На кургане один дежурит, а два других на хуторе отдыхают. Меняются, в общем. А ночью все трое на кургане оставались, потому что татары обычно ночами двигались.

И вот один раз на рассвете Задорожный с донцом двинулись на хутор, а Корж остался. Условились, что как только он заметит татар, должен выстрелить из пистолета, чтоб подать сигнал товарищам, а сам на коня — и айда в лагерь.

«Моего Рыжего возьмешь,— сказал донец Коржу,— этот домчит».

Ну, пошли они. Не успели и до хутора дойти — выстрел! Оглянулись: Корж на рыжем скакуне, как ветер, метнулся в степь и через минуту исчез в травах.

Хлопцы бегом к своим коням — и на курган.

Татар увидели издалека. Их было несколько десятков — головная разведка. Орда шла сзади, и уже слышен был, если приложишь ухо к земле, далекий топот.

На глазах у ордынцев наши хлопцы переехали балку и рысью подались в степь, в противоположную сторону от лагеря. Разведка — наперерез им. У татар кони добрые, да и у наших не притомились еще. Однако, то ли наездники они были лучше, то ли кони у них были порезвее, начали татары настигать наших хлопцев. Стрельбу подняли. И попала пуля Задорожному в плечо. Побледнел казак, а донец, перегнувшись на скаку в седле, кричит: «Скачи, Задорожный, я их задержу!»

Отказывается Задорожный, а сам все бледнеет, кровь из рукава заливает синие шаровары.

«Скачи, брат! — просит донец.— Скачи один, я их задержу».

Молчит Задорожный, закусил черный ус, лишь головой качает.

Тут донец выхватил саблю, плашмя ударил его коня, а сам повернул на татар.

Налетели татары на него, как воронье. Главное им — пленника взять. А донец не дается. Слетела у одного татарина бритая голова с плеч, двое, обливаясь кровью, бросились на-

утек. Все-таки ордынцы осилили донца, набросили на него аркан, стащили наземь и повернули назад. Заплакал Задорожный, слез с коня, стал перевязывать рану...

...Матвеич смолк, достал уголек и начал прикуривать. За окном шумел дождь, завывал ветер, и черная темь наглухо замазала окна. Никто из нас не подгонял Матвеича вопросами: наверное, у каждого перед глазами вставала картина далекого прошлого.

— Ну, вот,— затянувшись и выпуская струю синего дыма, продолжал Матвеич.— Богун накрыл орду в овраге, порубал. А перекопского мурзу, который вел орду на Украину, в плен взял. Плюется мурза во все стороны, рычит на Богуна: «Гяур! Шакал! Ты подослал такого гяура, как сам. Он врал до самой смерти, что ты стоишь в русле Буга. Пусть сожрут его сердце лисицы, а глаза выклюют вороны. Это он погубил мое войско! Да покарает вас всех Аллах!»

Донца нашли в овраге близ шатра мурзы. Он был без сознания. Видно, когда налетел Богун, его ударили ножом и бросили. Тогда уже не до него было.

Позвали Богуна. Наказной атаман опустился на колени, поднял белокурую голову донца.

«Славный казак, брат мой с Дона, скажи хоть имя свое».

Донец открыл глаза. Они были голубые, как небо над степью.

«Где Задорожный?» — чуть слышно спросил он.

«Гей, кликните Задорожного!» — приказал Богун.

Подвели раненого Ивана, склонил он голову перед другом и пожал ему руку.

Улыбнулся донец и снова закрыл глаза.

«Шаров Иван зовут меня, пане полковник».

«Отнесите к моей палатке и берегите, как зеницу ока! — приказал атаман.— Лекарей позовите!»

А через несколько дней, оставляя эту долину, назвал Богун небольшой тот хуторок именем донского казака.

Вот как было дело. А ты говоришь, Доном пахнет в наших степях... Очень может быть! Люди мы одного корня и одной доли, степи наши одинаково широки. Только и разницы, что бокун наш там донником называется. Может, и правда, Доном пахнет. Зачем бы Шаров жизни своей не пожалел за землю эту и людей наших?

— А разве он помер? — вскочил с горящими глазами Николай.

Матвеич улыбнулся.

— Гм! Наверняка не помер, потому как у Богуна лекари были добрые, аж из Венеции. А главное, казак тогда был какой здоровый! Порох, землю пожует, приложит к ране — вот тебе все лечение. О дальнейшей судьбе Шарова ученый мне ничего не сказал.

— И так все ясно...— заметил Фролов и вздохнул.

Ветер то хлестал дождем по окнам, то гремел по кровле.

А перед глазами моими степь серебрится на солнце ковылем, шумят высокие травы, и доносятся до слуха моего крики незнакомых птиц. Засыпая, я то видел пашню, по которой гнался за лисой, то под шум дождя выплывало передо мной задумчивое лицо матери, которая, видно, тревожится, где это я пропал...

...Утром, когда я проснулся, в будке, кроме Матвеича, никого не было. Старик склонился над газетой и беззвучно шевелил губами. Когда я окликнул его, он высоко поднял голову и блеснул очками, которые держались у него на самом кончике носа. Не спеша, он снял их и положил в нагрудный карман.

— Вставай, будем чай пить.

Мне показалось, что Матвеич еще и не ложился. Спустив ноги, я не нашел сапог на том месте, где оставил их вчера. Они стояли у плиты, густо смазанные автолом. Матвеич спокойно пояснил:

— Тебе ведь топать пятнадцать километров. А к смазанным сапогам и грязь не пристанет, и воду они не пропустят.

— А где же хлопцы?

— В село подались. Все равно пахать не смогут. Ну, а мне сторожить надо.

Чай пили молча. Когда уходил, я предложил Матвеичу лису. Он нахмурился.

— Лисицу я и сам подстрелю. А насчет сапог... У меня сынов сейчас нет. Один, меньшой, на войне погиб, а старший где-то на Дальнем Востоке. Так я хоть чужому приготовлю сапоги в дорогу. Все вы одинаковы. Разбредетесь по свету и забудете.— Он вздохнул.— Будешь охотиться, заходи еще...

Мы простились.

Небо после дождя было чистое. Косяки журавлей тянулись на юг, тоскливым курлыканьем нарушая степную тишину. Я оглянулся. Матвеич все еще стоял у открытых дверей будки и тоже глядел вслед журавлям. Ветер трепал полы его шинели...

На древнем кургане, куда вывела меня дорога, шумел от ветра бурьян. Отсюда далеко видны поля — зеленые, в коврах озимых — и черные массивы зяби. Они круто сбегали в долину, где когда-то совершил свой подвиг Шаров, где произошла знаменитая сеча Богуна с татарами.

Около балки, километрах в трех, виднеется Шаровванка, пускающая из труб по ветру косматые дымы.

Задумчивая, бескрайняя, как море, лежит передо мною степь, в ее просторе затерялись тракторы; серой, маленькой кажется отсюда будка.

Поле, мое поле! Когда-то дикое, взбитое копытами, орошенное кровью, ты лежишь сейчас, покорное, притихшее, а летом волнуешься нивами, катишь из края в край золотые свои волны и плещешь ими в поросшие бурьяном курганы наших отважных предков...

Перевел с украинского
Л. НЕСТЕРЕНКО.

ПРИСЯГА

Любовь ЗАБАШТА

В Москву мы мчались сквозь снегов сиянье,
Сквозь тишь лесов, сквозь гул степной метели,
И, как невесты, в белом одеянье
Навстречу выходили сосны, ели...

В кипенье жизни триста лет промчалось
С тех давних пор, как в светлом январе
Московское посольство направлялось
В старинный Переяслав на Днепре.

И сосны кланялись посланцам низко,
Но не вагон, а сани мчали вдаль...
Их Украина встретила, как близких,
Неся свою им радость и печаль.

А сколько горя знала Украина —
Сирот и вдов не перечтешь вовек!
Занес могилу гетманского сына
В Чигирине впервые легкий снег...

Да, Украине нелегко победа
Далась над шляхтой. За бедой беда:
Ползли пожары, а за ними следом
Развалины дымились. Но тогда
Их снег засыпал. И в сердца простые,
Сменив печаль, надежда полилась:
— Боярин Бутурлин! Ведь это же Россия
Своих послов прислала к нам сейчас!

И в Переяслав на Большую Раду
Казачьи вдовы торопливо шли,
Они детей вели с собою рядом,
Грудных младенцев на руках несли.

Казачьи дети! Пусть они потомкам
Поведают о памятной поре...
Кто на коне, а кто пешком с котомкой —
По всем дорогам люди на заре
Спешили в Переяслав. И вдоль улиц
Гостям крестьяне хлеб да соль несли.
С Москвой единство! И в сердцах проснулись
Надежды обездоленной земли.
Проснулись, чтобы обернуться явью,
С Россией выйти на широкий путь,
Москве великой — мужеству и славе —
На верность и на дружбу присягнуть.

Казаки, атаманы, есаулы —
Все собрались под колокольный звон...
Земля дрожит от праздничного гула,
Несется «Слава!» с четырех сторон.

Вот гетман Хмель выходит на средину,
Про свой измученный он говорит народ,
И слушает, притихнув, Украина...
Он говорит о тысяче невзгод,
Обидах от панов и от султана,
От хана крымского. И на Москву
Указывает, вскинув булаву,
И вот уже звучит вопрос Богдана:
— Решайте, с кем?
И прокатилось громом:
— С Москвой едины будем на века!
...Как повторяли те слова потом мы,
Присягу нашу слышала река!..

Гордимся тем, что клятва зазвучала,
Жила из века в век, из года в год,
В горниле дружбы с каждым днем крепчала,
Сплоченный наш возвысила народ.

Москва, Москва! Прими поклон глубокий,
От Киева любимого поклон!
Он стал красивым, радостным, высоким —
Уходят шпили в синий небосклон.

И где казачья вольница кипела
На Хортице, готовившись в поход,
Там, где бурлила меж порогов пена,
Вода к турбинам весело идет,
В ковши бегут потоки жаркой стали,
И в сеть высоковольтную в степях
Струится ток, спеша в донские дали,
В Каховку, где змеился Черный шлях,
Которым турки гордых полонянок
Вели толпой на торжища в Царьград.
Светло вокруг, и отсветы вагранок
Горят в глазах смеющихся девчат.

Богаты мы и радостью, и песней,
И колосом, и хлебом на столе,
И дружбою, которой нет чудесней,
Любовью и почетом на земле.

И не измерить нашего богатства,
И множиться ему из года в год,
Пока живет народов наших братство,
Присяга, что давал Москве народ!

Перевели с украинского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ и Ирина СНЕГОВА.

Песня о дружбе

Николай ДОРИЗО

Есть на земле священная граница,
Но пограничных нет на ней солдат,
Через нее бежит волной пшеница,
На ней в обнимку яблони стоят.

Ее пройдешь
и даже не заметишь,
Что на другую землю ты пришел —
На всем пути друзей хороших встретишь
Из русских сел и украинских сел...

Тебе мила украинская мова,
Полтавские радушные края.
И пусть ты сам из города Тамбова,
Но здесь все та же Родина твоя.

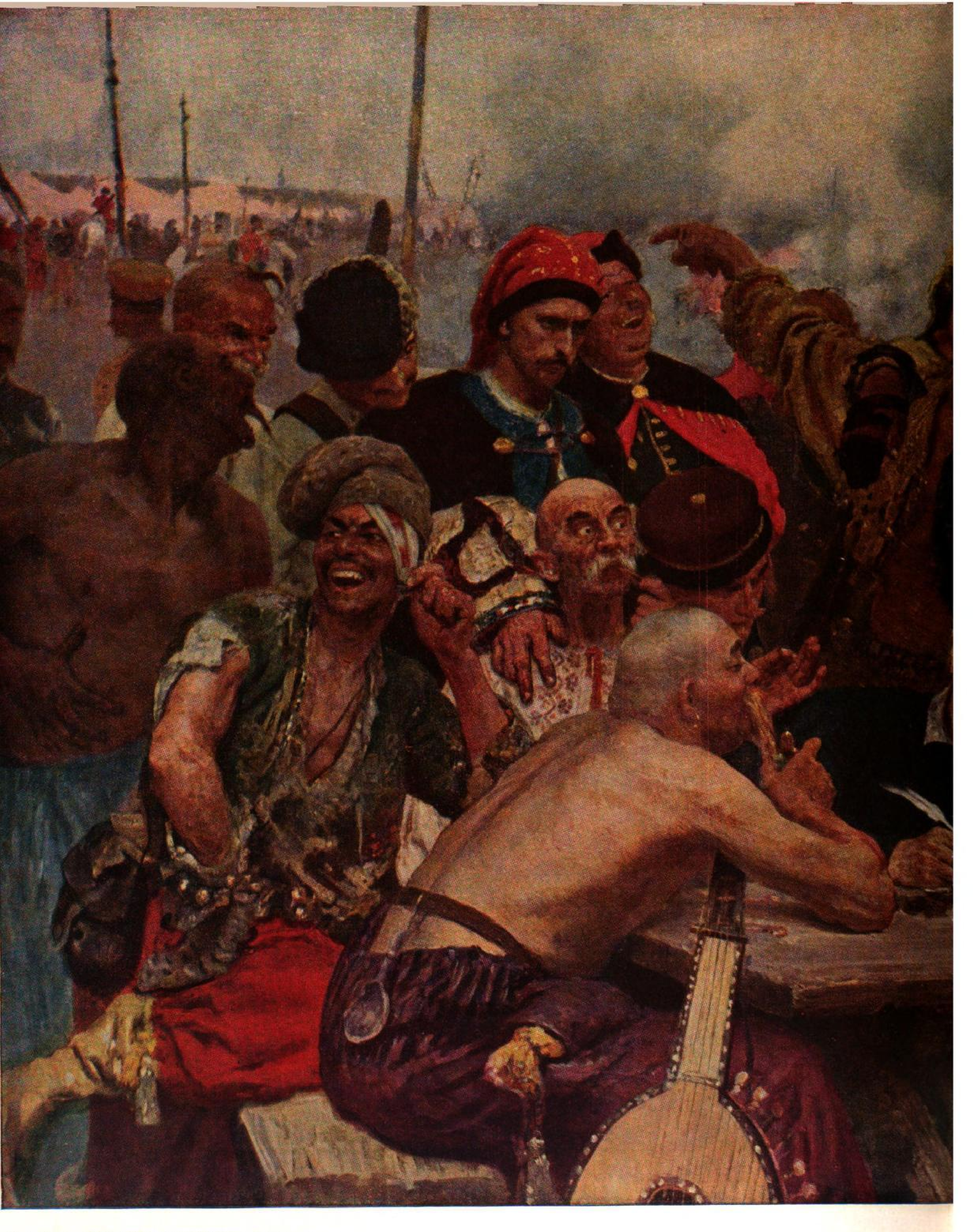
Здесь будет с кем и думой поделиться
И с песней вдоль по улицам пройтись.

Есть на земле священная граница,
И есть на свете дружба без границ!

С. И. Васильковский. 1854—1917. КАЗАКИ В СТЕПИ. **Государственный музей украинского искусства. Киев.**

И. Е. Репин. 1844—1930. ЗАПОРОЖЦЫ. Вариант-повторение.

Харьковский музей изобразительных искусств

Н. К. Пимоненко. 1862—1912. СЕНОКОС.

Государственный музей украинского искусства. Киев.

Рассказ ДИРЕКТОРА

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Прошел год, и я снова, уже в третий раз, в Пекине. Но я не узнаю привычного пути с аэродрома.

Мы едем через обширный район нового города по свежеасфальтированному шоссе, обсаженному статными деревьями. Монументальные корпуса предприятий, строгой архитектуры здания исследовательских институтов, заводские поселки выросли здесь с непостижимой быстротой.

На проспекте Дунчананьцзе, который мы в прошлый раз оставили в строительных лесах, возвышаются теперь кварталы правительственных учреждений. Рядом с гостиницей «Пекин», на бывшем пустыре, стоит одетое в леса многоэтажное сооружение — это будущая гостиница.

Над золотистыми и зелеными керамическими крышами древних дворцов поднимаются силуэты новостроек, откуда доносится звон молотков каменщиков, лязг арматурного железа, треск сварочных аппаратов.

Все это дает ощущение могущества великой китайской державы, ее твердой поступи, ее свершений.

Потом я ездил по стране и видел, какие богатые плоды принес первый год первой пятилетки.

Шанхайский машиностроительный завод «Усун» построен на том самом месте, где еще недавно стояла деревенская слесарная мастерская, ремонтировавшая незамысловатый крестьянский инвентарь. Когда я был в первый раз на заводе, основной цех его еще только достроился. Строительные материалы загромождали территорию, через канавы и котлованы приходилось перебираться по деревянным хлипким мосткам. Но молодые рабочие, бывшие крестьяне и мелкие ремесленники, энергично управлялись в уже действующих цехах. Они выпускали дизель-моторы и сложное оборудование для гидросооружений на реке Хуайхэ...

Прежде чем поехать на завод, я вооружился цифрами, полученными от работника шанхайского комитета Компартии Китая товарища Фаня. Это примечательные цифры. Для производства среднего дизеля существовала норма — 240 часов. Завод «Усун» выпускал агрегат за 130 часов. Потом дирекция предложила снизить время до 70 часов, но рабочие выдвинули встречную норму — 68. На крупный дизель полагалось 1 300 часов, выпускали — за 780. Снова дирекция предложила сократить время до 570. Рабочие предложили 505, но стали укладываться в 305 часов!

Я выразил товарищу Фаню свою радость по поводу таких цифр. Он сказал с улыбкой:

— Цифры иногда, как голуби: чем выше они поднимаются, тем легче кружится голова у человека, который ими любуется. Мне они, например, говорят не только об успехах завода, но и о том, что мы, коммунисты, должны во-время подмечать, как возникает новое, чтобы помочь победе этого нового.

Я узнал от товарища Фаня еще много интересных фактов о заводе «Усун». Заработок рабочих вырос за год почти на одну пятую. За год в строй вступили три новых цеха, в том числе экспериментальный. Одна четверть рабочих получила квартиры в новых заводских домах. Заводоуправление выделило в шесть раз больше средств на культурно-бытовые нужды рабочих, чем в предыдущем году. Сейчас завод готовится к выпуску новых дизель-моторов, в восемь раз более мощных, чем выпускал до сих пор.

Неожиданно товарищ Фань сказал:

— Мне вспомнилось сейчас, как мы с нынешним директором завода «Усун» в годы освободительной войны изготовляли у себя в отряде патроны на самодельном станке. По очереди вращали приделанный к станку мельничный жернов. А потом, в 1951 году, пришли пешком на окраину Шанхая и глядели на пустырь, где должен был строиться завод. Признаться, обоим нам это тогда казалось не совсем правдоподобным. А вот сегодня я называю вам цифры, серьезные и радостные, и предупреждаю, что мы ждем еще очень многого от завода и от его руководителя...

Мне очень хотелось повидаться с товарищем Ван Жо-ваном, директором завода «Усун», старым кадровым рабочим. Тринадцать лет — с 1924 по 1937 — он сидел в шанхайской тюрьме за революционную деятельность. Его подвергали изощренным пыткам и истязаниям, следы их не исчезли до сих пор. Во время антияпонской войны он окончил в Яньани партийную школу, длительное время был на подпольной партийной работе в Сиани и провинции Шаньдун, редактировал армейскую газету. Ван Жо-ван написал несколько рассказов и повестей, он член Союза писателей. Хотелось поговорить с ним о работе, о жизни, о литературе, которую он любит страстно и застенчиво.

* * *

На заводе мне с гордостью показали диспетчерский пункт, которого раньше не было. Теперь в любую минуту можно узнать, в какой стадии обработки находится каждая деталь машины в каждом из цехов. Я осматривал техническую новинку: электрозакалочный агрегат для коленчатых валов. Видел электроискровый аппарат для прорезания еле видимых отверстий в форсунках. Ходил по участку, где последователи нашего Колесова увеличили производительность труда в пять раз. В литейном цехе я осмотрел печи с новым высоким тепловым режимом. Как много нового осуществили китайские рабочие-рационализаторы!

Директор Ван Жо-ван приехал на завод с какого-то совещания только к концу дня. Вид у него был утомленный, вдобавок, как потом выяснилось, его мучил приступ болей, так никогда полностью и не исчезающих после перенесенных в тюрьме пыток. Но Ван Жо-ван улыбался радушно и дружески.

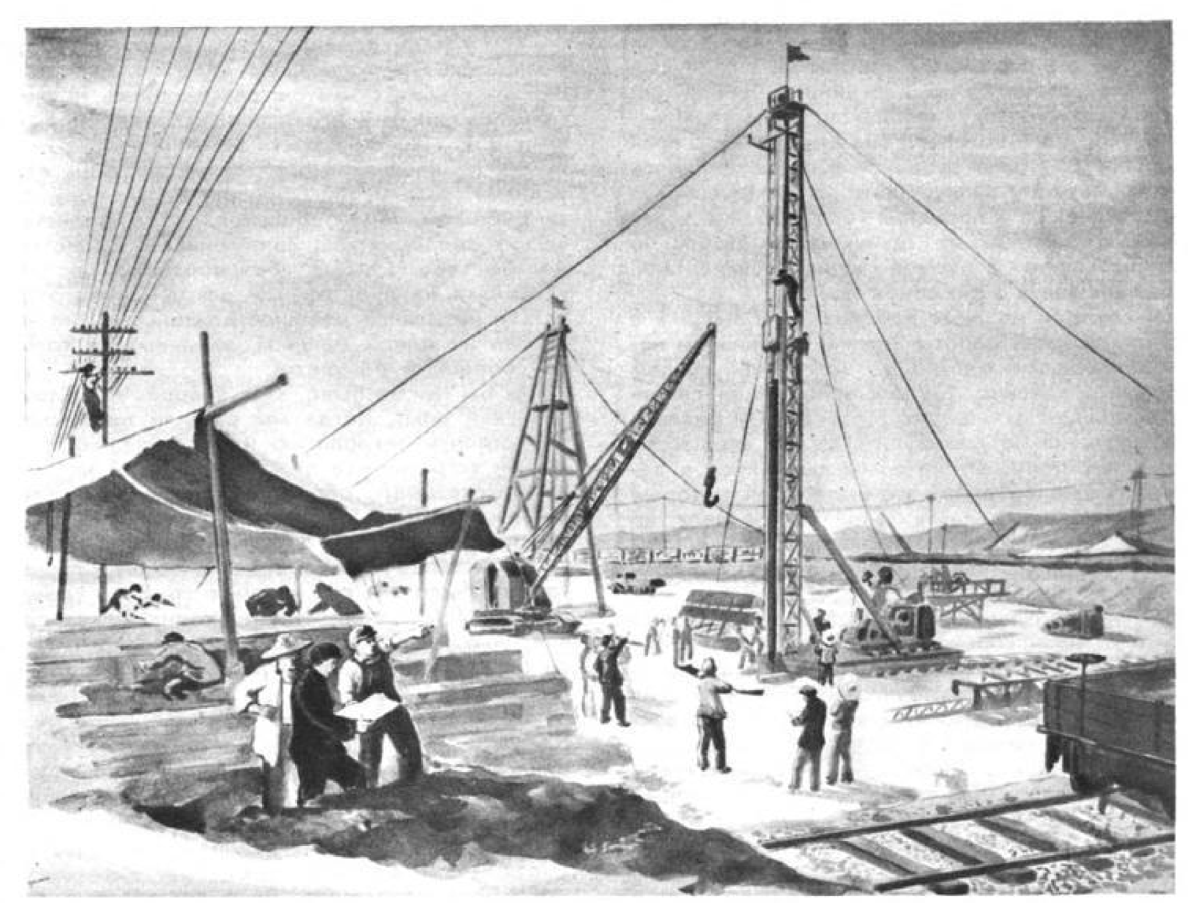
Мы уселись в его кабинете, увешанном чертежами и заставленном моделями будущих машин.

Ван Жо-ван спросил меня, весело поблескивая глазами:

— Вы, как я вижу, уже успели запастись цифрами? Тогда позвольте мне начать разговор с некоторого отступления... Представьте себе командира отряда. Он привык драться с врагами, имея мало оружия, и притом устарелого, испытывая недостаток в хорошо обученных бойцах. Командир привык к этим трудностям и выработал соответствующую тактику боя, которая приносила ему успех. Но вот со временем воинское мастерство бойцов выросло, они получили современное оружие в большом количестве. А командир продолжает придерживаться прежней тактики боя...

Ван Жо-ван перевел дыхание, помолчал несколько мгновений, потом продолжал:

— Нечто подобное случилось со мной в на-

На стройке нового завода. Рисунок У Пин-туаня.

чале прошлого года. К нам на завод пришел новый секретарь партийного комитета, товарищ Чень Шоу-фэнь. Я знал его еще со времен освободительной войны, он был смелым, мужественным солдатом и образованным политработником. Я обрадовался его приходу.

Партия тогда остро поставила задачу — совершенствовать производство. Но я не тревожился за «Усун»: он считался передовым предприятием. Ни при японцах, ни при гоминдановцах ни на одном иностранном заводе не было такой высокой производительности. Я как-то, когда пришлось к слову, сказал об этом Чень Шоу-фэню. Он ответил: «Нам пора отказаться от сравнения несравнимого. Нужно не оглядываться назад, а смотреть вперед. Завод может давать больше».

Я спросил его обидчиво: «Ты, должно быть, собираешься тянуть дерево за вершину, думая, что от этого оно будет расти быстрее?» «Нет, — сурово сказал Чень Шоу-фэнь, — это ты перестал кое-что замечать; бывает, что люди, получив трактор, цепляют к нему деревянную соху». «Где ты увидел на заводе деревянную соху?» «В устаревших нормах, — ответил Чень, — и в отставании организации труда. И я хочу, чтобы рабочие поговорили об этом на партийном собрании».

Я подготовился к партийному собранию. Взял с собой папку: там лежал отчет за истекший год, план которого мы выполнили с превышением. Но на собрании мне не пришлось раскрывать эту папку. Никто не интересовался тем, что было в прошлом году. Рабочие говорили о заниженных технических нормах, о штурмовщине в конце каждого квартала, уравниловке в заработной плате...

Я смотрел на лица рабочих, выступавших с критикой моей работы. Какими робкими и нерешительными многие из них были совсем недавно, с каким трудом запоминали самые простейшие технические термины. Как боялись они хоть на иоту отступить от тех производственных приемов, которым обучились в вечерней школе. Теперь это были люди, которые не только овладели техникой своего дела, но могли смело и самостоятельно ставить вопросы, касающиеся всего производственного процесса.

Скажу откровенно: мне было одновременно и радостно и горько слышать их слова осуждения... Когда в 1951 году мы выпустили первые моторы с маркой нашего завода, у всех у нас было какое-то чувство безмерного восторга: ведь никогда в нашей стране не делали таких машин... Через год мы расширили производство, стали выпускать более крупные моторы. Мы чувствовали себя героями. И вот в 1953 году, когда предприятие начало работать на полную мощность, когда многие трудности уже были преодолены, мне говорят мои товарищи, которых я люблю и уважение которых всегда чувствую: «Ты зазнался, ты упоен успехами. Ты не умеешь полностью использовать богатство техники и тот организационный опыт, которым делятся с тобой наши советские друзья. Ты не помогаешь рабочим сделать больше и лучше, а ведь все они хотят этого!»

Так я очутился в положении командира, о котором говорил вам. О чувствах своих рассказывать не буду, они понятны. Мы стали постепенно, настойчиво изучать каждое звено производственного процесса. Мы вносили поправки, усовершенствования. И нам удалось победить трудности перестройки. Мы добились к концу прошлого года тех результатов, которые вы записали у себя в блокноте.

Товарищ Ван Жо-ван поднялся из-за стола и несколько минут молча ходил по кабинету, морщась при каждом шаге. Потом он объяснил:

— Я несколько месяцев просидел в тюремном карцере. Это был каменный ящик, в который проникала холодная подпочвенная вода. С тех пор болят ноги; когда походишь, становится легче.

Снова усевшись за стол, он улыбнулся и сказал:

— А теперь сделаем передышку. Я хочу вам рассказать маленькую историю. Она может послужить сюжетом для рассказа, поучительного для тех, кто испытывал подобное, и вместе с тем, по-моему, забавного...

Есть на нашем заводе техник, назовем его условно товарищ Ли. Образование он получил за рубежом. Много работал на капиталистических предприятиях. Вернувшись в Китай, он долгое время был безработным, потом устроился на иностранный завод. Завод этот хоть и назывался машиностроительным, но не строил ни одной машины, а занимался только сборкой и ремонтом.

Как бы там ни было, этот человек имел технический опыт. Когда мы решили по-новому перестроить технологию и организацию труда, Ли встретил все это враждебно. Я не стану рассказывать обо всех его возражениях. Но наши споры с ним так обострились, что Ли просто перестал со мной здороваться.

Однажды вечером я сидел в своем кабинете. Это было как раз в самое трудное время перестройки завода. И вот входит Ли, взволнованный, и довольно сбивчиво говорит, что он ошибался. Честно говоря, я не очень поверил ему. Но дальнейшее подтвердило, что он не бросал слов на ветер.

Несколько месяцев спустя я спросил товарища Ли, что же послужило причиной такой перемены. Техник был молчалив и не любил откровенных разговоров с товарищами по работе. Он, видимо, унаследовал инженерское высокомерие с дурных времен.

К моему удивлению, Ли с готовностью согласился рассказать о том, что с ним произошло.

— Случай, — сказал он, — случай самый пустяковый и даже не совсем для меня приличный...

Однажды я вышел за ворота завода и увидел пожилого человека. Он стоял, опершись на руль своего трехколесного велосипеда с тележкой.

Я спросил его, почему в середине дня он стоит без дела. Усмехаясь во все лицо, он сказал, что уже выполнил установленную для него дневную норму и на этом кончает работу.

Тогда я с возмущением сказал: «Какой же это глупый человек придумал такую маленькую норму, что она и тебе снижает заработок и дело не делается?»

Возница посмотрел на меня такими свирепыми глазами, что мне даже показалось, что он хочет побить меня. Он крикнул очень резко, используя простонародный жаргон: «Ты скажи мне сначала, какой дурак у вас на заводе зажимает рот моему племяннику, когда он говорит, что рабочий может вырабатывать больше, чем раньше? Да еще обвиняет парня в том, что он гонится за длинным рублем? Не ты ли этот человек, потерявший голову и заменивший ее большими очками?»

После этого случая я заметил, что стал как-то с беспокойством поглядывать на лица молодых рабочих. Ведь каждый из них мог оказаться племянником свирепого возницы! И все чаще его слова приходили мне на память. Пришлось о многом подумать, прежде чем придти к вам с теми словами, с которыми я пришел.

Директор снова встал, слегка размялся и посмотрел на меня:

— Ты зазнался, ты упоен успехами...
Рисунок Чжан Чжи-н.

Рабочие обсуждают чертежи машин.
Рисунок Ли Цзунь-цзинь.

Вэй Чжуэй-чун.
Рисунок Кэ Уэй-мо.

— Ну как, занятная история? А кто был этот таинственный возница, столь осведомленный о делах нашего завода, это вас не интересует?

Фамилия его Вэй Чжуэй-чун. Он, признаться, нашел меня сам и почти повторил слово в слово свое недовольство нашими делами. Племянник его Вэй Чуан-ни — один из лучших токарей нашего завода. Отец юноши погиб в боях с японцами, и дядя воспитал его как сына. В 1951 году дядя узнал, что на окраине города строится завод. Он отвел туда племянника и устроил работать носильщиком кирпичей. Потом племянник окончил вечернюю школу и перешел работать в цех. Каждый вечер он рассказывал дяде о делах на заводе. Это стало привычкой для обоих. Вэй Чжуэй-чун оказался активным общественником, членом районного комитета профсоюза рабочих городского транспорта. В свое время ему стало известно, что на севере Китая строится первый китайский автомобильный завод, а в Москве, на заводе имени Сталина, обучается автомобильному производству большая группа китайских рабочих. Вэй Чжуэй-чун вошел в правительство с предложением организовать курсы шоферов для бывших рикш, чтобы заранее подготовить кадры хороших водителей будущих китайских автомашин. А после того как племянник стал работать на нашем заводе, дядя избрал себе место стоянки вблизи заводских ворот. Разумеется, он был не только в курсе дел нашего завода, но знал и многих наших работников...

Вот и вся история, дарю вам ее на память! А теперь, если не возражаете, давайте пройдемся по заводу.

Мы снова ходили по цехам завода. А в глубине заводского двора громоздились строительные материалы, и каменщики уже возводили бетонные колонны.

На прощание я спросил товарища Ван Жована, работает ли он сейчас как литератор.

— Конечно,— заявил директор, усмехаясь,— я же член Союза писателей! Новая книга моя будет называться так: «Часовой график, система планирования и учета на машиностроительном предприятии».

На заводском дворе возле складов с готовой продукцией стояли грузовики. На них грузили машины, упакованные в ящики. На каждом ящике была надпись с адресом, куда отправляется машина. По надписям можно было судить о том, как широко покрывается Китай сетью индустриальных предприятий.

На стадионе, примыкающем к заводскому двору, молодые рабочие играли в футбол. Возле футбольных ворот, охраняемых загорелым мускулистым вратарем, я заметил пожилого человека, не похожего на рабочего. На нем была конусообразная тростниковая шляпа и короткий плащ, какие раньше носили рикши. Он все время зычным голосом подавал вратарю советы.

Я подумал: может быть, это и есть тот самый возница, о котором мне рассказывал директор, а вратарь — его племянник? Но раздался судейский свисток, возвещающий конец игры, и зрители вместе с участниками состязания пошли к выходу.

Больше я не видел ни молодого вратаря, ни пожилого болельщика в тростниковой шляпе и коротком буром плаще из пальмовых волокон. Но лица их, оживленные и радостные, я хорошо запомнил. И мне казалось, даже через несколько лет я узнаю этих людей, если встречу снова. Хотя как знать! Сейчас в народном Китае все так быстро движется, что несколько месяцев могут изменить облик человека. Предположим, что старый возница попадет на курсы шоферов, окончит их и усядется за руль автомашины китайского производства; ведь не только одежда на нем будет другая! Ничего не будет удивительного, если, встретясь с ним, я не узнаю его. А племянник возницы! Директор сказал, что хочет назначить его начальником участка, а после окончания вечерней школы послать учиться в машиностроительный техникум. Очень возможно, что он станет инженером. Вот узнай тогда в этом инженере вихрастого паренька в красной майке, «ввинчивающегося» на лету в футбольный мяч всем своим телом!

Нет, скорей всего я не узнаю этих людей при новой встрече.

СКАЗКА

Рассказ

Юрий ЯНОВСКИЙ

Рисунки А. Кокорина.

Точнехонько, как в сказке сказывается, во Львове или в Станиславе жили-были старик со старухой.

«Старик!» — бывало, окликала его жена.— «Чего тебе, старуха?» — отзывался муж. И так повелось у них с юных лет, когда им еще казалось остроумным подобное обращение, когда перед молодым учителем и его женой еще расстилались неизмеримые просторы лет, жизнь была бесконечной и старость находилась далеко за горами. Ну, а потом, когда оказалось, что вчера еще были русые и румяные, а сегодня вдруг стали сморщенные и седые,— обращение это как-то уже не подходило. «Старуха!» — окликнет, бывало, по привычке старик. — «Ну какая я тебе старуха! — сердилась жена.— Ведь у меня есть имя, господин учитель!»

А случайный свидетель, слушая это, ласково улыбался и, как ни странно, соглашался со старухой: «Если б не седые волосы, ни за что не назвал бы их обоих стариками. Молодые глаза, быстрые движения, и сердца совсем детские — сколько брызг молодости разлетается из-под прищуренных век!..»

Неловко рассказывать, но известно, из сказки слова не выкинешь, не могли они даже таракана задавить и отравить прусака борной кислотой. А уж что касается мышей, то с этим бывало целое несчастье. Кто не знает, какой вред приносят эти маленькие серые существа: все уничтожают, портят, пугают, разносят болезни. Для них придуманы замысловатые капканы и мышеловки, а наши старички ставили перед мышиной норкой блюдечко с водой и клали сухарик. Да еще и находили оправдание этим своим бессмысленным поступкам: «Мы тоже хитрые, — говорил дед,— чтобы мыши не лазили где попало, пусть питаются здесь же, возле своего дома!..»

До нападения гитлеровцев старик преподавал в средней школе, которая называлась в старое время гимназией. Когда город был временно оккупирован, оба жили под немцами и хлебнули горя полную чашу. Приход Советской Армии встретили в состоянии полнейшей дистрофии: отекшие ноги — колодами, глаза совершенно скрытые под опухшими веками. Незнакомый молоденький лейтенант встретил стариков, когда они вдвоем с трудом тащили полведра воды. Одного часа лейтенанту было достаточно, чтобы вдохнуть струю жизни в легкие стариков. Он снабдил стариков дровами, раздобыл для них продукты, керосин для лампы, теплое одеяло и даже витаминные таблетки. И снова сказка вступила в свои права: старики оправились, ожили, даже улыбка поселилась на их хороших лицах.

Однажды пришел старик опечаленный и сел, нахохлившись, в углу. К нему подошла жена и шутливо начала: «Спрошу-ка я деда, какого ты следа? Из лесу ли, с поля или с вольной воли? И печаль какая сердце жжет, тебе, деду, улыбнуться не дает?» Честное слово, как в сказке! Это была их привычка: если один загрустит, другой обязательно должен развлечь. И в этот день была очередь старухи.

Старик пуще прежнего насупился, и старуха стала его бранить:

— Заплачь, Матвейко, дам копейку! Снова тебе что-то показалось? Кто-нибудь не так глянул, или тучка не тем краем неба проплыла? А может, чихнул кто-то под руку, напугал? А, Теодор?

Дед не поднял головы, и старуха не на шутку всполошилась:

— Может, сводку Совинформбюро пропустил?

— Чего ж пропустил? К Берлину подходим... Близок час капитуляции гитлеровского вермахта!

Старуха вдруг рассердилась и топнула на старика ногой:

— Вари из меня, старухи, воду, вари! Есть у меня время выспрашивать тебя, когда каша в духовке подгорает!..

Железная печурка стояла рядом, в этой же комнате, и совсем не трудно было старухе делать два дела сразу: исповедывать деда и спасать кашу. Да так уж повелось в жизни: хоть что-нибудь нужно же сказать в свое оправдание...

— Был я у того, кто регистрирует служащих, — произнес старик, понимая, что дальнейшее его молчание приведет к катастрофе: либо каша сгорит, либо получит он нагоняй.

— Ну и что? — отозвалась старуха.

— Я, Тодося, бессилен в разговоре с разными ни рыба, ни мясо...

— Чего ж он хочет?

— Говорит: «Данные ваши не подтверждаются; в папках работников подполья вы не значитесь»...

— Это и все? — спокойно сказала старуха.— Раз мы в бумагах не записаны, то пускай одна Стефа значится. Она жизнь отдала за советский мир. Значится наша донечка в тех бумагах?

Старик молча кивнул головой:

— Он сказал, что когда вернутся подпольщики с фронтов, из партизанских отрядов, с фашистской каторги,— тогда, может, что-нибудь и выяснится, а до той поры что скажешь? «Трудно отличить героев от рядовых людей, обывателей, когда гибли миллионы...»

Старуха на мгновение замерла, ловя ртом воздух, как рыба, вытащенная из воды, потом из глаз ее потекли слезы; она молча плакала, вздрагивая всем телом. Старик испугался, острой льдинкой пополз глубоко в сердце страх, сошли с него вся выдержка и задористость, он сразу превратился в маленького, беспомощного старичка. Подал старухе воды, опустился на негнущиеся колени к ее ногам, как впервые тогда, сорок лет назад... Некоторое время они плакали оба.

— Ну, довольно,— вдруг сказала старуха,— сам он обыватель, если так говорит! Я ему еще покажу! С него пуговицы посыплются!..

Маленькая и немощная, она так убедительно топала небольшой ножкой, так грозно размахивала крохотными кулачками, что старик пожалел того невежу, на которого падет старухин гнев. «Горячая у меня старуха,— гордился дед,— на кого угодно нагонит страху». И он искренно позабыл в ту минуту, как с грозной своей женою остались они однажды без обеда, потому что жаль было лишать жизни карпа, плавающего в ведре...

Их квартирка во время гитлеровской оккупации служила подпольной явкой. Ею пользовались два очень видных советских работника, у обоих были ключи от квартиры; они появлялись неожиданно, иногда приводили с собой одного — двух человек, так же неожиданно скрывались, мало и шепотом разговаривали, давали старику поручения, а его жене — паспорта и удостоверения, которые та прятала в швейной машине, целовали старухе руку, неизменно каждый раз говоря: «Ничего, мама, наше дело справедливое — все равно фашистов уничтожим! И придем к вам и перевезем в хорошую квартиру, и вы у нас будете навек нашей матерью!..»

Никому не были известны их настоящие имена. Одного называли «Иваном Ивановичем», другого — «Охотником». Старые хозяева знали одно: никакие пытки не должны были заставить их хотя бы словом обмолвиться о постояльцах. Советский мир, за два года до войны пришедший на западные украинские земли, владел сердцами и вдохновлял на геройство. Дочь стариков Стефа, после одного разговора с «Иваном Ивановичем», заявила отцу и матери, что и себя посвящает борьбе. Она перебралась на жительство к подруге, чтобы сохранить полную законспирированность родительской квартиры.

— Я уверен,— сказал дед,— и, вероятно, не удивлюсь, если наш «Иван Иванович» вдруг зайдет к нам и поздравит с победой!

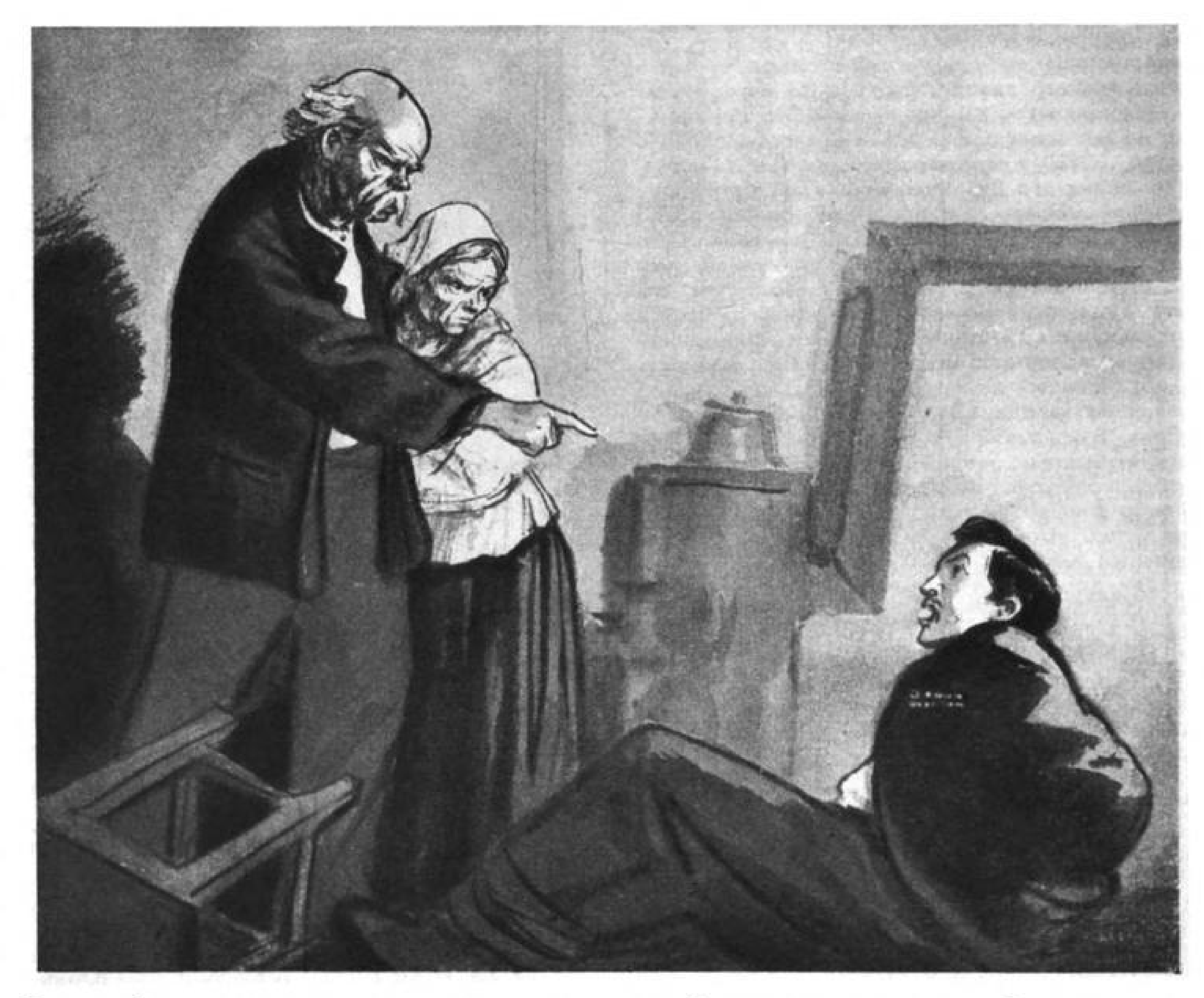
— У «Охотника» тоже есть ключ от комнаты. Может, и он зайдет поглядеть на нас, а мы на него... Подумать только, что все черные дни позади, никому не нужно скрываться... И наша Стефа могла бы жить...

Старик и сегодня еще не мог решиться рассказать жене о судьбе их «Охотника». Спустя три месяца после знакомства старый учитель увидел его труп у ограды городского кладбища. Около расстрелянного стоял полицай и висело объявление с приказом назвать имя партизана. Старик не помнит, как он тогда добрался домой. Когда пришел «Иван Иванович», он долго старался улучить минуту, чтобы в отсутствие жены сообщить о несчастье. «Я все знаю,— ответил «Иван Иванович»,— нас должны были схватить обоих. Спокойнее... В борьбе всяко бывает...»

— ...Безусловно, — заметил старик жене, — я именно их и имею в виду: «Охотника» и «Ивана Ивановича». Конечно, они придут оба, и вдруг окажется, что «Иван Иванович» на самом деле и не Иван вовсе, а Петр, а «Охотник» и в глаза не видал дикой утки. А что несколько задержались, так на это должны быть важные причины. Вот увидишь, что важные! Ведь Гитлер еще не добит!..

— И наша Стефа могла бы жить,— повторила тихонько старуха, повторила тогда, когда старик был уверен, что отвел ее мысли в сторону.

Старик вздохнул. К сожалению, не было никаких сомнений в том, что дочка не вернется.

Она погибла в гестапо, родители получили ее последнее письмо. Бедная девушка! Ни слова о себе. Все о них. Как будут жить, да кто поможет, да чтобы не тужили, не печалились; смерть ее радостна, она утверждает советскую жизнь. И целует материнские руки, и седеющую бороду отца и просит помнить-помнить... «Отец и мамочка,— заканчивала письмо Стефа,— как хочется жить! Живите за меня. Приветствуйте нашу советскую звезду, когда окончится эта черная ночь. Лесь меня предал, зачем я ему поверила?..»

— В последний вечер,— рассказывала уже потом стефина подруга,— перед тем, как тронуться в опасный путь на Полесье, откуда Стефа уже не вернулась, она выплакалась на груди у подруги и сказала, что делает глупость, беря с собой Леся. А с другой стороны, это, быть может, было чисто женское предубеждение против парня... Нельзя же на этом основываться... Все как будто проверила, документы в порядке, характеристика. И только где-то внутри у нее что-то упорно противилось, ни за что не желало соглашаться...

Кто он, никто не знал, кроме Стефы. Потом, конечно, поняли, почему Стефа держала его в стороне: она хотела, чтобы зло, которое в нем предчувствовала, упало на нее одну, если уже случится такое несчастье. Знали только, что он молод, имя его Лесь и исчез он вместе со Стефой.

— Бедная наша доченька,— промолвила старуха,— лежишь ты в безвестной могиле, и мы не знаем, где покоится твое тело... Как она мечтала встретиться с «Иваном Ивановичем»!

В дверь постучали. Старики вздрогнули и замерли, боясь спросить друг друга, не почудилось ли это им. Дед насилу поднялся с колен, выпрямился, сдавленным голосом крикнул: «Можно!» Снова пауза, которыми так полны сказки и после которых обязательно что-то случается. «Можно!» — повторил старик.

Дверь медленно открылась, в комнату вошел молодой человек, высокий, черноволосый, с орденской колодкой над карманом нового пиджака. Это не был «Иван Иванович». Это был кто-то чужой. Его взгляд мгновенно обшарил комнату, привычно взвесил каждую деталь обстановки, остановился на обоих стариках, успокоился, даже стал улыбающимся. А старику и старухе показалось, что их умело обыскали чьи-то опытные руки.

— Вечер добрый, — сказал гость.— Можно сесть?

И, не ожидая разрешения, он тяжело уселся в кресло, стоявшее отдельно в углу комнаты. Старики охнули: там любила сидеть их Стефа, никто после ее смерти к креслу не подходил,— они свято чтили ее память.

— Позвольте,— не своим голосом промолвил старик,— туда нельзя садиться!

Гость потрогал кресло, осмотрел ножки:

— Не беспокойтесь, выдержит. Оно еще достаточно крепкое!

Старуха от наглого тона гостя онемела. Она только молча показывала ему на другой стул.

— Какая ерунда,— сказал молодой человек,— мы, подпольщики, не на таких стульях сиживали, и ничего, не проваливались.

Старики молчали. Дед стоял у дверей, старуха сидела перед железной печуркой, в которой уже неизвестно что делалось с кашей. Гость расположился в кресле, вынул папиросу, медленно закурил, посидел с минуту молча, наполняя комнату дымом. Дед закашлялся, старуха стала отмахиваться от дыма, как от мух.

— Пардон,— сказал молодой человек,— можно открыть форточку...

Но сам и не пошевельнулся. Старик открыл форточку. Им показалось, что комната каким-то неведомым образом перенеслась снова во времена фашистской оккупации и они должны строго отвечать за преступную организацию подпольной явки. Старик ощутил холодок вдоль спины, такой знакомый в гитлеровские времена. Он невольно стал вспоминать, все ли в комнате прибрано и спрятано после посещения «Ивана Ивановича».

— Так, так,— дымя папироской, сказал гость,— никогда б не подумал, что у вас могла быть явочная квартира. Про всех поверил бы, только не про вас. Помню, немцы бесновались, разыскивая какого-то «Ивана Ивановича», а он, оказывается, вон где прятался,— у вас, правда ведь?

Старики молчали.

— Век живи, век учись. Каких только людей не привлекли к подпольному движению! Явочная квартира! Да ведь вы могли во время оккупации капиталистами стать, мои старички! Стоило вам только намекнуть кому-нибудь. А вы сознательно подставляли головы под нож.

— Простите,— сказал старик,— мы до сих пор не знаем, что вам угодно?

— Мне? — удивился гость. — Ниц, мои панове! Я сегодня видел вас на регистрации. Мы должны познакомиться хоть сейчас, если в подполье не сталкивались...

— Как ваше имя? — вмешалась в разговор старуха, сама не зная, зачем оно ей. Может,

просто хотелось отвлечь внимание гостя от старика.

— Василий,— не удивляясь, ответил гость.— Но в подполье я был Лесь.

Старики вздрогнули от неожиданности, старуха схватилась за сердце, старик изо всех сил сжал руками спинку стула, чтобы не потерять равновесия. Как жестоко распоряжается судьба, посадив в кресло дочери человека, называвшегося именем Лесь. Это, конечно, не тот Лесь... это только бессмысленное стечение обстоятельств. Надо сразу развеять подозрения, расспросить, выяснить... Отец и мать вдруг почувствовали в комнате присутствие дочери; она требовала от них спокойствия, выдержки.

— Нижайше прошу вас,— мягко сказал старик,— расскажите нам что-нибудь...

— Ладно,— ответил гость, закуривая вторую папиросу и пуская на стариков клубы дыма.— Я был в боевой группе, которая уничтожала гитлеровских молодчиков. Вот. Может, слыхали, лежал тут один убитый под оградой городского кладбища?

— Возможно, слышал,— прошептал старик, сдерживая отчаяние и нахлынувшие слезы. Так вот кого он принимает в своем доме! Бедный «Охотник»!

— Были еще дела,— продолжал молодой человек,— когда я обезвредил одну негодяйку, которая втерлась в подполье, выдавала наших...

— Вы ее убили тоже?

— Ее ликвидировало гестапо. Так сказать, свой своего не познаша... А нам только этого и нужно было. Имя у нее, помню, было какое-то совсем не арийское — Броня...

— Броня? — шепотом переспросил старик.

— Ну да, Броня. Вам знакомо это имя?

— Нет,— твердо ответила мать погибшей Стефы, известной в подполье под кличкой «Броня».

— Вот и отлично,— заметил Лесь, — это имя, безусловно, было не настоящее. Настоящее она отказалась назвать.

Старики долго молчали, пришибленные и онемевшие; гость терпеливо ждал.

— Позвольте вас задержать еще немного?— начал старик, чувствуя, что молчание затягивается.

— Только покороче,— улыбнулся гость, — я докурю и пойду, не хочется опаздывать в кино. Зайду еще раз, я не знал, что вы так беспомощны.

Дед прошелся по комнате. Он всегда так делал, когда волновался и хотел восстановить нормальное кровообращение. Портрет Стефки висел на стене за спиной Леся. Брови дочери были насуплены, она ждала поединка отца с врагом. Старик вооружился очками, чтобы лучше видеть выражение лица, нет, не убийцы, а дочери, и голосом решительного приказа сказал:

— Повернитесь и посмотрите на портрет.

Лесь повернулся и успел сдержать восклицание изумления. Перевел глаза на стариков. Лицо его стало жестоким и наглым.

— Не знаю,— процедил он.— Наверное, ваша родственница?

— Только не вздумайте нагло лгать! — закричала мать.— Разве это не та самая «Броня», которую вы убили?

Старик, отгороженный от Леся столом и печуркой, шагнул назад, заложил руку за спину, быстро повернул в замке ключ, вытащил его и швырнул в открытую форточку. Тяжелый ключ уже вылетел наружу, но ветер толкнул форточку навстречу. Осколки разбитого стекла зазвенели на мостовой. Старик, осененный внезапной мыслью, схватил с этажерки тяжелый словарь и также выкинул в окно. Он услышал вслед за звоном битого стекла крик, поднявшийся на улице. Лесь кинулся к двери, навалился на нее всем телом, но дверь была дубовая и крепкая. Дочь на портрете улыбнулась, это успел заметить старик за мгновение до того, как рука Леся с силой толкнула его в угол и он упал на пол.

— Ключ! — зашипел Лесь. — Скорее ключ! Должен быть еще один ключ!

Старуха замерла на скамеечке возле печурки. Не двигаясь, она зажала рот руками. Старик с трудом поднялся на ноги, молча стоял и глядел негодяю прямо в лицо:

— Нет, молодой человек,— сказал он,— нет! Вы отсюда не выйдете!

Он снова был отброшен на пол, и Лесь топтал его ногами. Потом наклонился и заработал кулаками, требуя ключа. Старуха тогда поднялась, молча схватила кочергу, лежавшую рядом, и, не закрывая глаз, замахнулась изо всех сил, ударила Леся по голове. Впервые в жизни у нее поднялась рука на живое существо. Лесь уткнулся лицом в старика и затих. Старуха стянула со стола полотенце и крепко скрутила палачу руки. Потом оттащила его от лежавшего без памяти старика и поясом связала Лесю ноги. Лесь очнулся и стал барахтаться, пытаясь высвободить руки. Не обращая на него внимания, старуха помогла мужу подняться, усадила на кровать, дала напиться, вытерла окровавленное лицо. Дочь на портрете явно улыбалась, когда старик взглянул на нее из-под распухших век.

— Развяжите меня! — громко приказал Лесь.— Это вам так не пройдет!

Старик встал с кровати и, опираясь о стол и стулья, доплелся до связанного.

— Так вот вы какие, господа убийцы! — медленно произнес старик.

Старуха решила, что он бредит. На всякий случай она приблизилась к нему и крепко обняла за талию. Так они стояли над поверженным предателем и убийцей, двое старых, осиротевших родителей, в великой печали и гневе.

— И вот так вы хотите пролезть в ряды честных людей,— сказал старик громко и твердо,— хотите обмануть нас, скрыть свое черное прошлое, стать с нами рядом? Зачем это вам? Неужели мы поверим, что вы хотите исправиться? Нет, убийца нашей дочери, вы хотите спрятаться среди нас! Чтобы в удобный момент вонзить нам нож в спину... Не выйдет! Господа националисты, погибайте вместе с Гитлером!

Среди глубокой тишины осторожно звякнул в замке ключ, дверь приоткрылась, на пороге стал... да, это был сам «Иван Иванович» с большим пакетом в руках.

— Решил в последний раз воспользоваться ключом. Здравствуйте, свободные граждане! Долго меня не было в городе! Подхожу, а тут как раз окна бьют. Думаю, надо торопиться — кто-то громит мою явку! Вот, мама, разве я не говорил вам, что наше дело справедливое? Прогнали оккупантов, принес гостинцев на радостях! Знаю, знаю, не говорите ничего про Стефу, все знаю... Вижу, что вы без меня тут не теряли зря времени... Сейчас за ним придут и заберут.

«Иван Иванович» крепко обнял старика, а у старухи, как всегда, поцеловал руку. И все было как в сказке...

Перевела с украинского Т. СТАХ.

«Артем Гармаш»

Сложную историческую обстановку воспроизводит роман Андрея Головко, многоплановый, богатый событиями, дающий (на примере одного лишь небольшого городка — Славгорода) широкую картину гражданской войны на Украине.

Не сразу определишь: в чем же привлекательность этой своеобразной книги? Написана она очень просто, без всяких прикрас, местами даже как будто буднично... «Буднично — о революции?». Но ведь были и будни революции. Была «черновая» работа партии. Был героизм людей, шедших на смерть незаметно... И в этом тоже величие тех овеянных славой дней.

Можно о событиях и людях того времени написать книгу романтически приподнятую.

А можно создать книгу совсем иную по стилю, но, тем не менее, превосходную (и Андрей Головко доказал это) — книгу, на первый взгляд, очень сдержанную, со скуповатой речью, с лаконизмом в раскрытии человеческих чувств, с суровой точностью в показе действительности.

Автор «Артема Гармаша» ничего не растолковывает, не дает о своих героях никаких справок. В этом — доверие к читателю: тот сам во всем разберется!

Читатель встречается с действующими в романе лицами, ничего о них не ведая, но он их видит, слышит, узнает об их делах и составляет себе верное представление о характерах.

Так, с главным героем Артемом Гармашем мы знакомимся постепенно, узнаем его не сразу, а узнав, слышим и о его прежней судьбе; не так ли обычно мы узнаем о судьбе человека, ставшего нашим другом?

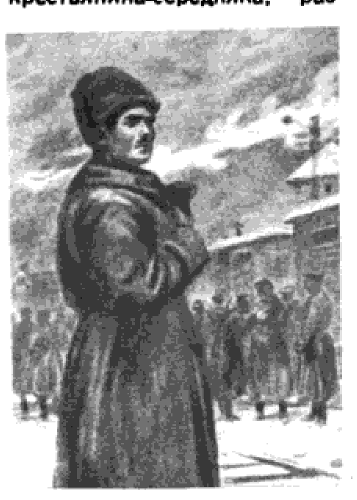
Нужно, однако, оговориться: пожалуй, совсем не Артем Гармаш — главный герой книги, озаглавленной его именем. Главный герой — народ, творящий историю под руководством партии.

Кузнецов, Гармаш, Тесленко, Мирослава Супрун, Бондаренко, украинские и русские рабочие,— ни одному из них не отведена главная роль в книге. Цвет народа, они никогда не ставят себя над народом, они всегда и всюду вместе с ним. Немало лиц в романе Андрея Головко. И каждое из них видно ясно, с присущими ему характерными чертами.

Русский революционер Кузнецов — рядом с украинцем Бондаренко; солдаты саперного батальона и крестьяне из ближнего села; беспартийные рабочие и закаленные долгой подпольной работой большевики; молодежь и старики... Вся эта галерея лиц и придает роману многоплановость.

На живых примерах показана братская дружба украинского и русского народов,— загасить ее не под силу ни гайдамакам, ни эсерам, ни меньшевикам, ни Центральной раде с ее националистической, предательской пропагандой — никому из тех, кто, по словам Кузнецова, проклиная «кацапов», с той же силой ненавидит и свой украинский народ — рабочих, сельскую бедноту... Ненавидит и боится.

Мы встречаем в книге стойких бойцов и колеблющихся. Прямодушный, искренний, но не сразу разобравшийся в событиях Грицько Саранчук — это как бы собирательный образ крестьянина-середняка, разбуженного революцией, но еще не нашедшего своего пути к ней.

Увлекательны страницы, посвященные предпринятому Гармашем смелому похищению у врагов оружия, необходимого революции.

Гармаш ранен; он должен на время укрыться в деревне... Мы расстаемся с ним, как и с другими героями, в предвидении новых встреч в близком будущем: кто прочтет первую книгу романа Андрея Головко, будет ждать выхода второй.

Итак, роман Головко многоплановый. Но нигде нет и следа предвзятости, нет нарочитого стремления охватить наперечет все явления жизни,— словом, нет признаков схемы.

Людей, целиком, беззаветно отдающих себя борьбе за великое дело, мы видим со всеми им лично присущими особенностями, с их личной жизнью.

Прекрасно застенчивое, не сразу узнанное, чистое чувство Гармаша и Мирославы. Сила его даже заставляет Мирославу Супрун растеряться: не слабость ли это? Она так боится за любимого, не боясь за себя...

Но здесь еще многое не досказано в романе; у читателя остается лишь предчувствие ожидающего героев счастья.

Несколько слов о фигурах врагов. Они не окрашены в одну краску. Тут и краснобай Диденко, и его однокашник по эсеровской партии Гудзий, и помещик-богач Галаган, и искательница приключений Евгения Мокроус, и атаман Щупак; к ним же отнесем пробравшегося на патронный завод демагога Варакуту и проникшего в партию большевиков Поповича, ловко прикрывшего свое неверие в революцию звонкой левацкой фразой. Во вражеском лагере одни мечтают о «самостийной» Украине; другие прицеливаются: кому бы посходнее продать свою страну: немецким или французским империалистам; третьи хотели бы сочетать и то и другое — националистическую фразеологию с национальным предательством. Это пестрое вражье гнездо заставляет еще раз оглянуться: сколько же мусора пришлось революции вымести на свалку истории!

Что сказать о недостатках романа? Местами речь героев отличается излишней книжностью. Быть может, это следует отнести к недостаткам перевода.

В целом роман отличается, как уже говорилось ранее, несколько скуповатым, сдержанным, но чистым и образным языком.

Пожелаем Андрею Головко успеха в его работе над второй книгой романа.

А. КОНОНОВ

Андрей Головко. Артем Гармаш. Роман. Книга первая. Авторизованный перевод с украинского Татьяны Стах. «Советский писатель». М. 1953. 243 стр.

Из «Книги братьев»

Андрей МАЛЫШКО

Песня Побужья

Сам он был с Побужья — с Буга. Трубка — вот его подруга,
У него подруга — сабля. А жена! К чему жена!
Был оттуда, где на воле
Дуб шумит в вечернем поле,
Где ревут над полем пушки,
Где богунцев сторона.

Мать в дорогу провожала; провожая, наставляла:
— Я тебя благословляю, выступай, сынок, в поход.
Только звякнул конь подковой,
Только дым летит багровый,
И уже на горизонте
Пыль сражения встает.

Поздно ночью, утром рано всюду видел он Богдана,
Не одна пылала рана, не в один вступал он бой.
Говорила мать: — Свободу,
Сын мой, добывай народу! —
И навеки сын запомнил
Слово матери родной.

Материнские родные помнил он глаза живые,
На Синюхе, на Самаре слово матери храня.
Помнил, ужин собирала,
Помнил, саблю подавала
И, неволю проклиная,
Подвела ему коня.

Перевел с украинского Ник. УШАКОВ.

Сагайдак

...А был Сагайдак молодой, кареглазый,
Такой же, как в песне встает перед нами.
О вьюжных походах, о сечах рассказы
Слагались на струнах бандур кобзарями.

В тех думах любовь васильком расцветала,
Баски рокотали о славе великой.
Врагам забывать приходилось помалу
Тропинку, протоптанную к Чертомлыку.

И слышался, слышался цокот копыта...
А чем королевским злодеям хвалиться!
Сказали, что нос залечил перебитый
Он порохом, взятым из пороховницы.

Погнал он ордынцев, как псов очумелых...
А дома семья его мыкала горе!..
Ждал с Дона и Сожа товарищей смелых,
Мечтал встретить Костку за Вислою вскоре.

Глядел, горбоносый, с прибрежного ската...
И солнце и волны играли там в жмурки...
Как люлька запышет — пылает расплата,
Как сабля заблещет — скрываются турки!

Ой, был Сагайдак молодой, кареглазый!..

Перевел А. КУДРЕЙКО.

Донец

Доброй стало у всех приметой:
С Дона он собирался с мушкетом
Темной ночкою путь открыть,

Выждав день бесконечно длинный,
Выйти шляхом, что за долиной,
Чтобы с братьями вместе быть.

Лил свинец он, припрятав порох,
Чтобы после с тяжелым взором
По днепровским седым горам

Понести палачам проклятым
Гнев, что скрыт был им для
расплаты,
За судьбину свою — врагам!

Кинул яблоню в дыме веток,
Жинку кинул и малых деток,
Хату, садик, родной огонь,

Чтоб мечте его жизни сбыться,
Чтобы полюшку осветиться,
Как запляшет горячий конь.

Были раны в боях-погонях...
— Добре бьешься, товарищ
с Дона! —
Сам Богдан с ним по чарке пил.

— Выпьем,— скажет,— с тобою,
брат мой,
Славен подвиг казачий ратный,—
Сам Богдан с ним так говорил.

А когда он сверкал глазами,
То казалось, что за плечами
Из-за Дона выходит гром,
Светят вспышки в Днепре моем.

А когда стрелял из мушкета,
Содрогалась земля-планета.
Вот такой-то пришел донец,
Вот такой он был молодец!

Перевел А. СОФРОНОВ.

Второй танец

Потом два деда вышли в круг
С одною бородой на двух.

Видать, недаром седина —
Грудь украшают ордена,
У двух—на двадцать хватит ран,
И тот и этот — партизан.

— Теперь давай на полный ход
Нам музыку красивую,
Пускай вечерний небосвод
Развеет тучу сивую!

Из двух любой плясать мастак,
Писать стальной подковою.
— А ну-ка, «яблочко», раз так!
— Иль казачка бедового!
Давай, чтоб гнулись тополи,
Чтоб ноги сами топали!
— Во всем партийный мы
народ...
Пускай же громче бубен бьет!

И вот уж за руки взялись,
Ловя аккорды звучные,
Как будто к бою поднялись
Навеки неразлучные.

— А ну ж, давай для нас, давай,
Пусть сердце песней полнится!
...И вот уже родимый край
Встает за ними полностью:

Окопом старым на пути,
И счастьем, и тревогою,
Лесною тьмой, что не пройти,
Тяжелою дорогою,

То дымом белорусских хат,
То речкой, то дубровами,
А то посланцами Карпат
С делами ковпаковыми,

А то колхозным трудоднем
С колючим перцем да огнем!

— Мы сроду не таковские,—
Мы, братец, ковпаковские!

— А ну ж, давай, а ну, давай!..
От молодых не отставай!

Один присядку вбок ведет,
То чётом мчит, то нечетом,
А вслед ему другой идет
Сивобородым кречетом.

Над ними пыль стоит столбом,
Под солнце поднимается.
И женки две стоят рядком
И, плача, улыбаются.

Перевел Сергей ВАСИЛЬЕВ.

Сестры

Над росистой поймою широкой
Гнутся ветви вишни одинокой.

Каждый вечер солнце провожает,
Даже дождь сиять ей не мешает,

Не встречает молнию в испуге...
К вишне в гости две пришли
подруги.

Обе дышат молодостью, счастьем,
Радостью и дружеским участьем.

Эта из артели в Подмосковье,
Эта из артели в Приднепровье,

А обеих вишня их укрыла
Белой-белой ветвью легкокрылой.

Побывали две подруги в хатах,
Побывали на полях богатых,

Там пшенице ни конца, ни края!
Там межа не делит урожая!

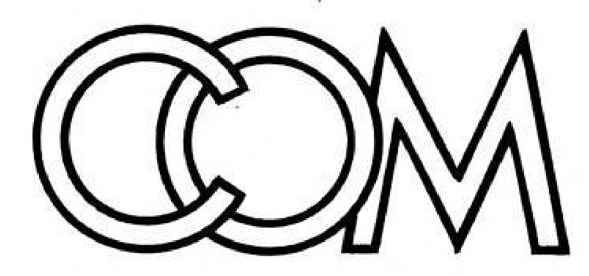
Черной тучей небо не покрыто,
И волну не гонит вихрь сердито,

И стоят над речкою степною
Две подруги с вишнею-сестрою.

Перевел А. ЯНТАРЕВ.

Рассказ

Олесь ГОНЧАР

Рисунки А. Каневского.

В поздний час ночными полями мчится машина. Где-то далеко погромыхивает гром, вспыхивают молнии, озаряя тучи голубоватым дрожащим сиянием.

В душном воздухе носится запах близкой грозы.

Машина, мчащаяся по полю,— из тех, которые днем поражают колхозных детей своим блеском и белыми кругами на колесах. Проносясь через села, она поднимает пыли больше, чем другие машины, и дети долго бегут за ней, захлебываясь в пыли и восторженно выкрикивая:

— «Зим»! «Зим»! «Зим»!

А сегодня эту машину видели во многих местах. На бешеной скорости пролетала она через села, проносилась мимо полевых станов и только под вечер остановилась в рыбоколхозе и простояла там в холодке под вербами до самых сумерек. Любопытные колхозники издалека видели, как шофер наливал в радиатор воды и как рыбаки раскладывали на берегу костер.

Сейчас в машине, рассчитанной на шестерых, сидело всего трое: шофер за рулем, справа от него — грузный, видно, дремавший мужчина, а за спиной у них, в темноте, притаился еще кто-то третий. Этот последний подавал признаки жизни лишь тогда, когда его окликали.

Грузный мужчина, несомненно, дремал. Это было видно по тому, как опустились его плечи, как низко сидит на лбу полувоенная белая фуражка, и по тому, как равнодушен он ко всему окружающему, к своим спутникам, к бесчисленной мошкаре, что вьется в свете фар, будто снежная вьюга, и залепляет стекла; к степным жаворонкам, которые, вспугнутые машиной, то и дело взмывают вверх, в вышину.

Боковое стекло у шофера открыто, и слышно, как свистит разрезаемый машиной степной воздух.

В машине тишина. Все дверцы прикрыты плотно, не дребезжат, мотор работает ровно — никакого постороннего звука. Только время от времени привычную тишину вдруг нарушает короткий, прерывистый и довольно громкий свист, совсем не похожий ни на высвистывание ветра за стеклом, ни на испуганный свист какой-нибудь птички, внезапно вспорхнувшей из травы.

Но свист был, и рождался он тут, совсем близко. Иногда он слышался так ясно, что даже тот, который дремал, вдруг пробуждался, стараясь понять, в чем дело. Встряхнувшись, крякнув, он недовольно бросал через плечо в темноту:

— Жухарев, это ты свистишь?

Из глубины машины почтительно откликались:

— Простите, Иван Петрович... Это не я.

И Иван Петрович, вздохнув, еще ниже надвигал на лоб фуражку и снова склонял голову, будто впадал в глубокую задумчивость. Укачиваясь на рессорах, он быстро успокаивался.

Однако проходила минута — другая, и повторялось то же самое: свист каким-то образом снова оживал рядом, надоедливый, раздражающий.

Иван Петрович, проснувшись, резко поворачивал голову назад:

— Перестанешь ли ты наконец свистеть, Жухарев? Ты что, нарочно нервы мои выматываешь?

— Клянусь честью, Иван Петрович! — виновато, с приниженной задушевностью доносилось из темноты.— Я даже в детстве не любил свистеть, а тем паче сейчас, при обязанностях...

Кажется, поверив в невинность одного, Иван Петрович косо взглянул на другого — на шофера, обдав его коньячным духом:

— Так, может, это ты?

— Что — я?

— Свистишь... Ты?

— К вашему сведению, Иван Петрович,— обиженно буркнул водитель,— я за баранкой никогда не свищу. И спиртного в рот не беру.

— Это что, намек? — сказал Иван Петрович.— Ну, ну, давай, критикуй, я это люблю... Но все-таки странно: и ты — нет, и Жухарев — нет... Между тем я же явно слышал свист. Вот здесь, у самого уха у меня свистело. Словно милиционер подкрался и потихоньку: сьрр... сьрр... сьрр... Разве вы не слыхали?

Жухарев на этот раз промолчал, а водитель, улыбнувшись, ответил за обоих:

— Почему же не слыхали? Слыхали.

— Так что же это, по-твоему? Святой дух? — оживился Иван Петрович.— Или, может-таки, и впрямь милиционер, как ангел-хранитель, на самом плече у меня уселся?

— Какой там милиционер!.. Ваш собственный сигнал.

— То есть как?

— Очень просто: носом...

— Ну, это ты брось... Чтобы я своим носом... Быть этого не может!

— А вот вы попробуйте еще раз задремать... Сразу и засвистит...

— Жухарев, это правда? — спросил Иван Петрович строгим тоном.

— Простите, я не расслышал, о чем вы?

— Это вот он заливает,— небрежно кивнул Иван Петрович на шофера.— Говорит, будто я сам себя разбудил собственными своими руладами... А?

— Боюсь, Иван Петрович, и в самом деле, не насморк ли у вас... А вы еще с этой ухой долго возились, до подтяжек раздевались...

— Правда, у них там сыро в рыбоколхозе, водоем...

— У меня есть пенициллин в таблетках. Может, дать под язык?

— К чертям! — буркнул Иван Петрович и сладко зевнул.— Как ты думаешь, Жухарев, будет сегодня дождь?

— Согласно прогнозу не должно бы быть...

— А-а, уж эти твои прогнозы... А почему же тогда молнии сверкают?

— На дождь, конечно... И тучи все небо обложили. Пора бы, может, о ночлеге подумать?

— Не глиняные, не раскиснем,— бодро ответил Иван Петрович.— В кои-то веки вырвались наконец в низы, а теперь чтобы под стрехой где-то прятаться? А?

— Вам виднее, Иван Петрович...

— Бензин есть?

— Да, еще с полбака...

— Ну и гони до победного конца... В случае чего где-нибудь и под копной сена заночуем. К трудностям нам не привыкать. А?

— Кажется, далеко уже заехали,— попытался было Жухарев заговорить о чем-то, но Иван Петрович оборвал его веселым насмешливым окриком:

— Что значит — далеко? От чего далеко? От «Авангарда»? Не один еще будет впереди «Авангард», и всюду нам необходимо успеть... А если ты о ночлеге, то не дрейфь, Жухарев: нас везде примут, мы, как говорится, «в родном своем отечестве».

Вскоре в глубине поля засветился огонек трактора. Выбравшись откуда-то из долины, трактор стал медленно вползать на бугор, и казалось, что он движется по самому горизонту, под нависшими синими тучами и молниями, которые, вдруг вспыхивая, охватывали полнеба дрожащими сполохами.

Расстояние между машиной и трактором быстро уменьшалось. Неожиданно на обочине дороги из мрака вынырнул силуэт полевой будки. Вот уже летящий свет фар скользнул по ней...

— А ну, стоп!

Остановились, вышли из машины.

Возле будки залаяла собака. Там же стояла пароконная подвода с бочками горючего. Двое мужчин курили в сторонке, посвечивая огоньками цыгарок: наверное, сторож и возчик горючего... Не подходя к ним, Иван Петрович сразу же направился к трактору, который с грохотом выбирался из темноты.

Вспышки молнии то и дело освещали грузную фигуру в белом парусиновом костюме, в хромовых сапогах, шагавшую по пашне тяжело, почти сердито. Это шел Иван Петрович. Раз или два он споткнулся о свежевывороченный пласт, но это не остановило его; он двигался дальше с таким решительным и воинственным видом, словно шел на подвиг.

Жухарев тем временем уже выскочил вперед — легкий, сухощавый, проворный, как человек, привыкший много бегать. Пока подошел Иван Петрович, Жухарев властным жестом уже остановил трактор.

На тракторе сидела девчонка, круглолицая, измазанная, в замасленном комбинезоне, в багровой, как лоскут пламени, косынке. Положив руку на руль, она удивленно ждала, пока подойдет тот, ради кого ее остановили.

Иван Петрович подошел, тяжело дыша.

— Ну, что это ты тут? Пашешь?

— Как видите. Допахиваю.

— С парами все еще возитесь?

— Не возимся,— поправила трактористка,— а поднимаем.

— Хм... поднимаете. А сводку дали, что уже все, до последнего метра поднято!

— Такого мы не давали.

— Пыль, значит, в глаза пускаете, а?

— Не знаю, кто пускает. Мы сводки точные даем.

— А председатель где?

— Дома. Где же ему в такую пору быть?

— Ладно, я с ним еще поговорю... Ну, а ты как же?

Трактористка уже с явной неприязнью смотрела на этого грузного человека в парусиновом кителе, с бледным, одутловатым, каким-то рыбьим лицом. «Видно, человече, редко ты оставляешь кабинет!»

— Сколько вспахала, спрашиваю?

— Все, что видите, вспахала... Да постойте: кто вы, собственно, будете?

Иван Петрович снисходительно улыбнулся.

— Сразу видно, что не была на областном совещании передовиков.

— Как раз была да еще и выступала...

— И меня не узнаешь?

— Нет!

— Плохо же ты руководителей области своей знаешь... А еще, наверное, и комсомолка... Не годится, не годится,— по-отечески пожурил Иван Петрович трактористку и негромко, с напускной скромностью, добавил: — Иван Петро-

вич я.— На девушку это не произвело никакого впечатления.— Слыхала?

— Нет, не слыхала. Хотя руководителей своих я хорошо знаю...

И вдруг, видимо, какая-то догадка осенила девушку, на губах у нее заиграла насмешливая улыбка:

— Подождите, да вы какой области?

— Как какой? — Иван Петрович даже отшатнулся от трактора.— Жухарев, объясни ты ей, пожалуйста!..

Жухарев сказал, и девушка громко, от души рассмеялась.

— Чего ты хохочешь?

— Ах-ха-ха-ха!.. Вот уж ротозеи! Галопом по Европам... Да вы же... вы же совсем не из нашей области!

Иван Петрович побледнел. Догадался. Как на смертельного врага, ощерился на верного своего Жухарева:

— Положись... доверься... Я тебе этого не прощу!

Повернулся и, втянув голову в плечи, спотыкаясь, со злостью направился к дороге.

Вызывающий девичий смех, подстегивая, звучал ему вслед, звенел, казалось, на все поле.

— Вот уж доездились! Не в свое заехали! Не из той области!

Смеялась девушка на тракторе, кто-то смеялся уже и возле будки, аж закашлялись...

Жухарев, обогнав Ивана Петровича, вылетел, как ошпаренный, на дорогу, крикнул шоферу, чтобы скорее разворачивал машину.

— Машина уже развернута, разве не видите?

Хлопнули дверцы машины, одни и другие. Снова загрохотал трактор, отваливая пласты земли, снова зашелестели по дороге колеса, вспугивая степных жаворонков. Сверкало, гремело все ближе, в воздухе запахло предгрозьем.

В машине царила гнетущая тишина. Не слышно было дыхания Жухарева, словно он умер в темноте позади. Шофер дал полный газ.

— Так это ты сознательно завез меня в чужую область?

— О, еще я же буду и виноват...

— А кто же, по-твоему?

— Кто? — призадумался водитель.— Сом.

— Какой сом?

— Тот, из которого уху варили в рыбоколхозе...

— Вот возвратимся, я вам покажу сома!..

— Я ж вас спрашивал, куда, а вы все — гони да гони прямо... Вот и гнал. Мое дело — гнать.

И хотя шофер и говорил серьезно, чувствовалось, что грудь у него переполнена смехом, как у тех, что смеялись там на все поле, вызывающе, победно выкрикивая вслед:

— Не из той области!..

Авторизованный перевод с украинского
И. КАРАБУТЕНКО.

Сад М. М. Коцюбинского

Сад Дома-музея М. М. Коцюбинского.

Фото Г. Хомзора.

В украинском городе Чернигове внимание приезжих привлекает небольшой дом, точно затерявшийся внутри буйно разросшегося сада. Розы цветут здесь с июня до наступления холодов. Беседка в саду — из кустов сирени, посаженной М. М. Коцюбинским.

...В самом начале нынешнего века хозяин дома и сада писатель Михаил Михайлович Коцюбинский вернулся на родную Украину из далекого путешествия. Он побывал в Италии, навестил там на острове Капри Алексея Максимовича Горького и привез оттуда на память от него черенки гвоздики и каприфолия. «Переселенцы» нашли свое место среди других цветов, высаженных Коцюбинским. Под благодатным украинским солнцем они пышно расцвели.

Сейчас этот дом и усадьба превращены в Государственный литературно-мемориальный музей М. М. Коцюбинского. Более сорока лет прошло со времени смерти писателя, но каждое лето цветет и благоухает созданный им сад.

В своих воспоминаниях о Коцюбинском Алексей Максимович писал:

«Он очень любил цветы и, обладая солидными знаниями ботаника, говорил о них, как поэт. Было приятно видеть, когда он, держа в руке цветок, ласкал его и рассказывал о нем... А однажды, увидев у белой стены рыбацкого дома бледнорозовые мальвы, — весь осветился улыбкой и, сняв шляпу, сказал цветам:

— Здоровеньки були! Як живеться на чужині?»

Этот случай произошел в Италии.

Коцюбинский как-то сказал: если бы не было цветов на свете, людям жилось бы значительно хуже. Он писал в стихотворении «Наша хатка»:

За хаткою буде зелений садочок,
Навколо із квітів рясненький віночок.

И перед черниговским домом появился зеленый садочек, созданный руками писателя. В письме к писателю Мачтету в 1899 году Коцюбинский делился с ним: «Я все лето провозился у себя в садике и нахожу, что это прекрасная вещь и для души и для тела».

Сад Коцюбинского ныне стал неотъемлемой частью музея. В саду можно увидеть розовые мальвы, к которым писатель, находясь на Капри, обращался, как к землячкам. Здесь же цветут гвоздики, выращенные из черенков, привезенных Коцюбинским из Италии, и яркокрасные гвоздики, один из видов которых известен под названием «гвоздики Коцюбинского».

В отзывах, оставляемых посетителями музея, никто не обходит вниманием любимый сад писателя.

«Глубоко поразила меня атмосфера музея, которая приближает к великому автору «Фата моргана», и цветущая усадьба очаровательной, незабываемой красоты, — записала Ванда Василевская. — Спасибо людям, которые так работают и любовью создают то, что делает человека лучшим и расширяет его кругозор».

Люди, которые сохранили и продолжают сберегать сад, — это директор музея, брат писателя, Фома Михайлович Коцюбинский и его жена Екатерина Яковлевна.

В музее побывал недавно Максим Рыльский. Он написал стихотворение «Гвоздики Коцюбинского». Есть в нем такие строки:

Від Горького із Капрі Коцюбинський
Прийняв цей дар братерської руки;
Гостинно грунт прийняв їх український —
І по-новому зацвіли квітки.
І сорт гвоздик, ще невідомий, виник,
Огріваний під склом оранжерей;
Він радує не тільки українок, —
Для всіх радянських він цвіте людей.

Макс **ПОЛЯНОВСКИЙ**

Т. Н. Яблонская. НАД ДНЕПРОМ. 1954 год.

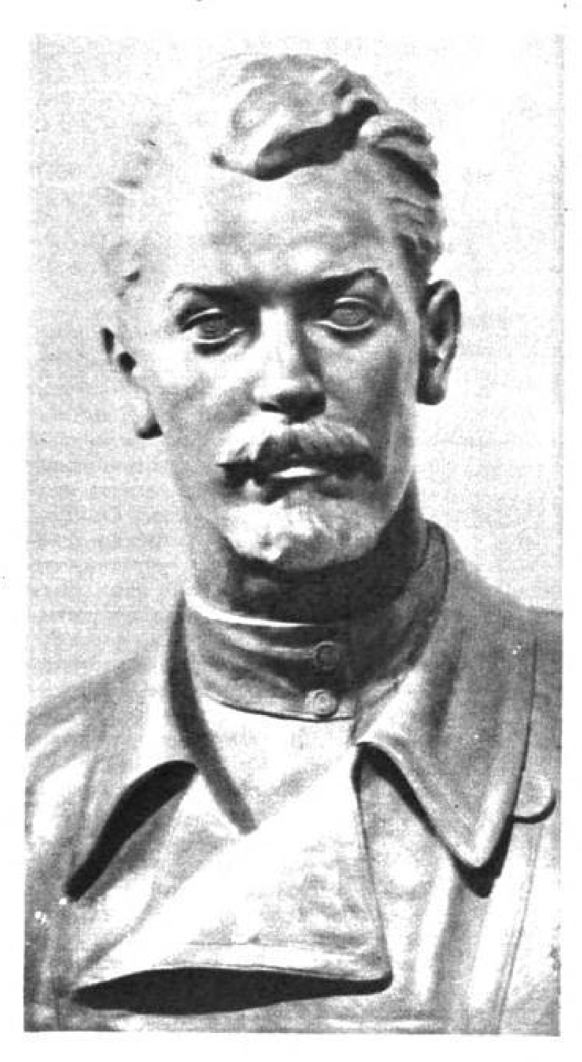

А. А. Шовкуненко. СИРЕНЬ. 1954 год.

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

Александр ПАЩЕНКО,
заслуженный деятель искусств УССР

Заметки об украинской художественной выставке

Н. Лысенко. ЩОРС.

В Киеве сегодня очень многое напоминает о вековом единении русской и украинской художественной культуры. Вот киевская София — замечательный памятник искусства Киевской Руси, подлинно художественное сокровище русского и украинского народов. Рядом — памятник Богдану Хмельницкому; автор монумента великому сыну украинского народа — известный русский скульптор Михаил Микешин. Над Днепром возвышается далеко видная окрест Андреевская церковь — прекрасное творение прославленного русского зодчего Варфоломея Растрелли. А в Киево-Печерской лавре колокольня на Дальних пещерах; в этом произведении талантливого украинского архитектора-самородка Степана Ковнира органически слились особенности растреллиевого стиля и украинского народного зодчества...

В парке против Киевского государственного университета, неподалеку от шевченковского музея, установлен памятник великому Кобзарю. Автор этого памятника (как и памятников Шевченко в Харькове и на могиле поэта в Каневе) — русский ваятель Матвей Манизер.

Вековое единение русского и украинского искусства особенно ярко и убедительно раскрывается на нынешней республиканской художественной выставке.

Выставка необычна: в отличие от предыдущих, здесь не только экспонируются произведения современных украинских живописцев, скульпторов и графиков, но на материалах, собранных из многих музеев республики, показано историческое развитие украинского искусства в его неразрывном единении с искусством русским.

В организации выставки приняли участие и музеи Российской Федерации: лучшие художественные галереи РСФСР бережно хранят и широко популяризируют произведения классиков украинской живописи и современных украинских художников. Государственная Третьяковская галерея прислала на выставку интересные произведения: К. Павлова — «Портрет сына», В. Штернберга — «Малороссийский шинок», Н. Кузнецова — «В праздник», К. Костанди — «У больного товарища», работы наших современников — А. Шовкуненко, Т. Яблонской, С. Григорьева, В. Пузырькова. Из Ленинграда, из Государственного Русского музея, поступили картины В. Штернберга, К. Трутовского, П. Нилуса. Даже из далекого Иркутска Областной художественный музей прислал на выставку картину К. Трутовского «Помещики-политики».

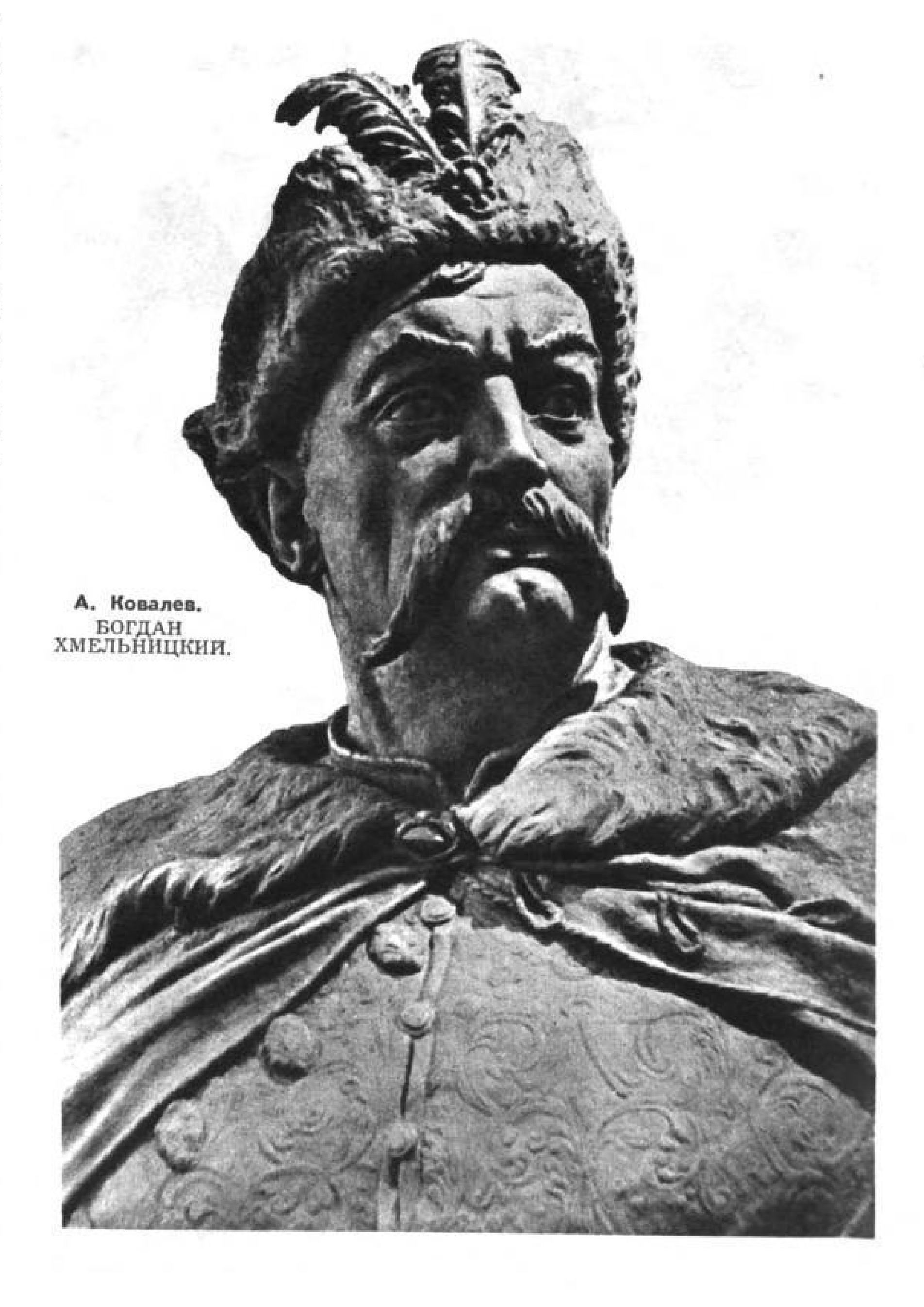
По-новому воспринимаются сейчас давно знакомые произведения, представляющие ранние этапы истории украинской живописи. Вот превосходные копии с фресок киевской Софии; они напоминают об общих истоках русского и украинского искусства. Вот интереснейшие образцы старинной украинской иконописи; в них столько яркого национального своеобразия, а вместе с тем так много свойственного иконописи русской. Особенный интерес вызывает у зрителей казацкая икона «Покрова» с изображениями Богдана Хмельницкого и царя Алексея Михайловича. Вот украинские портреты, относящиеся к эпохе освободительной войны украинского народа против польской шляхты, за воссоединение с народом русским. В этих декоративных портретах — парсунах, — несмотря на их условность, явственно проступают черты реализма. Украинскую парсуну хорошо знал И. Аргунов, ее пристально изучал А. Антропов, когда в середине XVIII столетия приезжал в Киев в связи с росписью Андреевской церкви. Кстати, казацкие портреты много позже изучал, а некоторые и копировал великий Репин, когда писал своих бессмертных «Запорожцев».

Под влиянием традиций украинской портретной живописи формировалось раннее творчество Д. Левицкого и В. Боровиковского. Выходцы из Украины, они на благодатной почве русского искусства стали замечательными мастерами портрета.

Если украинцы по происхождению Левицкий и Боровиковский своим творчеством обогатили сокровищницу русского искусства, то выдающийся русский художник В. Тропинин оставил глубокий след в украинской живописи. Крепостной графа Моркова, Тропинин около двадцати лет жил в селе Кукавке на Подолии, в имении своего помещика. Здесь он создал много портретов украинских крепостных крестьян. Эти тропининские портреты крестьян получили на Украине широкое признание; в музеях республики хранится немало лубков, написанных с них безвестными народными художниками.

Выставка знакомит с творчеством художников, близких к Шевченко. Друг и соученик Шевченко по Академии художеств, рано умерший Василий Штернберг оказал заметное влияние на развитие украинской жанровой живописи. Картины и рисунки, исполненные Штернбергом на Украине, вызвали восхищение Брюллова своей правдивостью. Ими увлекался молодой Шевченко.

Творчество великого украинского поэта и художника представлено на выставке скромно. Зрители широко знакомятся с ним в шевченковском музее, где в эти дни особенно людно. Но и то, что представлено в экспозиции выставки, в частности, «Портрет Л. Горленко» и офорты, красноречиво говорит о том, как прочно был связан Шевченко с передовой русской художественной культурой.

А. Ковалев. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ.

Современники Шевченко Жемчужников, Соколов, Трутовский испытали на себе огромное влияние его творчества. «Он был сила, сплавлявшая нас с народом, он пробудил нас к новой жизни»,— писал Жемчужников о Шевченко. И глубоко знаменательно, что трое русских художников, став первыми последователями реалистических традиций Шевченко, все свое творчество посвятили Украине, украинскому народу.

Быстрый рост украинской живописи во второй половине прошлого столетия был непосредственно связан с влиянием великой русской реалистической школы. На выставке этот период представлен произведениями, многие из которых получили в свое время высокую оценку Крамского, Репина, Стасова. Здесь интереснейшие портреты работы П. Мартыновича, картины К. Костанди «В люди» и «У больного товарища», полотна Н. Кузнецова, П. Нилуса, Е. Буковецкого, прекрасные пейзажи В. Орловского, С. Васильковского, И. Похитонова, П. Левченко, С. Светославского (влюбленный в природу родной Украины, он с любовью писал пейзажи Москвы).

Этих и многих других украинских живописцев-реалистов имел в виду Репин, когда писал в 1893 году: «Не угодно ли спросить все молодое поколение юных художников, которые теперь сотнями выросли в Киеве, Одессе, Москве, Харькове,— что они скажут? Чьи они дети в искусстве, кто на них имеет влияние вот уже 20 лет? Это дело «передвижников».

Л. Левицкий. ДУМА О ВОССОЕДИНЕНИИ.

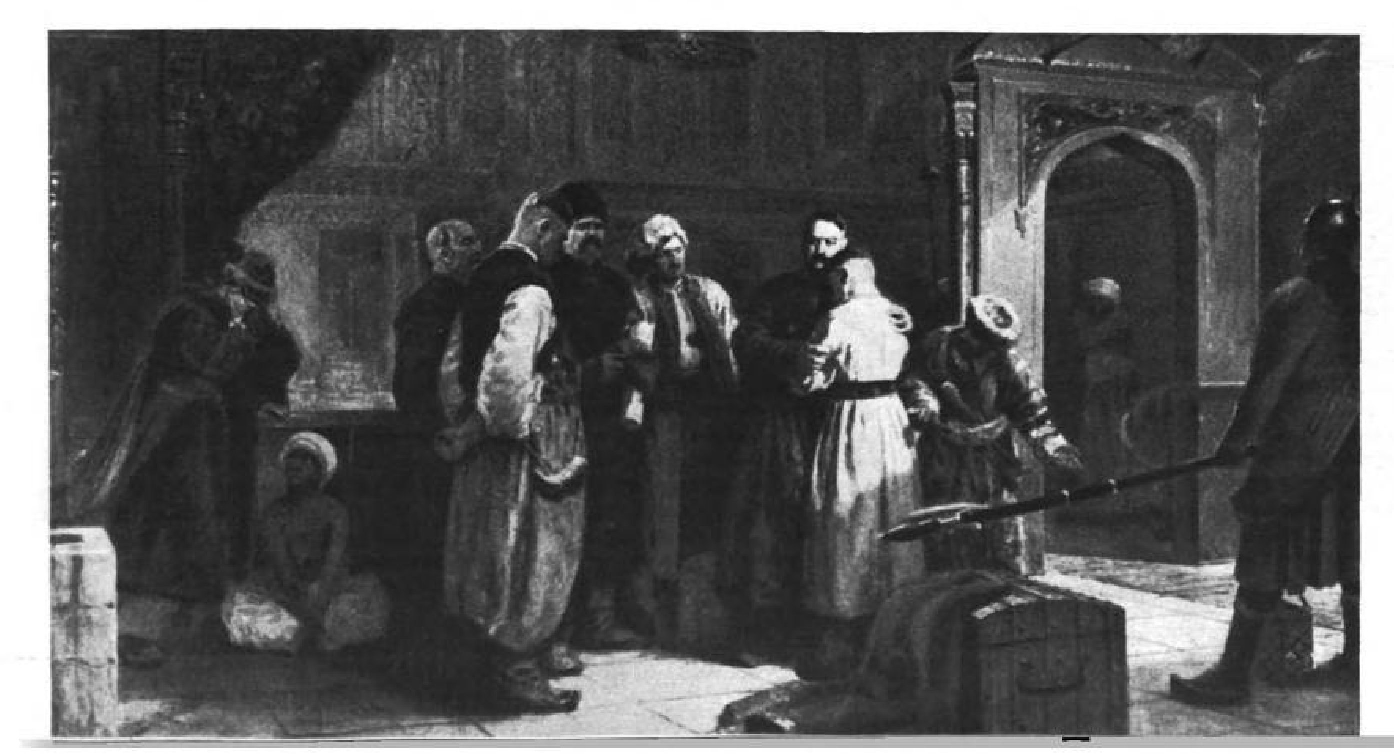
Посетители выставки знакомятся с произведениями целой плеяды украинских художников-репинцев. Это Н. Мурашко, основатель Киевской рисовальной школы, замечательный живописец, педагог и художественный критик. Это прямые ученики Репина: А. Мурашко, автор исторического полотна «Похороны Кошевого» и сверкающих живописным мастерством портретов; Н. Пимоненко, представленный на выставке многочисленными жанровыми полотнами; Ф. Красицкий — его картина «Гость из Запорожья» правдиво показывает быт времен Богдана Хмельницкого...

Г. Глюк. ЛЕСОРУБЫ.

Вот произведения И. Труша — «Портрет Леси Украинки» и «Днепр». Друг великого украинского писателя-демократа Ивана Франко, Труш был одним из представителей передовой западноукраинской интеллигенции, которая в то время, когда Западная Украина находилась под властью Австро-Венгрии, выражала стремление к воссоединению с Украиной, с Россией.

В. Задорожный. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ ОСТАВЛЯЕТ В ЗАЛОЖНИКИ КРЫМСКОМУ ХАНУ СВОЕГО СЫНА ТИМОША.

Большой отдел выставки знакомит с послеоктябрьским периодом украинского искусства, когда особенно окрепло и развилось творческое содружество русских и украинских художников. Отдел открывается произведениями мастеров старшего поколения — живых носителей реалистических традиций русской и украинской живописи в советском искусстве. Это Н. Самокиш, старейший советский баталист, представленный на выставке картинами «Переход Красной Армии через Сиваш» и «Бой Максима Кривоноса с князем Иеремией Вишневецким», С. Прохоров, А. Шовкуненко, К. Трохименко и другие.

Вся экспозиция советского отдела убедительно свидетельствует о том, сколь плодотворно развива-

ют украинские художники реалистические традиции. Об этом говорят не только произведения мастеров старшего поколения (например, портреты работы А. Шовкуненко), но и монументальное полотно М. Хмелько «За великий русский народ!», картины и морские пейзажи В. Пузырькова, жанровые полотна Т. Яблонской и С. Григорьева, историческая картина Г. Мелихова «Молодой Тарас Шевченко у художника К. П. Брюллова», глубоко раскрывающая тему общности русской и украинской культуры. Об этом говорят и картины молодых украинских живописцев, а также украинская скульптура, книжная и станковая графика.

На выставке много новых произведений.

Подготовка к большому национальному празднику 300-летия воссоединения Украины с Россией, естественно, вызвала усиленный интерес к исторической тематике: появилось немало картин, изображающих события освободительной борьбы украинского народа против польской шляхты. Среди этих произведений выделяется картина В. Задорожного «Богдан оставляет в заложники сына...» Начиная освободительную войну против Речи Посполитой, Хмельницкий вынужден был, как гласит предание, оставить своего любимого сына Тимофея в качестве заложника крымского хана. В. Задорожный изобразил сцену прощания Хмельницкого с сыном в ханском дворце в Бахчисарае. Молодой художник сумел наполнить свое произведение подлинным драматизмом. Надолго запоминается образ Богдана, человека огромной воли, готового на любые жертвы ради отчизны.

Обилие новых жанровых картин, хотя и не всегда равноценных по мастерству и значимости отраженных в них явлений, свидетельствует о стремлении украинских живописцев полнее и ярче показать современную действительность.

Радуют успехи закарпатских художников. Полную солнцем, проникнутую радостью труда картину «Лесорубы» написал Г. Глюк. Совершенствует свое мастерство талантливый пейзажист А. Кашшай. Широко представлен на выставке один из старейших художников Закарпатья, И. Бокшай; привлекают внимание новые полотна маститого художника, в частности, небольшой пейзаж «Сад у дома Ивана Франка во Львове».

С интересными работами выступают скульпторы. Впечатляющий образ выдающегося государственного деятеля и полководца создал в портрете Богдана Хмельницкого А. Ковалев. Интересно выполнен Ковалевым и портрет известного деятеля прогрессивной украинской общественности в Канаде Матвея Шатульского. Образ Богдана Хмельницкого оригинально трактуется в полуфигуре, созданной Е. Белостоцким.

Разнообразен раздел графики. Радует, что наряду с такими опытными мастерами, как В. Касиян, М. Дерегус, А. Резниченко, В. Мироненко и другие, здесь выступает талантливая молодежь: Н. Зубковский, И. Селиванов, М. Родин.

В дальнейшем укреплении творческого содружества с мастерами русского искусства, с художниками всех братских народов нашей страны видят украинские художники одну из основ своих успехов.

История одного рисунка

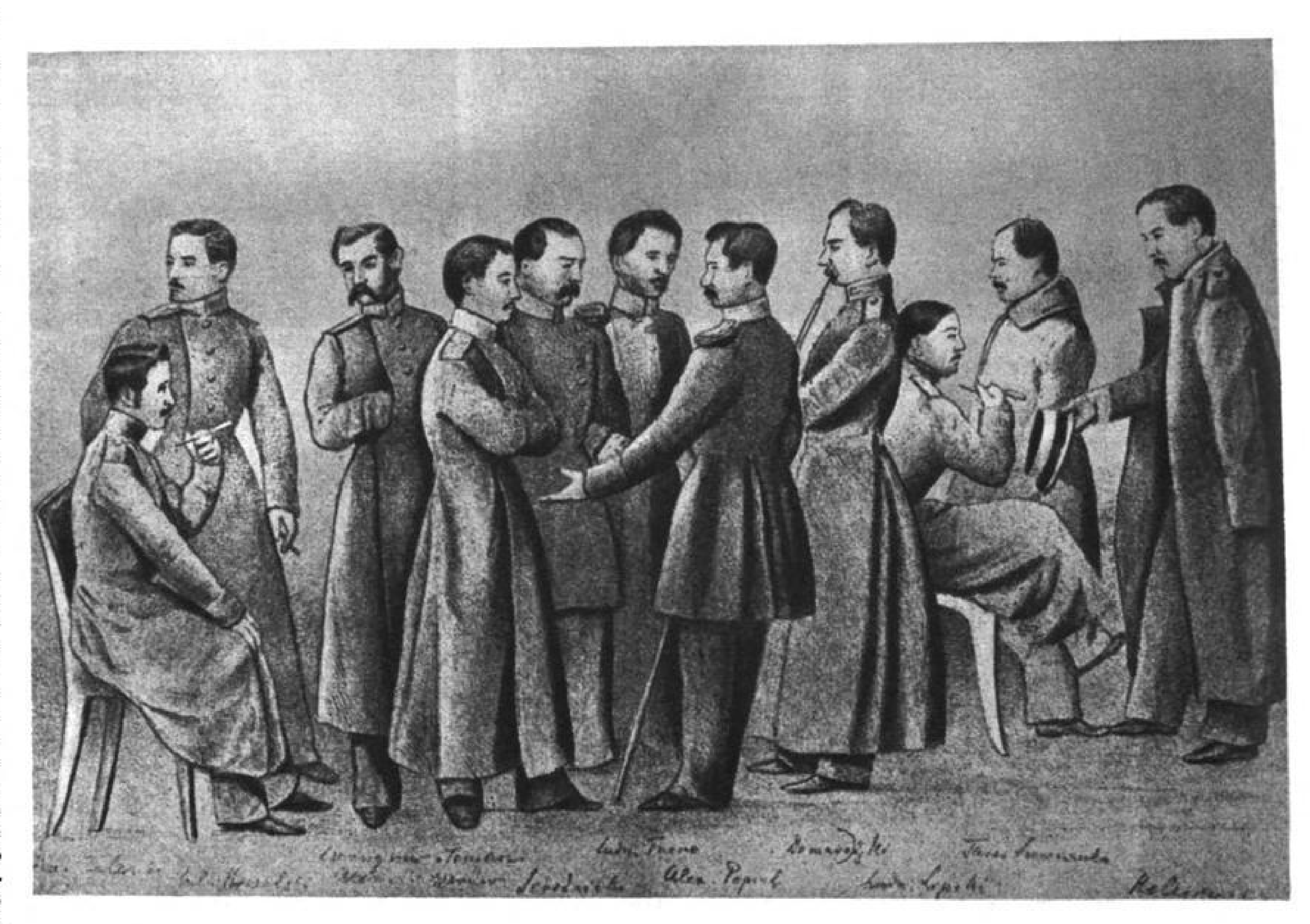

Рисунок А. Чернышева. Т. Г. Шевченко среди польских ссыльных в Оренбурге.

В речи на Втором съезде Польской объединенной рабочей партии товарищ Н. С. Хрущев так говорил о дружбе, связывающей русский, украинский и польский народы: «Много имеется в прошлом примеров личной дружбы передовых людей России, Польши, Украины. Эти люди, основываясь на общности народных интересов, стремились установить дружественные отношения между нашими народами».

Один из интереснейших фактов такого содружества в далеком прошлом раскрывает воспроизводимый нами рисунок. Великий украинский поэт и художник Т. Г. Шевченко (второй справа) изображен среди польских политических ссыльных в Оренбурге. Многих из них мы знаем как близких друзей Шевченко. Первый слева (сидит) — польский революционер Бронислав Залесский, впоследствии историк и художник. В закаспийских степях его связали с Шевченко узы большой, сердечной дружбы. Четвертый слева — Томаш Вернер (Шевченко называл его на украинский лад Хомой). С ним поэт на протяжении полутора лет делил трудности экспедиции на Аральское море. Шестой слева — Людвиг Турно, вместе с Шевченко и Залесским летом 1851 года участвовавший в походе на Каратау для разведок каменного угля. Пятый слева — Евстафий Середницкий, первый справа — Балтазар Колесинский; о них есть немало теплых упоминаний в письмах Шевченко.

Автор этого малоизвестного рисунка — русский художник Алексей Филиппович Чернышев. Имя Чернышева не раз упоминается в мемуарной литературе. Оно неизменно связывается с борьбой, которую вели друзья Шевченко за облегчение его участи в ссылке, в частности, за отмену «высочайшего» запрета писать и рисовать, принесшего великому поэту и художнику невыносимые страдания.

Чернышев был одним из художников «натуральной школы», сложившейся в русской живописи и графике как прямой отклик на реалистическое гоголевское направление в русской литературе. Многочисленные жанровые рисунки Чернышева свидетельствуют о его близости к П. А. Федотову, хотя они и лишены той острой социально-обличительной силы, которой проникнуто творчество основоположника русской жанровой живописи.

В петербургской мастерской у Венецианова, который в свое время принял деятельное участие в освобождении Шевченко из крепостной зависимости, Тарас Григорьевич бывал нередко. Здесь, видимо, и состоялось его знакомство с Чернышевым. И когда в июне 1847 года Шевченко, сосланный рядовым в Оренбургский отдельный корпус «под строжайший надзор, запретив писать и рисовать», прибыл в ссылку, Чернышев, проводивший лето и осень в родных краях, встретил Тараса Григорьевича, как давнишнего друга, приняв живейшее участие в его судьбе. Он ввел Шевченко в свою семью, где радушно приняли рядового из политических ссыльных. Документы и воспоминания современников свидетельствуют, что Чернышев настойчиво добивался у влиятельных лиц заступничества за ссыльного поэта и художника, хотя это, к сожалению, ни к чему не привело.

В Оренбурге Шевченко близко сошелся с группой польских политических ссыльных. Среди них, кроме лиц, уже знакомых нам по рисунку Чернышева, был известный революционер Сигизмунд Сераковский, в 1863 году казненный царским правительством. Сераковский, ставший после ссылки другом Чернышевского, выведен им в романе «Пролог пролога» в образе Соколовского.

В мае 1856 года, получив разрешение покинуть закаспийские степи, Сераковский писал Шевченко:

«Батьку!.. Еду в Петербург и на берега Днепра. Не бойся, не забуду: Днепр напомнит мне о тебе, батьку! Полк, в который я назначен, стоит зимой на берегах Днепра, около Екатеринослава, на месте Сечи. При первом известии об этом я написал послание — ты его в нынешнем году получишь. В нем слог слаб, но мысль высокая. Мысль — не моя, чувство мое. Мысль эта: о слиянии единоплеменных братий, живущих на обеих сторонах Днепра. Прощай!»

Непримиримый враг царского самодержавия, Сераковский был искренним другом русского народа. А. И. Герцен, с которым Сераковский встречался в Лондоне, говорил о нем впоследствии: «... он с любовью останавливался на мечте о независимой Польше и дружественной с ней вольной России».

Шевченко очень дорожил всем, что напоминало ему о дружбе с польскими политическими ссыльными. Получив в 1853 году от Бронислава Залесского их фотографии, он ответил ему так: «Добрый мой друже! Получил я с твоим последним письмом сердцу милые портреты. Бесконечно благодарю тебя: я теперь как бы еще между вами — и слушаю тихие задумчивые ваши речи».

Видимо, одну из таких дружеских встреч и запечатлел Алексей Чернышев в своем рисунке, исполненном в начале 1850 года.

В 1888 году с рисунка Чернышева была снята копия, находившаяся впоследствии в Кракове у Юзефа Корженевского. В 1911 году, к пятидесятилетию со дня смерти Шевченко, выходивший в Кракове журнал «Свят словянски» опубликовал в апрельском номере репродукцию с этой копии. По этой репродукции мы и воспроизводим рисунок Чернышева.

Л. ВЛАДИЧ

— Так высокомерно обращался я с людьми.

— Меня вы хотите перехитрить!

— Я всех обманул!

— Этому меня отец учил...

— Я происхожу из такой знатной семьи!

— Я был любимцем отца!

— Кто сказал, что я жулик!

— Я сказал!

— Ой! Только бы не повесили! Было бы жаль меня!

В одной роли

Венгерский артист
Кальман ЛАТАБАР

Не в каждом венгерском городе есть постоянный театр. Но в любом, даже в очень маленьком городке есть свои любимые актеры — не только артисты кино или участники местной художественной самодеятельности, но и мастера столичных будапештских театров, которых жители самых отдаленных уголков Венгрии хорошо знают по частым гастролям. На центральной улице такого городка почти всегда можно увидеть фотовитрину со снимками наиболее популярных актеров. И уж совершенно обязательно среди этих снимков вы найдете портрет человека с длинным, худощавым лицом, смеющимися глазами, носом с горбинкой.

— Наш Лоти,— с нежностью называют Кальмана Латабара венгерские зрители. Несколько десятков лет назад будапештцы так же звали и его отца, Арпада Латабара, популярнейшего артиста столицы. Несколько поколений Латабаров посвятили себя искусству. Прадед Кальмана — Эндре Латабар,— известный в свое время дирижер, режиссер, композитор, переводчик, много сделал для создания национальной венгерской оперы. Его сыновья продолжали патриотическое дело: отстаивали право венгерского народа на собственное театральное искусство.

Кальман Латабар известен советским зрителям по фильмам «Мишка-аристократ», «В одном универмаге», «Новички на стадионе». Но в нашей стране его знают только как киноактера. В Венгрии же Латабар не менее популярен как артист оперетты.

— Все роли, сыгранные мной,— это мои дети,— говорит Латабар. — И я одинаково люблю их, независимо от того, где они сыграны мною — в кино или в оперетте. Но одну роль я все же считаю наиболее удавшейся — это Богдан Сусик в оперетте «Трембита» Юрия Милютина.

Богдан Сусик — действительно большая удача актера. Кальман Латабар очень тонко раскрывает главное в Сусике — типичном барском прихвостне. Каждый жест, движение актера направлены на то, чтобы разоблачить перед зрителем все ничтожество Сусика, его алчность и наглость, трусость и подлость.

Оперетта «Трембита» пользуется большим успехом в Будапеште и других городах Венгрии, и в этом немалая заслуга Кальмана Латабара.

Г. БОРОВИК
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Копье летит за флажок

Попасть в квартиру заслуженного мастера спорта Зосимы Петровича Синицкого не так-то просто. На пороге надо перескочить через громадную кучу свежей, остро пахнущей стружки, затем протиснуться между разложенными и расставленными прутьями разной длины и толщины, не наступить на нежные пилы, тонкие стамески и другие столярные инструменты.

— Вход с препятствиями,— шутят спортсмены, здороваясь с хозяином. А он, высокий, широкоплечий, внимательно осматривает каждый прут, гнет его в

З. П. Синицкий.

сильных руках. Посмотришь — и удивишься: то ли это тренер, то ли столяр. И зачем это нужно человеку превращать квартиру в мастерскую?

Надю Коняеву подобная картина не удивила. Она знала: ее тренер готовит не только хороших метателей, но и мастерит неплохие копья. Сейчас Зосима Петрович испытывает новый сорт дерева. Через две — три недели никто не узнает этих горбатых прутьев: сгладятся сучки, заблестит отполированное, крепко склеенное копье. И в одну из тренировок Зосима Петрович вручит его ученикам для испытания...

Увидев ученицу, Синицкий оторвался от работы, довольно улыбнулся.

— Входи, входи,— пригласил он, вытирая руки,— рассказывай, как мир удивляла...

Надя неожиданно растерялась: она никогда еще не видела тренера таким довольным и радостным. Все ее прежние успехи он отмечал скупой похвалой и щедрым перечнем допущенных ошибок.

— Я сама себя удивила,— сказала девушка.

— Это почему же?

— Да ведь не ждала я этого, Зосима Петрович. Все же зима...

— Я тоже, признаться, не ждал. Но очень хотел.

...Вот уже несколько лет известный украинский тренер по легкой атлетике Синицкий занимается с Надей Коняевой, и весь ее путь в спорте, все ее успехи связаны с именем этого человека.

На соревнованиях школьников Киева Зосима Петрович заметил маленькую, худенькую девушку. Ученица 127-й школы метнула копье на 35 метров 77 сантиметров и стала рекордсменкой республики. Синицкий побеседовал с учителем Нади — Степаном Миновичем Клименко, познакомился с результатами, показанными девушкой на тренировках, и сказал:

— У вашей ученицы большие способности, если не возражаете, я возьму ее к себе.

Клименко, конечно, не возражал, и Надя Коняева стала ученицей Зосимы Петровича.

В 1951 году Надя Коняева поступила в Киевский институт физкультуры. Теперь уже можно по-настоящему взяться за изучение техники — ведь только тогда Надя сможет стать настоящим мастером. Но после первых двух недель занятий в институте Коняева неожиданно заявила тренеру:

— Я не смогу тренироваться, Зосима Петрович. Трудно совмещать с учебой.

Синицкий внимательно посмотрел на девушку и нарочито сурово проговорил:

— Да ты, оказывается, слабовольная. Вот уж чего не ожидал! Как же ты думаешь стать мастером? После первой же трудности испугалась...

И Надя продолжала тренироваться. А когда миновала первая в ее жизни студенческая сессия, когда она оказалась в числе лучших на курсе, к ней вернулись спокойствие и жизнерадостность. Было это зимой. Побелели склоны Черепановой горки за институтом.

Но Надя и Зосима Петрович продолжали занятия. Вместе с конькобежцами и лыжниками выходили они на тренировки, и копье улетало все дальше и дальше, мягко вонзаясь в снег.

...Минуло около двух лет. Надя окрепла, закалилась. Теперь ее броски стали уверенными и красивыми. В мае прошлого года Коняева установила республиканский рекорд. Ее копье пролетело 45 метров 84 сантиметра. Теперь только четыре метра отделяли ее от пятидесятиметрового рубежа — рубежа высокого класса. И с каждым соревнованием Надежда Коняева делала новый шаг вперед. На спортивных играх в Бухаресте, на первенстве страны в Москве, на товарищеских соревнованиях в Будапеште — всюду украинская метательница оказывалась в числе сильнейших. В Киеве в погожий октябрьский день осуществилась давно намеченная цель: копье пролетело 52 метра 26 сантиметров. Такого успеха не добивалась еще ни одна украинская спортсменка.

Но в Ленинграде жила Наталья Смирницкая, обладательница мирового рекорда—53 метра 41 сантиметр пролетело ее копье.

«Вот бы перекрыть этот результат!» — думала Надя и сама пугалась этой смелой мысли. Однако отказаться от нее не смогла и рассказала о своем намерении Зосиме Петровичу.

Но тот покачал головой.

— Не торопись,— сказал он.— Научись метать копье за пятьдесят метров регулярно, а потом уже берись за рекорд.

Миновала осень, наступила зима, а Надя продолжала посещать стадион. Каким бы крепким ни был мороз, занятия продолжались.

...Перед поездкой в Ленинград на всесоюзные зимние соревнования легкоатлетов спортивного общества «Медик» Коняева была, что называется, в боевой форме. На заключительной тренировке ее копье так же, как летом, пролетело 50 метров. Это было хорошее предзнаменование, и Зосима Петрович, который не мог вместе со своей ученицей поехать в Ленинград, долго беседовал с ней, намечая весь план предстоящего выступления.

И вот молодая киевлянка оказалась в Ленинграде одна, без тренера. Как не хватало ей Зосимы Петровича здесь, в незнакомом городе!..

Первые броски оказались неудачными, и Надя начала уже нервничать, когда к ней подошла Людмила Анокина. Надя знала, что эта копьеметательница занималась у Синицкого, когда он жил в Ленинграде, и в свое время установила мировой рекорд.

— Ты не волнуйся,— говорила Анокина, ласково обняв Надю за плечи, и киевлянке показалось, что тренер рядом с ней. А когда Надя выходила для заключительного броска, Анокина шепнула ей вслед:

— Будь смелей, Надюша. Смотри только вперед — на флажок... Желаю...

Надя крепко сжала обмотку копья, разбежалась, и копье, прочертив в морозном воздухе красивую дугу, упало рядом с рекордным флажком. Так казалось Наде Коняевой, но в действительности ее копье вонзилось в снег на 15 сантиметров дальше флажка, и скоро судьи объявили результат — 53 метра 56 сантиметров. Это был новый мировой рекорд, впервые в истории спорта установленный зимой на заснеженном стадионе.

Вернувшись в Киев, окрыленная своим успехом, Надя только на минуту забежала домой, оставила чемоданчик и поехала к Зосиме Петровичу. Выслушав рассказ ученицы, он сказал:

— Я особенно доволен тем, что рекорд установлен в Ленинграде...

— Почему? — удивилась Надя.

— Девять лет назад, когда я жил там, Людмила Анокина установила свой первый мировой рекорд в Киеве. Теперь ты—в Ленинграде.

К. ПУШКАРЕВ

Надежда Коняева.

Памятник запорожцам на Кубани

Кубанское казачество тесно связано с колхозниками Украины. Многие сельхозартели, совхозы и МТС Краснодарского края соревнуются с колхозниками и сельскими механизаторами Киевщины, Запорожья, Полтавщины.

Дружба эта имеет славное прошлое. Известно, что Запорожская Сечь была оплотом Украины в борьбе с турками, татарами, польскими панами. После окончания русско-турецкой войны 1787—1791 годов запорожские казаки, а с ними и войсковой судья Головатый переселились на Кубаць. Здесь казаки несли кордонную службу, зорко охраняя южные границы России от вражеских набегов. Казаки поселились по правому берегу Кубани, соорудили военные укрепления с высокими изгородями, земляными валами, пушками, разместили сторожевые вышки с огневыми сигналами.

На вечные времена запорожцы остались на Кубани. В честь переселенцев в станице Таманской, куда пристала первая гребная казачья флотилия, осенью 1911 года был открыт памятник. Он сооружен на средства кубанцев, собранные по подписке.

На берегу воздвигнута гранитная скала. На вершине ее — могучая бронзовая фигура запорожского казака. В правой руке он держит древко знамени, а левая лежит на эфесе сабли. И кажется, что воин сделал последний шаг, взойдя на высокий берег, да так и застыл навеки.

На гранитном пьедестале высечены слова песни запорожцев:

В Таманй жить, вирно служить,
Гряницю держаты,
Рибу ловить, горилку пить,
Ще й будем богати...

На лицевой стороне пьедестала — бронзовый барельеф, на котором изображена казачья флотилия, пристающая к берегам Тамани. Надпись гласит: «Первым запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 г.».

Я. КРИВЕНОК
Фото Д. Шорохова.

Редкий случай цветения пальмы

В коллекционных фондах центральных оранжерей Ботанического сада Академии наук УССР пальмы представлены очень широко. Здесь собраны обитатели как субтропических, так и тропических зон всего земного шара.

Привлекают внимание два экземпляра великолепных австралийских ливистон. Привезенные уже взрослыми растениями еще в 40-х годах прошлого столетия, эти пальмы прекрасно акклиматизировались. Одна из них достигла гигантской для условий оранжереи высоты — 12 метров, при толщине ствола у корневой шейки 52 сантиметра. Крона пальмы образована 102 листьями.

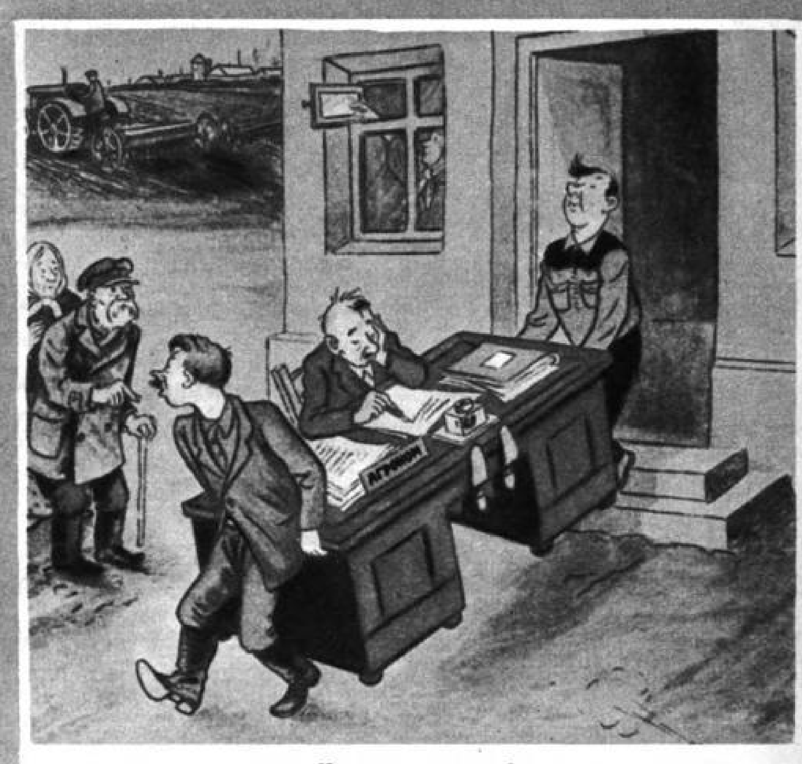
За свое более чем столетнее существование в оранжереях сада австралийские ливистоны никогда не цвели, хотя, как известно, цветение некоторых видов пальм в оранжерейных условиях — явление довольно обычное.

Весна этого года принесла Ботаническому саду хороший подарок: одна из ливистон зацвела. Из шапки верхних листьев, разорвав кроющий лист, выдвинулось огромное, до 70 сантиметров, метельчатое соцветие, напоминающее канделябр. Мелкие веточки соцветия сплошь покрыты характерными для пальм как бы восковыми цветами, обильно пылящими. Зацветшая пальма имеет только мужские цветы, поэтому у ливистоны не будет плодов.

О. ЛАПИЦКИЙ

Киев.

Украинская сатира

— Куда это вы его?
— Проветривать.

Рисунок О. Козюренки.

«В КУРСЕ ДЕЛА»

— Угостить вас молочком, товарищ уполномоченный?
— Нет, надоите мне лучше кефиру!

Рисунок А. Арутюнянца.

— Поздравляю! Вашу работу мы приняли с оценкой «хорошо»!

. . . .

Рисунок А. Арутюнянца.

НА СПЕКТАКЛЕ «БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ»

НА СЦЕНЕ

— «Отче наш» знаешь?
— Знаю.
— Горилку пьешь?
— Пью.
— Истинно христианская душа!..
— Записывай в третий курень...

В ЗАЛЕ

— Вот так иногда председателей колхозов выбирают.

Рисунок В. Гливенки.

ЧУТКИЙ ПРОДАВЕЦ

— Подождите, граждане, я отпущу мальчику папиросы. Он ведь в школу может опоздать.

Рисунок З. Толкачева.

БОКСЕРЫ ПОНЕВОЛЕ

— Неужели у вас все занимаются боксом?
— Нет, просто других рукавиц в нашем магазине не бывает.

Рисунок В. Гливенки.

— Почему ты из села удрал?
— Условия не понравились: соломы много, а коктейль-холлов нет.

Рисунок студента В. Чеканюка.

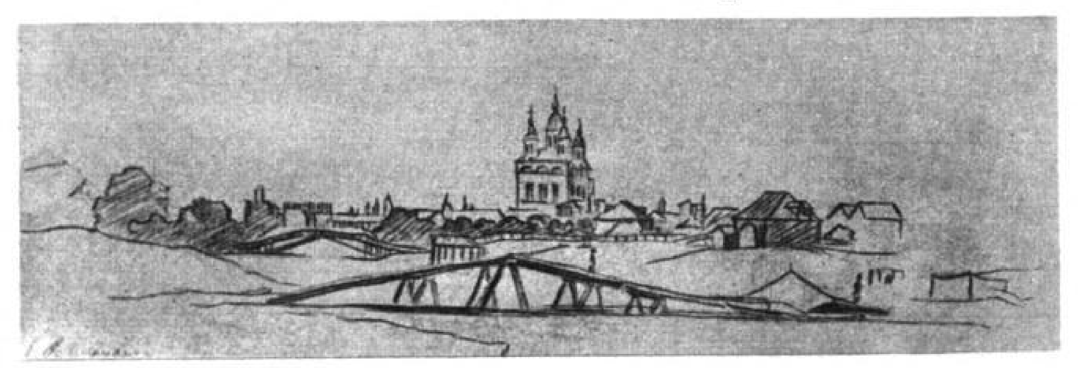
«ТЫ Ж МЕНЯ ЗАМАНИЛА...»

— А Клавочка где? У нас сегодня с нею обручение.
— Вышла.
— Куда?
— Замуж.

Рисунок С. Кузьмина.

Т. Г. Шевченко в Астрахани

Великий украинский поэт Т. Г. Шевченко записал 5 августа 1857 года в своем дневнике: «В 5 часов вечера приплыл я на самой утлой рыбачьей лодке в город Астрахань». В тот день уже целое море и более полусотни километров суши отделяли поэта от ненавистной ему «широкой тюрьмы» — Новопетровского укрепления, откуда его вызволили русские друзья.

Т. Г. Шевченко провел в Астрахани несколько дней, глубоко интересуясь жизнью и достопримечательностями города. Его внимание привлек также астраханский Кремль. Особенно восхитил поэта Успенский собор.

Т. Г. Шевченко сделал зарисовку кремлевской стены, башен и Успенского собора. На этом рисунке запечатлен также ряд жалких лачуг, определявших облик Астрахани тех лет.

11 августа Т. Г. Шевченко сделал в дневнике новую запись: «На мой вопрос, кто был архитектором этого колоссального и прекрасного собора, отец Гавриил отвечал: простой русский мужичок».

«Мужичок» этот — Дорофей Минаевич Мякишев, был крепостным крестьянином князя Львова. В 1700 году вместе с 30 каменщиками-умельцами Мякишев начал возводить этот шедевр русской архитектуры. Как явствует из текста договора, архитектор-самородок получил за свой труд 100 рублей ассигнациями.

Астраханский Кремль — самобытный памятник русского зодчества XVI—XVIII веков.

В 1951 году началась реставрация кремлевских стен и башен. Продолжающиеся сейчас работы предусматривают полное восстановление астраханского Кремля.

Я. РЫЖАКИН

Астрахань.

Мастер народного искусства

На областной выставке самодеятельных художников в Черновцах внимание привлекла работа Г. А. Гараса «300 лет».

Решенные в лучших традициях народного прикладного искусства, рисунки ковра отображают три вехи в истории Буковины. По краям — освобождение Буковины русскими войсками в восемнадцатом веке и встреча воинов Советской Армии, освободивших Буковину от фашистских захватчиков в 1944 году. Тема центрального рисунка — социалистическое преобразование, осуществленное при братской помощи великого русского народа.

Гобелен по эскизу Г. А. Гараса выткут учащиеся Вижницкого училища прикладного искусства.

Г. ЛЕЙЧЕНКО

Черновцы.

Рисунок М. О. Микешина

Этот рисунок известного русского скульптора и художника М. О. Микешина обнаружен в фонде «Комитета по сооружению памятника Б. Хмельницкому в Киеве».

В январе 1875 года с лучшего из имеющихся в делах Киевской археографической комиссии портретов Богдана Хмельницкого была снята фотокопия и отправлена в Петербург Микешину.

В июле 1876 года ему отправили в числе прочих рисунков портрет Хмельницкого, портрет, который был признан учеными как «современный и наиболее верный в историческом отношении». Вместе с рисунками Микешину отправили описание одежды Хмельницкого, составленное крупнейшими историками-этнографами Украины.

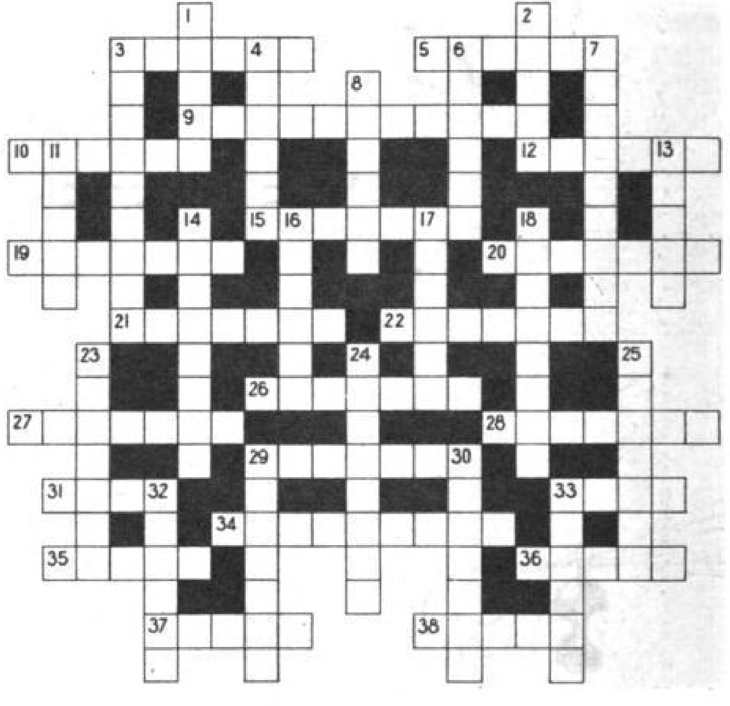
Пользуясь историческими источниками, М. О. Микешин нарисовал этот портрет и по нему лепил скульптуру для памятника.

В. ПОЗНАНСКИЙ

В этом номере на вкладках: репродукции картин С. И. Васильковского «Казаки в степи», И. Е. Репина «Запорожцы», Н. К. Пимоненко «Сенокос», М. И. Хмелько «Богдан Хмельницкий», А. А. Хмельницкого «Навеки вместе», Т. Н. Яблонской «Над Днепром», А. А. Шовкуненко «Сирень».

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Взаимная привязанность. 5. Успех, торжество. 9. Замена ручного труда работой машин. 10. Утешение, радость. 12. Усердие. 15. Политический центр правобережной Украины при Богдане Хмельницком. 19. Огородное растение. 20. Музыкальное произведение. 21. Украинская народная сказка. 22. Герой драмы Т. Шевченко. 26. Приток Северного Донца. 27. Автор картины «Навеки с Москвой, навеки с русским народом». 28. Зернохранилище. 29. Обработанный кусок металла. 31. Река, протекающая по территории Украины и РСФСР. 33. Приправа. 34. Один из руководителей народных восстаний на Украине в XVI веке. 35. Поверочное испытание. 36. Один из соратников Богдана Хмельницкого. 37. Молодой козак в «Майской ночи». 38. Вышивка.

По вертикали:

1. Народный артист СССР. 2. Шелковая ткань. 3. Участник революционных организаций, поднявших восстание в XIX веке в Петербурге и на Украине. 4. Железнодорожный узел на линии Москва — Киев. 6. Порция пищи на известный срок. 7. Союз, объединение. 8. Советский художник — иллюстратор «Тараса Бульбы». 11. Мужской голос. 13. Товарищ Кочубея из «Полтавы» А. С. Пушкина. 14. Город в Донбассе. 16. Правда. 17. Один из зачинателей новаторского движения в Донбассе. 18. Механизм в паровой машине. 23. Хлебный злак. 24. Хозяйство для разведения растений или животных. 25. Место действия в рассказе М. Коцюбинского, упоминаемое в заголовке. 29. Результат труда. 30. Воздушный флот. 32. Корнеплод. 33. Советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. Планиметрия. 7. Лиана. 8. Крупа. 10. Делянка. 12. Монета. 14. Зарево. 16. Вятка. 18. Актив. 19. Темза. 20. «Овод». 21. Тире. 22. Автол. 24. «Нервы». 25. Агава. 26. Клапан. 29. Салака. 31. Условие. 34. Обрат. 35. Радий. 36. Учительница.

По вертикали:

1. Шарада. 2. Финал. 3. «Демон». 4. Приказ. 5. Плаке. 6. Ягуар. 7. Леонкавалло. 9. Айвазовский. 11. Ялта. 13. Таволга. 15. Антенна. 16. Виола. 17. Аннва. 23. Сабо. 27. Пярну. 28. Нутрия. 29. Сервиз. 30. Лодка. 32. Лидер. 33. Вальс.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 00674. Подп. к печ. 11/V 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 416. Заказ. 1398 Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Праздник в селе Рычки, Косовского района, Станиславской области.

Фото Н. Козловского.

Цена номера 3 руб.